V Kiev! Chto dielali,...

Въ

...ЕВЪ!

...ѢЗДЪ
...ИСЧИКОВЪ

...ника
...нанія

СОДЕРЖАНІЕ.

Маршрутъ для осмотра достопримѣчательностей города Кіева см. **на 2-ой стр. обложки.**

Предисловіе.

Настоящая книжка является документомъ, свидѣтельствующимъ едва ли не
ъ единственномъ въ своемъ родѣ событіи—съѣздѣ со всѣхъ концовъ Россіи
дей самыхъ разнообразныхъ профессій, общественнаго положенія, пола и
зраста. Никакихъ общихъ матеріальныхъ интересовъ, которые могли бы опра-
ать связанныя съ этою поѣздкой издержки и затрату времени, никто изъ
ѣхавшихся не преслѣдовалъ.

Что же заставило собраться этихъ совершенно незнакомыхъ людей, никогда
гъ съ другомъ не встрѣчавшихся и даже не имѣвшихъ представленія о тѣхъ,
кѣмъ они надѣялись свидѣться?

Что общаго между старымъ сѣдобородымъ учителемъ, пріѣхавшимъ въ
въ изъ Сибири, и делегатомъ отъ группы рабочихъ изъ каменноугольныхъ
ей Екатеринославской губерніи;—между офицеромъ, который, сдавъ экза-
ъ въ академію, пріѣхалъ по дорогѣ въ Кіевъ на съѣздъ, гдѣ онъ встрѣ-
ъ только нѣсколькихъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, и какимъ-
удь нотаріусомъ или народною учительницею, пріѣхавшими съ Кавказа или
Черниговской губерніи;—между старикомъ-археологомъ, земскимъ дѣятелемъ,
обравшимися здѣсь учителями, студентами и даже гимназистами, рабочими,
кенерами, адвокатами, чиновниками, профессорами, крестьянами, едва лишь
ра ставшими въ ряды „культурныхъ работниковъ", фельдшерами, желѣзно-
ожными служащими, псаломщиками, врачами, литераторами и людьми
кихъ другихъ свободныхъ и несвободныхъ профессій?

Что соединило ихъ? Изъ-за чего они отовсюду ѣхали въ Кіевъ? Почему
гіе изъ нихъ „не вѣрили своему счастью свидѣться" и дрожали, какъ бы
„счастье" не было у нихъ отнято непредвидѣннымъ вмѣшательствомъ по-
онних силъ?

Для тѣхъ, кто стоитъ далеко отъ давно намѣчающагося общественнаго движенія,
щаго навстрѣчу жизненнымъ интересамъ низшихъ классовъ населенія и ра-
ѣ для пріобщенія ихъ къ культурѣ со всѣми ея радостями и страданіями,—
ъ отвѣтъ долженъ показаться не только страннымъ, но даже невѣроятнымъ.
самомъ дѣлѣ, возможно ли, что эти столь далекіе и географически, и по
ему общественному положенію люди съѣхались для свиданія другъ съ дру-

гомъ потому только, что они являются читателями одного и того же журн „Вѣстникъ Знанія“?

Какъ это ни невѣроятно, но единственнымъ связующимъ ихъ другъ съ д гомъ звеномъ является „Вѣстникъ Знанія“ съ его „Недѣлей“ и другими не дѣлимыми отъ него изданіями, имѣющими въ виду одну и ту же цѣль—раб для подъема культурнаго уровня демократической интеллигенціи,—тѣхъ, по раженію одного публициста, сознательныхъ, передовыхъ элементовъ сво класса, которые желаютъ жить и трудиться для него и среди него.

Какъ понимаютъ они свои задачи и въ чемъ видятъ путь къ ихъ разрѣ нію, это читатели усмотрятъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Здѣсь же я замѣчу, Кіевскій съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ не былъ первымъ шаг къ единенію идеалистовъ знанія, его убѣжденныхъ поклонниковъ, такъ как до этого подписчики „Вѣстника Знанія“ собирались въ Минскѣ (въ 1905 г.) Москвѣ (въ 1905 г.), въ Петербургѣ (1905—1907 г.г.) въ Воронежѣ (въ 1911 но въ Кіевѣ, несмотря на внѣшнія препятствія, широкіе круги общества впер узнали объ этомъ давно назрѣвшемъ стремленіи идеалистически настроен части демократической интеллигенціи къ единенію подъ знаменемъ знанія.

И я позволю себѣ выразить надежду, что дальнѣйшіе въ этомъ направл шаги увѣнчаются еще большимъ успѣхомъ.

Что касается содержанія этой книжки, то оно должно было быть гор полнѣе, такъ какъ въ ней отсутствуютъ доклады, которые не могли б прочитаны на съѣздѣ вслѣдствіе преждевременнаго его закрытія, пренія поводу докладовъ и лекцій, а также и часть лекцій, которая въ теченіе съѣзд могла быть стенографирована, благодаря чему авторы ихъ, какъ, напр., п К. Ѳ. Жаковъ, не успѣли возстановить ихъ въ полномъ видѣ, другіе же, к инженеръ І. Р. Кобецкій и прив.-доц. Н. П. Василенко, и совсѣмъ не усп доставить къ выходу книги. Задерживать же ея выпускъ долѣе не предста лось возможнымъ. Даваемые въ текстѣ лекцій проф. М. В. Довнаръ-Зап скаго и Н. Д. Полонской рисунки должны были быть демонстрированы при мощи волшебнаго фонаря на экранѣ.

Заготовленные для этого діапозитивы временно хранятся у проф. Довнаръ-польскаго и будутъ переданы въ собственность будущаго Кіевскаго Обще „Вѣстника Знанія“.

В. Битнеръ.

СЪѢЗДЪ ПОДПИСЧИКОВЪ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ" ВЪ КІЕВѢ 11—19 ІЮНЯ 1911 ГОДА.

Кіевскій съѣздъ подписчиковъ „В. Зн."

Группа въ Царскомъ саду.

Къ исторіи съѣзда. Въ истекающемъ 1911 году было устроено два съѣзда подписчиковъ „Вѣстника Знанія". Первый изъ нихъ былъ пріуроченъ ко дню открытія въ Воронежѣ выставки, посвященной памяти знаменитаго историка Н. И. Костомарова, съ капитальнымъ произведеніемъ котораго „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" наши читатели уже знакомы, такъ какъ оно дается въ приложеніи къ „Вѣстнику Знанія".

Естественно, что наша редакція не могла не принять дѣятельнаго участія въ чествованіи Н. И. Костомарова, какъ перваго русскаго историка, который ставилъ себѣ задачей указать на дѣйствительное мѣсто народа въ исторіи Россіи.

[П]ользуясь этимъ случаемъ, я пригласилъ подписчиковъ съѣхаться въ Во[ронеж]ъ ко дню открытія выставки. Но съѣздъ былъ очень небольшой: съ одной [сторо]ны—вслѣдствіе невозможности оповѣстить заблаговременно о днѣ открытія [выста]вки (устроители до самаго послѣдняго дня колебались въ этомъ отноше[ніи),]съ другой—время съѣзда, мартъ, было крайне неудобно, такъ какъ лица [уча]щія не могутъ освободиться отъ своихъ занятій.

Помимо всего этого, я не разсчитывалъ на успѣхъ съѣзда еще и вслѣд особыхъ мѣстныхъ условій въ Воронежѣ, въ силу которыхъ вся обществе жизнь въ этомъ городѣ и губерніи совершенно замерла. Для характеристики ложенія достаточно сказать, что ко дню моего пріѣзда въ Воронежѣ, какъ я уз отъ дѣятелей воронежскаго о-ва народныхъ университетовъ, уже не находило одного предмета, кромѣ развѣ астрономіи, по которому дозволялось бы читать ціи,—все оказывалось „крамольнымъ“. Мѣстное общество, съ которымъ, въ его главныхъ представителей, я успѣлъ нѣсколько познакомиться, было соверш терроризовано мѣстной администраціей и не только не находило возможн работать въ просвѣтительной области, но даже опасалось проявлять какой- интересъ къ общественной дѣятельности въ этомъ направленіи. Впрочемъ, и понятно. Для того, чтобы полезная для государства энергія и инициатива шихъ общественныхъ силъ не тормозилась изъ страха развитія „крамо. чтобы общество не боялось заниматься созидательною работою, въ которой нуждается Россія, нужны умные, тактичные и просвѣщенные администрат которые знаютъ, что̀ дѣйствительно угрожаетъ опасностью общественнаго женія, а потому поощряемо начальникомъ губерніи быть не можетъ, и что̀ до. быть всѣми мѣрами поощряемо, безъ чего невозможно культурное развитіе щественной жизни Недалекіе администраторы, не умѣя различать поле допустимое и вредное, сжимаютъ въ своемъ кулакѣ всю общественную жи превращая губернію въ подобіе азіатской сатрапіи, гдѣ о культурной тельности никто не смѣетъ и думать. Въ такихъ губерніяхъ люди даже боятся, такъ какъ склонны иногда преувеличивать размѣры административ гнета, особенно тяжелаго вслѣдствіе „усердія“ низшихъ агентовъ...

Въ Воронежѣ прогрессивные элементы общества высказывали мнѣ увѣ ность, что „при настоящихъ условіяхъ“ нечего и думать ни объ удачѣ съѣ ни о какихъ-либо мѣстныхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ. „Теперь—не вре для созданія общества „Вѣстника Знанія“, которое ставило бы себѣ цѣлью знаніе края.

Уѣзжая послѣ свиданій съ мѣстными подписчиками и подписчицам также пріѣзжими изъ Самары, Саратова, Росоши и др. ближайшихъ город я видѣлъ, что на воронежцевъ—плохая надежда. Тѣмъ не менѣе, поѣздка имѣвшая послѣдствіемъ возбужденіе дѣятельности нѣкоторыхъ просвѣтительн кружковъ „Вѣстника Знанія“ и вызвавшая кое-гдѣ рѣшимость заняться о низаціею новыхъ, имѣла для меня еще то значеніе, что я имѣлъ возможн познакомиться съ настроеніемъ общества въ одной изъ наиболѣе людьми Богомъ забытыхъ губерній. На обратномъ пути я повидался съ нѣскольк москвичами, членами одного изъ кружковъ. И тамъ настроеніе, насколько могу судить по послѣдствіямъ, поднялось: начались экскурсіи для взаимн ознакомленія подписчиковъ и т. д.

Тогда же я и рѣшилъ устроить съѣздъ въ Кіевѣ. Было помѣщено въ „ дѣлѣ“ нѣсколько статей, посвященныхъ вопросамъ организаціи этого съѣ

иглашавшихъ читателей къ участію въ немъ. Кіевлянамъ были посланы пись-со слѣдующими вопросами, предварительно опубликованными въ „Недѣлѣ“:

Имя, отчество, фамилія. Семейное положеніе (холостъ, женатъ, имѣются ли ти?). Общественное положеніе (родъ занятій). Точный адресъ. Можете ли дать себя пріютъ пріѣзжимъ товарищамъ? Если да, то сколькимъ и какого пола? столомъ или безъ стола? За плату (какую?) или безплатно? Гдѣ живете леко ли отъ центра, удобно ли сообщеніе и пр.? Какое предоставляете по-щеніе, его размѣры, меблировка? Можете ли взять на себя путеводительство Кіеву и окрестностямъ? Не согласитесь ли способствовать организаціи ѣзда? Чѣмъ можете быть въ этомъ отношеніи полезны? Какія функціи возь-те на себя?

Въ первое время кіевляне медленно, съ трудомъ входили въ роль госте-імныхъ хозяевъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣлѣ организаціи съѣзда при-ли участіе подписчики В. В. Юнкевичъ, тов. предсѣд. Кіевск. Общественнаго ужка, и М. Л. Венгеровъ, предсѣдатель этого клуба, — дѣло пошло очень ѣшно. Организовалось бюро съѣзда, были выработаны практическія мѣры, зпечивавшія размѣщеніе пріѣзжихъ на экономическихъ началахъ по гости-амъ и у товарищей-подписчиковъ, пользованіе столомъ (въ нѣкоторыхъ слу-хъ безплатно) и пр. Кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, я считаю своимъ дол-ъ вѣразить отъ лица всѣхъ подписчиковъ, которые, искренно стремясь къ енію, близко принимаютъ къ сердцу успѣхъ кіевскаго съѣзда, какъ перваго езнаго шага въ этомъ направленіи, сердечную благодарность Е. Я. Вихману, вно облегчившему, въ особенности, первые медленные шаги организаціи съѣзда, И. Верещинскому, который вмѣстѣ съ И. М. Назаренко, кромѣ того, снималъ ппы подписчиковъ, Е. М. Антонюку - Богащенко, Л. Розенбергу, В. М. Цѣ-овичу, Я. В. Эйсмонту, А. А. Бурлакъ, Н. Д. Бурлаку, Я. Л. Демиховичу, и др., рые принимали горячее участіе въ бюро съѣзда, дежурили въ собраніи, вчали на письменные запросы и всячески старались способствовать успѣху зда.

Къ сожалѣнію, та растерянность, которая наступила послѣ совершенно нователънаго (а потому и очень напугавшаго многихъ) закрытія съѣзда, ала невозможнымъ исполненіе членами бюро съѣзда части ихъ функцій, свя-ыхъ съ ликвидаціею съѣзда и устраненіемъ многихъ недоразумѣній,—въ Об-венномъ Кружкѣ, часть членовъ котораго Богъ знаетъ чего испугалась, созданы условія, вызвавшія прекращеніе дежурствъ членовъ бюро: швей-, который обязанъ былъ направлять запоздавшихъ на съѣздъ въ гостиницы, одписчикамъ дѣлалась скидка съ номинальной цѣны, и гдѣ уже жили ихъ рищи-подписчики, не только не дѣлалъ этого, но даже сообщалъ ложныя ѣнія о моемъ мнимомъ отъѣздѣ изъ Кіева и т. д. Это создало массу неудо-ствій и нареканій. Но члены бюро, конечно, въ этомъ не виноваты.

Перейдемъ теперь къ результатамъ и впечатлѣніямъ съѣзда, при чемъ мнѣ тся здѣсь повторить многое изъ того, что я уже писалъ въ „Недѣлѣ“.

ГОРОДЪ КІЕВЪ.

Съ 12-го по 19-е іюня, включительно

состоится

РЯДЪ ЛЕКЦІЙ СОБЕСѢДОВАНІЙ И ЭКСКУРСІЙ

устраиваемыхъ Редакціей Журнала

Вѣстникъ Знанія

Въ Воскресенье 12-го іюня 1911 г.

УТРОМЪ

осмотръ достопримѣчательностей Кіева.

Въ 3 часа дня

въ помѣщеніи Кіевск. Общественнаго Кружка (Бессарабка 2, уголъ Бассейной) состоятся

СОБЕСѢДОВАНІЯ

съ подписчицами и подписчиками

ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ 13-го ІЮНЯ

ВЕЧЕРОМЪ: въ помѣщеніи Кіевск. Обществен. Кружка (Бессарабка 2, уг. Бассейной)

состоятся 2 лекціи

1-я Лекція

проф. **М. В. Довнаръ-Запольскаго**

ЗНАЧЕНІЕ СТАРАГО КІЕВА

(Среднее поднѣпровье въ глубокой древности. Торговое значеніе поднѣпровья. Греко-римскія торговыя связи. Торговля Кіева съ арабами, Византіей, Германіей и варягами. Величіе древняго Кіева. Торговыя связи и мѣстная культура. Промышленность, эмалевыя, слоняныя и др. издѣлія. Богатство древняго Кіева. Клады. Жизненная обстановка, на основаніи археологическихъ раскопокъ. Па-

2-я Лекція

Н. Д. ПОЛОНСКОЙ

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ г. КІЕВА

(Топографія древняго Кіева. Древнѣйшія церкви. Церковное строительство при Владимірѣ Святомъ и Ярославѣ. Десятинная церковь, Софійскій соборъ и др. Церковное строительство при преемникахъ Ярослава. Выдубецкій, Михайловскій, Кирилловскій и др. храмы. Детали церковнаго строительства, запустѣніе Кіева и подъемъ церковнаго строительства въ XVII вѣкѣ. Военный и ... соборы.

Лекція проф. К. Ѳ. Жакова

МІРОВАЯ СКОРБЬ

и пессимизмъ нашего времени

(Эволюція міровоззрѣнія человѣчества—анимизмъ, пантеизмъ, буддизмъ и главнѣйшія его основы. Отъ великаго оптимизма до пессимизма—книга Іова, древнегреческіе трагики. Сократъ и универсальный Логосъ. Платонизмъ и христіанство. Нов. Іерусалимъ, христіанство и поэзія рыцарей. Вѣра въ разумъ, законы природы—Галилей, Декартъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Лейбницъ. Предустановленная гармонія міра, безсмертіе духа и всемогущество разума, какъ крайнія проявленія оптимизма 17-го вѣка. Корни скептицизма. „Критика чистаго разума" Канта—разрушаетъ вѣру въ силу разума, для котораго многое непостижимо. Новыя формы пессимизма—эстетическая, моральная, соціальная и эмоціональная. Эстетическій пессимизмъ Ницше. Заратустра, Діонисъ и грядущій сверхчеловѣкъ. Моральный пессимизмъ Достоевскаго (Великій инквизиторъ, Смердяковъ, Иванъ Карамазовъ). Соціальный пессимизмъ Гартмана. Эмоціональный пессимизмъ Мопассана. Философія Шопенгауэра. Позитивизмъ. Современная литература запада и Россіи—не открываютъ новыхъ перспективъ (Мопассанъ, Кнутъ Гамсунъ, Андреевъ и др.) Весеннія мистицизма. Выходъ—въ эволюціонизмѣ. Творчество, какъ противоядіе противъ міровой скорби. Корни эволюціонизма. Заключеніе.

Послѣ лекціи пренія по поводу доклада.

ПОЭЗІЯ ДІОНИСА и АПОЛЛОНА

(Свѣтозарная фаталистическая и оптимистич. поэзія Аполлона—въ религіи брамановъ и Ригведѣ, Иліада и Одиссея, первыя главы Библіи, Кризисъ міровоззрѣнія—нирвана, буддизмъ, трагедія Эсхила, Софокла и Еврипида—культъ страдающаго бога земли, Діониса, Данте, Кальдеронъ, Шекспиръ—восходъ мысли къ идеѣ блага. Аристотель и эволюціонизмъ. Поэзія аскетизма. Сочетаніе платонизма съ націонализмомъ. Сервантесъ, Свифтъ и др. не задержали побѣдоноснаго шествія занебеснаго оптимизма Платона, Локкъ, Лейбницъ Ж. Ж. Руссо, Шиллеръ, англійскіе сентименталисты. Французская революція и Кантъ въ ихъ вліяніи на поэзію (Гете, Шатобріанъ, Байронъ, Леопарди, Лермонтовъ.) Шопенгауэръ и Ницше—Ибсенъ, Гамсунъ, Андреевъ. Эстетика Толстого. Поворотъ къ новому оптимизму (Вреппле, Дюрингъ, Авенаріусъ.) Поэты—оптимисты: Оскаръ Уайльдъ, Метерлинкъ, Фламмаріонъ, Толстой. Возвратъ поэзіи Аполлона— реалистическій, идеалистическій и

Въ ЧЕТВЕРГЪ 16-го ІЮНЯ ОСМОТРЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ КІЕВА.

Вечеромъ СОБЕСѢДОВАНІЕ,

во время котораго профес. Довнаръ-Запольскій сдѣлаетъ сообщеніе объ „Историческомъ пути" въ помѣщеніи Кіевскаго Общественнаго Кружка (Бессарабка 2.)

Въ ПЯТНИЦУ 17-го ІЮНЯ ЭКСКУРСІЯ по ГОРОДУ и въ ОКРЕСТНОСТИ КІЕВА.

ВЕЧЕРОМЪ въ помѣщеніи Кіевск. Общественнаго Кружка (Бессарабка 2.) состоится

СОБЕСѢДОВАНІЕ, во время котораго инженеръ І. Р. Кобецкій даетъ предварительныя объясненія о геологическомъ строеніи Кіева и окрестностей. Демонстрація картинъ на экранѣ.

Въ Субботу 18-го Іюня состоятся двѣ лекціи: 1-я лекція

прив.-доц. Н. П. ВАСИЛЕНКО

КІЕВЪ и КІЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО 40-хъ ГОДОВЪ

(Внѣшность тогдашняго Кіева. Общество. Университетъ, Академія Студенчество. Тогдашняя администрація. Бредне, Бибиковъ, Васильчиковъ, Фундуклей. Наука. Изученіе Кіевскихъ древностей, охрана памятниковъ и ихъ возстановленіе. Тогдашняя профессура—Максимовичъ, Иванишевъ и др. Костомаровъ. Кирилло-Меѳодіевское братство и его члены. Значеніе Костомарова какъ историка. Его біографія.

2-я лекція

проф. К. Ѳ. ЖАКОВА

ЧЕМУ УЧИТЪ АСТРОНОМІЯ МЫСЛЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ

19 ІЮНЯ ПРОГУЛКА НА ПАРОХОДѢ въ Межигорье

съ музыкой и ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСКУРСІЯ подъ руководствомъ горн. инж. І. Р. КОБЕЦКАГО.

Группа экскурсантовъ—подписчиц и подписчик. „Вѣстника Знанія" буд. сфотографирована.

„Подписчицы и подписчики „Вѣстника Знанія", „Научнаго Обозрѣнія", „Научной Библіотеки" и „Недѣли"

пользуются правомъ безплатнаго входа на лекціи и собесѣдованія, а за участіе 19 Іюня въ прогулкѣ на пароходѣ уплачиваютъ вмѣсто 85 коп. только 30 коп.

На собесѣдованія и экскурсіи допускаются только подписчицы и подписчики.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ: ВЪ ТЕАТРѢ ГРАМОТНОСТИ—ЛОЖИ балкона 1-го яруса (на 5 перс.) 2 р. 50 к. КРЕСЛА 1, 2, 3 и 4 ряд. 1 р., 5 и 6 ряд. 75 к., 7, 8 и 9 ряд. 65 к., 10, 11, 12, 13 и 14 ряд. 50 к., 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21 ряд. 35 к. БАЛКОНЪ: 1 яруса 1 и 2 ряд. серед. 25 к., 1 яруса 2 ряда боков. 20 к. БАЛКОНЪ 2 яруса 1 и 2 ряд. серед. 20 к., 2 яруса 2 ряда боков. 10 к., 2 яруса 3, 4, 5, и 6 ряд. 15 к. ГАЛЛЕРЕЯ всѣхъ рядовъ 10 к.

Билеты продаются въ книжн. маг. Вл. Идзиковскаго (Крещатикъ 35), въ Обществ. Кружкѣ, (Бассейная 2). а 13, 14, 15 и 18-го Іюня въ кассѣ театра Грамотности съ 5 час. вечера до конца лекціи.

Печ. разр. 11 Іюня 1911 г. Кіевск. полиц. Полк. Скалонъ. Отвѣтствен. распоряд. собраній, лекцій и экскурсій Редакторъ-издатель „Вѣстника Знанія" В. В. Битнеръ. Кіевъ, Типо-лит. „Прогрессъ".

Впечатлѣнія участниковъ съѣзда.

Когда я ѣхалъ въ Кіевъ, этотъ едва ли не важнѣйш культурный центръ Россіи со смѣшаннымъ населеніемъ, гд нужна очень тактичная и просвѣщенная администрація, нисколько не сомнѣвался, что встрѣчу здѣсь внимательнс отношеніе къ моимъ далеко необычнымъ культурнымъ начинаніямъ. И я не ошибс Экскурсіи, лекціи, собранія для подписчиковъ съ соотвѣтствующими преніям были мнѣ разрѣшены безъ всякихъ оговорокъ. Впрочемъ, со стороны просвѣ щенной администраціи иного и нельзя было ожидать, такъ какъ вся моя прс свѣтительная работа, опирающаяся на сочувствіе моихъ читателей и отличак щаяся открытымъ образомъ дѣйствій, не можетъ внушать какихъ-либо сомнѣні

Случилось, однако, нѣчто неожиданное, до сихъ поръ остающееся неяснымъ въ отношеніи своихъ первопричинъ. На третій день послѣдовало распоряжені о закрытіи „съѣзда“, закрытіи, которое на всѣхъ произвело ошеломляющє впечатлѣніе своею немотивированностью.

Въ рядахъ подписчиковъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ, произошло за мѣшательство... Проснулся типичный россійскій обыватель, запуганный, сбиты съ толку, не понимающій, что „можно“ и чего „нельзя“, вѣчно опасающійся „какъ бы чего не вышло“, переставшій справляться съ законами и предпочи тающій замкнуться въ свою скорлупу: „моя хата съ краю, я ничего не знаю“. Многими овладѣлъ чисто животный страхъ, и они, не зная за собою никако вины, въ паникѣ стали разъѣзжаться, дрожа за свое и безъ того несладко существованіе.

Я видѣлъ, что съ этими малодушными, извѣрившимися въ необходимост быть дѣйствительно виновнымъ, чтобы попасть въ „бѣду“, въ этотъ памятны вечеръ говорить безполезно: я понималъ, что увѣщеванія не достигнутъ цѣли не пытался останавливать бѣгущихъ. Возвратясь домой, они убѣдятся, что на прасно смалодушничали, что не было основаній для какихъ-либо опасеній, что, наконецъ, имѣлись всѣ данныя для того, чтобы считать закрытіе собра нія довольно обычнымъ „недоразумѣніемъ“, которое могло бы потомъ разрѣ шиться. И я предполагалъ, что все дѣло уладится... Но когда выяснилось, чт добрая половина подписчиковъ тотчасъ же разъѣхалась, что возстановить про грамму въ полномъ объемѣ, за отсутствіемъ времени, невозможно, что создастс невообразимая путаница,—для меня стало очевидно, что дальнѣйшія хлопоти безцѣльны.

Надо ли, однако, прибавлять, что никакихъ основаній для тревоги не имѣлось Всѣ собранія, собесѣдованія, экскурсіи и лекціи были разрѣшены; программы ихъ были представлены администраціи, и никакихъ отъ нихъ отступленій сдѣлано н было. Мотивомъ же къ закрытію собраній подписчиковъ, какъ объяснилъ мнѣ губернаторъ, явилась формальная сторона: мнѣ были разрѣшены экскурсіи, со бесѣдованія и лекціи, но все это въ совокупности, по мнѣнію мѣстной адми нистраціи, носило характеръ съѣзда, а съѣзды разрѣшаются только централь ною властью. Вотъ почему „съѣздъ“ и былъ закрытъ.

Офиціальное открытіе съѣзда было назначено на 12 іюня въ 3 часа дня. о такъ какъ многіе пріѣхали раньше, то Кіевскій Общественный Кружокъ, степріимно предоставившій намъ свое помѣщеніе для частныхъ собесѣдованій для первой лекціи, устроилъ для подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ вечеръ, на корый, кромѣ членовъ клуба, получили приглашеніе также и профессора, изъявиніе согласіе читать лекціи и руководить экскурсіями подписчиковъ „Вѣстн. Зн.“

Мысль привѣтствовать пріѣзжихъ „чашкою чая“ была очень удачна, и я, одя въ залъ, въ которомъ гремѣла музыка, а за столами, украшенными цвѣми и зеленью, уже сидѣли нѣкоторые знакомые мнѣ подписчицы и подсчики,—видѣлъ, что дѣло сближенія уже началось. На всѣхъ лежала петь какой-то семейности, простоты и искренности, а въ отдѣльныхъ группахъ дписчиковъ, выдѣлявшихся своими значками, видимо. установилась та теплая мосфера взаимной близости, сердечности, которая читалась на сіяющихъ лихъ дотолѣ незнакомыхъ другъ другу людей.

— Сегодня, господа, мы ни о какихъ дѣлахъ говорить не станемъ, сегод- мы здѣсь—гости. Будемъ же веселиться, знакомиться другъ съ другомъ, даже рачиться, если хотите...

И я, дѣйствительно, чувствовалъ себя зараженнымъ всеобщимъ душевнымъ дъемомъ, на сердцѣ было радостно отъ сознанія, что дѣло единенія честныхъ льтурныхъ тружениковъ вступило въ ту фазу своего развитія, за которой инается взаимное личное вліяніе каждаго изъ насъ.

Вечеръ прошелъ въ непринужденныхъ шуткахъ, веселыхъ разговорахъ и дечныхъ изліяніяхъ. Уже было 4 часа утра, на улицахъ пробуждалась жизнь, нце играло на золоченыхъ куполахъ церквей, когда мы, веселые, радостные, ходили изъ подъѣзда, стряхивая съ себя бумажную пыль конфетти, которая илась въ волосы, за шею, пристала къ одеждѣ и влажной кожѣ.

И когда, проснувшись черезъ нѣсколько часовъ, я увидѣлъ около своей вати повсюду эти маленькіе розовые, голубые, красные и другихъ цвѣъ кружочки конфетти, когда я вспомнилъ эти маленькія дурачества при обаніи другъ друга горстями бумажныхъ кружочковъ, эти взрывы веселаго ха, съ которыми принимались удачные выстрѣлы,—я понялъ, что этотъ веъ оставитъ въ сердцахъ присутствующихъ на немъ то свѣтлое воспоминаніе, рое, вѣроятно, долго не изгладится. Для многихъ изъ пріѣзжихъ, бѣдныхъ одныхъ учителей, проведшихъ всю жизнь въ глухой провинціи, въ медвѣжь- углахъ, никогда ничего подобнаго не видавшихъ и даже, быть можетъ, нѣлько ошеломленныхъ всѣмъ этимъ шумомъ и блескомъ, этой чуждой атмоой, вечеръ, проведенный среди съѣхавшихся товарищей по идеѣ, несонно будетъ памятенъ надолго.

Мы, русскіе, не умѣемъ веселиться и даже подчасъ готовы стыдиться проній того ребяческаго веселья, которое иногда насъ охватываетъ. Это какъ о лишаетъ насъ той серьезности, на которую мы претендуемъ. Къ счастью, томъ вечерѣ никто не думалъ о „высокихъ матеріяхъ“, всѣхъ заразило

чувство веселья, въ которомъ принимали участіе даже такіе солидные люд
какъ проф. Жаковъ и др., которые отбросили въ сторону всякую „философію
и своимъ примѣромъ старались настроить пріѣзжихъ въ унисонъ со всѣмъ с
бравшимся обществомъ.

На вечерѣ присутствовало, вѣроятно, около 600 человѣкъ.

На другой день состоялось офиціальное открытіе съѣзда. На первое соб
сѣдованіе собралось около 200 подписчицъ и подписчиковъ, всего же н
съѣздѣ, надо полагать, должно было бы участвовать около 1000 человѣк
значительная часть которыхъ пріѣхала уже послѣ закрытія съѣзда и тотча
же уѣхала, узнавъ о запрещеніи дальнѣйшихъ собраній. Конечно, многихъ из
пріѣзжихъ я такъ и не увидѣлъ, такъ какъ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что
уѣхалъ изъ Кіева вслѣдъ за закрытіемъ съѣзда.

Описывать здѣсь впечатлѣнія отъ перваго нашего собесѣдованія я не став
такъ какъ здѣсь помѣщаются выдержки изъ писемъ самихъ подписчиковъ, уч
ствовавшихъ въ этомъ засѣданіи. Скажу только (и это—общій голосъ всѣхъ,
кѣмъ мнѣ приходилось говорить), что для одного только этого собесѣдовані
для того только, чтобы послушать рѣчи собравшихся товарищей, чтобы ув
дѣть результаты перваго шага, сдѣланнаго на пути къ нашему будущему ед
ненію, стоило пріѣхать въ Кіевъ. Я слышалъ, что всѣ, кто не уѣхалъ тотча
домой, остались несказанно довольны этой маленькой манифестаціей сближен
культурныхъ работниковъ. Въ моей памяти навсегда останется впечатлѣні
оставленное рѣчью товарища В. П. Мураховскаго. Вы спросите, о чемъ онъ гов
рилъ.—Право же не знаю, не помню. Для меня не важны слова, въ которых
конечно, не было ничего новаго, которыми онъ и не собирался щеголять. Э
просто былъ крикъ наболѣвшей души, ищущей товарищей, стремящихся къ то
же свѣтлому идеалу братства, взаимной поддержки, и до сихъ поръ не нах
дившей ничего подобнаго въ окружающей сѣрой дѣйствительности. Г. Мурахо
скій сказалъ по моему адресу много теплыхъ словъ, указалъ на ту работу
созданію „мостовъ отъ сердца къ сердцу“, которая проходитъ черезъ всю мо
дѣятельность... И въ этихъ словахъ я и всѣ присутствующіе почувствовали т
кую искренность, что никому и въ голову не пришло считать это „рѣчью“ въ то
смыслѣ, который дѣлаетъ ее чѣмъ-то офиціальнымъ, торжественнымъ. Глядя
говорившаго, который подъ конецъ расплакался, на присутствующихъ, у бол
шинства которыхъ навернулись слезы на глаза, я видѣлъ, что всѣхъ насъ св
зываетъ одно единственное чувство—любовь, любовь къ своему народу и
тѣмъ, которые хотятъ посвятить ему свои слабыя силы.

Я чувствовалъ, что мнѣ надо отвѣтить на это сердечное, полное огня о
ращеніе товарища, пытавшагося выразить чувства присутствовавшихъ и отсу
ствовавшихъ идейныхъ читателей „Вѣстн. Зн.“ Но мое положеніе было сли
комъ трудно. Говорить о томъ, что до сихъ поръ сдѣлано на пути къ единені
о предстоящихъ задачахъ, — значило бы расхолодить собраніе, котор
должно было закрыться. И у меня невольно вырвались слова, за которы

исутствующіе, вѣроятно, почувствовали многое, чего при другихъ условіяхъ и бы не услышали.

О чемъ я говорилъ—точно не упомню, но знаю только, что мнѣ пришлось дтвердить уже не разъ отмѣчавшееся моими врагами, которые, издѣваясь до мною, называютъ меня „слюнявымъ", „любвеобильнымъ", „сладкимъ Битомъ", которые смѣются надъ моими усиліями строить „мосты отъ сердца къ рдцу", не понимаютъ и не хотятъ вѣрить этому.

Не знаю, какимъ былъ бы я при условіяхъ другой личной жизни,—думаю тѣмъ же,—но при настоящемъ моемъ положеніи, когда она для меня, можно азать, не существуетъ, я весь отдаюсь общественной работѣ, весь ушелъ просвѣтительную дѣятельность. Пусть въ черной и желтой прессѣ смѣются дъ моими обращеніями къ вамъ, дорогіе читатели, пусть издѣваются надъ имъ, такъ какъ имъ непонятна возможность любить людей, особенно—ѣхъ, кто тебя понимаетъ, кто стремится къ тому же свѣтлому будущему нада, кого радуютъ его радости и заставляютъ страдать его несчастья. Но вы, и постоянные читатели, знающіе меня уже болѣе десятка лѣтъ, вы знаете я дѣйствительно могу называть васъ дорогими, потому что вы мнѣ на саъ дѣлѣ дороги, потому что съ вами я отвожу душу, съ вами дѣлюсь свои надеждами и опасеніями, но больше всего, заботясь о поднятіи въ васъ ы въ себя и лучшее будущее, я самъ себя приподымаю, самъ себѣ вливаю ргію для дальнѣйшей работы по созданію цѣлой арміи безкорыстныхъ культ ныхъ работниковъ.

То ли я говорилъ и такъ ли,—не знаю. Но помню одно только, что вслѣдъ моими словами произошелъ взрывъ такого энтузіазма, такое проявленіе взаой связывающей все собраніе любви, что это впечатлѣніе не изгладится изъ моей ити. У всѣхъ на глазахъ были слезы, многіе рыдали, бросались другъ другу шею, обнимались!.. Невозможно передать того, что произошло. И я, коно, далекъ отъ мысли приписывать этотъ эффектъ своимъ словамъ. Тутъ, то, произошло естественное разряженіе накопившейся за долгое время сретихъ культурныхъ одиночекъ потребности въ единеніи, во взаимной любви, аходившей себѣ выхода. Если же мнѣ выпало на долю все это увидѣть въ бурной формѣ, то я могу сказать: я счастливъ, потому что вижу буду- Россію, которую построятъ люди, одушевленные не ненавистью другъ къ , а взаимною любовью. Они будутъ работать не въ области политики, арственнаго строительства, а на культурной нивѣ, для народнаго просвѣ, безъ котораго невозможенъ прогрессъ въ какой бы то ни было области.

Нѣкоторые недовольные закрытіемъ съѣзда дѣлали мнѣ упреки, что я не отился о разрѣшеніи съѣзда центральной властью. На это я могу отвѣтить, мѣстная администрація, конечно, сама отлично могла рѣшить, имѣетъ ли право разрѣшить то, что мнѣ было ею разрѣшено, тѣмъ болѣе, что я за едѣли писалъ губернатору о предстоящемъ „съѣздѣ" подписчиковъ „В. Зн." дставилъ подробную программу. По пріѣздѣ я лично передалъ недоста-

вавшіе конспекты лекцій проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, Н. Д. Полонско прив.-доц. Н. И. Василенко. Ничего, конечно, не измѣнилось со дня разрѣ нія мнѣ въ полномъ объемѣ программы занятій съ подписчиками (надо за тить, что разрѣшеніе мнѣ было дано не сразу, а послѣ наведенія соот ствующихъ справокъ). Какъ могло случиться, что первоначальная програ нашихъ занятій не казалась характерною для съѣздовъ, а потомъ въ ней б усмотрѣны признаки, придающіе всему характеръ съѣзда? Не проще ли вид въ этомъ благовидный предлогъ? Но считаю нужнымъ пояснить недовольн что и разрѣшенные центральнымъ правительствомъ съѣзды въ случаѣ надобно прекрасно закрываются мѣстными властями.

Дѣло не въ названіи, а въ чемъ-то другомъ, чего мнѣ такъ до сихъ п и не объяснили. Я могъ бы разсказать много, очень много. Но предпочи пока не распространяться на тему о мѣстныхъ „порядкахъ“.

Вотъ какъ описываетъ участникъ съѣзда учитель А. С. Г—чъ свои кі скія впечатлѣнія:

Мысль о поѣздкѣ въ Кіевъ занимала меня еще задолго до экскурсіи, к я впервые прочиталъ призывъ Вильгельма Вильгельмовича на страницахъ „ дѣли“. Собственно говоря, это не было призывомъ, это была инициатива, осуществлен е которой хотѣлось вѣрить и не вѣрилось. Не вѣрилось пото что предвидѣлись очень хорошіе результаты, а въ „очень хорошее“ въ наше время вѣритъ?.. Къ тому же, наша жизнь, жизнь народныхъ у телей, какъ бы зажглась подъ осеннимъ небомъ, въ темную, непрогляд ночь; а видѣть розовыя дали, улавливать добрыя настроенія—значитъ грези

Вмѣстѣ со мной грезило еще нѣсколько товарищей; мы строили различ планы, придумывали разнообразнѣйшіе исходы, какъ устроиться, какъ поѣх и, наконецъ, выбрались, какъ подписчики „Вѣстника Знанія“, для свиданія товарищами по журналу и съ В. В. въ Кіевъ.

Надо проникнуться состояніемъ души подписчика-провинціала, живу четырнадцать лѣтъ безвыѣздно въ глухомъ селѣ, какъ будто оторваннаго жизни, чтобы понять ту восторженность настроеній, которая сообщилась н въ Кіевѣ. Мнѣ казалось, что здѣсь, въ этомъ шумномъ, красивомъ гор жизнь расцвѣчена постояннымъ весельемъ, что солнце заключило условіе природой свѣтить и грѣть—здѣсь, на этой чудной сторонѣ прекраснаго юга

При мнѣ былъ № газеты „Недѣля“, и я инстинктивно прижималъ его с нѣе къ себѣ, какъ главнаго виновника моего пріѣзда сюда, и мысленно бл дарилъ редактора „Вѣстника Зн“. за доброе дѣло, за тѣ минуты счастья, к рыя мнѣ привелось испытать. Я шелъ по улицамъ Кіева, озаренный лу солнца, меня тянуло скорѣе въ „Общественный Кружокъ“, гдѣ я могъ вс титься съ товарищами по журналу. Я сразу почувствовалъ себя въ ро семьѣ; все говорило здѣсь о близости: и возбужденныя лица, когда рѣчь дила о журналѣ, и общее нетерпѣніе скорѣе поэкскурсировать по горо даже одинаковые значки въ петлицѣ.

Здѣсь я узналъ, что организовалось изъ подписчиковъ же „бюро“, кот должно было выработать подробную программу нашего пребыванія въ К 12-го іюня, въ 3 ч. дня, въ помѣщеніи „Общественнаго Кружка“ сошлис впервые (я, къ сожалѣнію, пріѣхалъ въ этотъ день и не былъ 11-го на веч Тутъ-то и начинается самая живая смѣна впечатлѣній, здѣсь-то мы и поз лились съ огромной группой подписчиковъ и подписчицъ „Вѣстника Зна

Послѣ вступительнаго слова предсѣдателя собранія, проф. Жакова, Вильгельмъ ьгельмовичъ сказалъ намъ нѣсколько словъ. Я затрудняюсь передать до- зно его обращеніе къ намъ, такъ какъ я былъ въ очень повышенномъ на ɔеніи,—я помню только, что съ первыхъ же словъ его всѣ сильнѣе почув овали, что пріѣхали не напрасно, что предстоитъ большая интересная рабо- обсужденіе вопросовъ, касающихся журнала, нашего журнала...

Какъ рѣдко удается подписчику назвать читаемое изданіе своимъ, считать я связаннымъ идейно съ журналомъ, чувствовать свой голосъ очень важнымъ рѣшеніи вопроса, что нужно для журнала... Здѣсь мы это всѣ ощущали; ;ь мы обрѣли право говорить о „дѣтищѣ" В. В-ча, какъ о своемъ, онъ при- шивался къ каждому голосу, ко всякому мнѣнію и отвѣчалъ на всѣ вопросы. товарищи не оказались на высотѣ своего положенія: они предлагали раз- ные вопросы, касающіеся журнала, его техники, содержанія, идеи, а также опросы праздные, но В. В. отвѣчалъ всѣмъ, любовно и внимательно оста- ивался на томъ или иномъ сомнѣніи и разрѣшалъ его немедленно.

Я стараюсь передать здѣсь всѣ подробности нашего перваго общаго свида- и дѣлаю это съ особенно большимъ удовольствіемъ, зная, что эти строки тъ прочтены отсутствовавшими товарищами и тѣми изъ нихъ, кто рвался могъ пріѣхать на общее торжество. Но врядъ ли удастся мнѣ передать то роеніе и энтузіазмъ, которые охватили присутствовавшихъ, когда говорилъ ъ товарищъ Мураховскій.

Въ аудиторіи не было искусственно созданной атмосферы для воспріятія й и ихъ „говоренія", у каждаго изъ насъ роились мысли, чувства, хотѣ- что-то сказать, сообщить. Видно было, что и г. Мураховскій не готовился ому, чтобы „выступать", экспромптъ его „выступленія" особенно подтвер- , когда онъ сталъ говорить по поводу здѣсь же высказанныхъ мнѣній. Въ мъ, было ясно, что у него много накопилось на душѣ, и онъ какъ нельзя и лучше олицетворилъ въ себѣ подписчика со всѣми его пережива- , волненіями, запросами и благодарностью. Онъ чувствовалъ, что здѣсь его тъ... „Не затѣмъ мы пріѣхали сюда, чтобы порицать или восхвалять „Вѣст- Знанія",— началъ г. Мураховскій.—Насъ собралъ здѣсь Вильгельмъ Виль- овичъ, далъ намъ возможность познакомиться другъ съ другомъ и съ мы привезли съ собой нашу нужду въ знаніи, въ просвѣщеніи, намъ кому заявить объ этомъ, нашъ голосъ будетъ услышанъ здѣсь..."

алѣе товарищъ Мураховскій подробно остановился на личности В. В-ча: - „Намъ,—говорилъ онъ,—нѣтъ дѣла до всѣхъ тѣхъ хлопотъ и треволне- оторымъ добрѣйшій Вильгельмъ Вильгельмовичъ подвергаетъ свою жизнь; итатели—эгоисты, мы все получаемъ въ готовомъ видѣ, и если намъ хо- выразить благодарность—мы посылаемъ ее В. В., но зато мы не останa- ѣмся и передъ упреками: мы ихъ также направляемъ къ В. В.

Вильгельмъ Вильгельмовичъ посвятилъ себя всецѣло служенію общему ому дѣлу, онъ весь въ теченіе девяти лѣтъ принадлежитъ намъ каждымъ омъ своимъ, всякимъ проявленіемъ своей энергіи"...

ъ это время меня осѣнило сознаніе, что тамъ, въ сѣрыхъ далекихъ углахъ, е-таки не одни, что, получая журналъ „Вѣстн. Знанія", мы вмѣстѣ съ олучаемъ и теплое ободряющее рукопожатіе дорогого Вильгельма Виль- вича, что онъ — съ нами въ каждой бесѣдѣ своей, и теперь хотѣлось ибудь сказать ему свое „спасибо" отъ всей души...

отъ порывъ мой сообщился всей аудиторіи, и всѣ потянулись къ В. В. сильнѣе руку... Не могу передать вамъ, отсутствовавшіе товарищи мои, удовлетвореніе получилъ я, когда мнѣ удалось протиснуться къ Вильгельму льмовичу и безмолвно поцѣловать его. Казалось, что я отблагодарилъ

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія" въ Кіевѣ.

Группа подписчицъ и подписчиковъ на обрывѣ въ Царскомъ саду.

Церковь.

Группа кіевлянъ въ Царскомъ саду.—У памятника Крещенія Руси.

бя и за васъ всѣхъ. Казалось, что это почувствовалъ и онъ... Отвѣтилъ намъ, однако, иначе:

— Я счастливъ, что могу видѣть васъ, слышать и говорить съ вами... Но ереоцѣнили мои достоинства .. Я слишкомъ мало сдѣлалъ въ сравненіи съ , что долженъ былъ и что могъ бы при иныхъ условіяхъ сдѣлать. Но бу- надѣяться и вѣрить, что будущее—въ нашихъ рукахъ. Мы будемъ слѣдо- твердо идеямъ, разъ навсегда намѣченнымъ „Вѣстникомъ Знанія"... Пере- привѣтъ мой на мѣстахъ дорогимъ подписчикамъ, мы еще встрѣтимся ними...

Растроганный В. В. сказалъ нѣсколько словъ и о томъ удовлетвореніи, рое испытываетъ онъ, читая въ нашихъ сердцахъ чувства признательности. амѣняетъ ему личную жизнь... Въ его словахъ слышалось нѣчто въ родѣ лвной жалобы, какая-то грусть... И мы всѣ это почувствовали. Въ 9 ча- вечера собраніе закрылось, и мы еще разъ чествовали В. В. аплодисмен- и горячо благодарили его за все то доброе, умное и живое, чѣмъ мы ны „Вѣстнику Знанія".

акъ завершился день 12-го іюня.

На завтра, 13-го, предстояли лекціи профессора Довнаръ-Запольскаго и г-жи нской. Еще съ утра мы разбились на группы и разсыпались по Кіеву и крестностямъ. Передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ, пестрѣли красочные . Кіевъ весь взобрался на гору, отмежевалъ себя зеленью, заострилъ себя шками тополей и у самыхъ ногъ своихъ раскинулъ Днѣпръ и сады. Са- и парковъ въ Кіевѣ много, но самые характерные, на мой взглядъ, это — ескій садъ и такъ называемый Царскій. Они стоятъ рядомъ; и тотъ, и й высятся надъ Днѣпромъ. Но первый изъ нихъ вылощенъ, вычищенъ, ъ цвѣтами; чистенькія дорожки въ желтомъ пескѣ вьются среди зелени, и боговъ и богинь, какъ завороженныя, застыли въ неподвижности; бѣлыя и, эстрада для симфоническаго оркестра—все это говоритъ о культурѣ, звѣстной требовательности, о городѣ и его жизни... А второй садъ, Цар- -стихіенъ; его деревья растутъ дико, кусты переплетаются другъ съ дру- все запущено, здѣсь нѣтъ и слѣда симметріи... Онъ окаймленъ обрывами ной стороны, а съ другой—Днѣпромъ. Но въ этой стихійности, въ этой ытности гораздо больше поэзіи естественной красоты, чѣмъ въ „Купече- ": здѣсь все необузданно, дико, въ разбросанности деревьевъ запеча- гордая надменность—и печать величія на немъ...

Ночью онъ еще милѣе. Оттуда, съ Днѣпра, смотрятъ десятки огоньковъ— роходиковъ и лодокъ, а сверху опрокинуто глубокое черное небо и яркія ы на немъ... Съ Владимірской горки, недалеко расположенной отъ обоихъ ь, виднѣется св. Владиміръ... Но „культура" и здѣсь наложила свою пе- и крестъ въ рукѣ св. Владиміра расцвѣтила электрическими лампочками...

Цѣлый день мы слонялись по городу, а вечеромъ собрались въ Общест- мъ кружкѣ, на лекцію проф. Довнаръ-Запольскаго. Помимо насъ, подпис- ъ, присутствовало очень много публики, такъ что пришлось прекратить жу билетовъ... Пробилъ долгожданный часъ, кто-то зажегъ на каѳедрѣ гонька, и точно такіе же огоньки зажглись въ глазахъ жаждущихъ услы- живое слово ученаго, тѣмъ болѣе, что тема насъ всѣхъ широко интере- а.

— Я буду говорить о значеніи стараго Кіева,—такъ началъ проф. Довнаръ- ьскій; и онъ сталъ говорить о торговыхъ связяхъ съ Римомъ и Визан- торговомъ значеніи Поднѣпровья...

акъ вдругъ... произошло нѣчто, о чемъ даже и въ тяжеломъ кошмарѣ не а приснится. Вильгельмъ Вильгельмовичъ, какъ распорядитель лекціи,

взошелъ на каѳедру, пріостановилъ чтеніе лекціи и заявилъ, что по распо женію губернатора собраніе закрывается...

. . . .

Нѣсколько секундъ мы стояли молча: Вильгельмъ Вильгельмовичъ и мы толпа. Мы смотрѣли на него, онъ на насъ—и безмолвно много сказали др другу... А проф. Довнаръ-Запольскій, не менѣе насъ растерянный, стоялъ ск фуженный и думалъ, вѣроятно, не о программѣ своей лекціи, не о паде Кіева и его торговлѣ въ XII вѣкѣ, а о временахъ первобытныхъ, когда землѣ были хаосъ и пустота...

Я собирался пробыть въ Кіевѣ еще нѣсколько дней, но меня внезапно звали телеграммой, и я вынужденъ былъ оставить товарищей своихъ, Кіевъ частицу самого себя въ немъ..

Спасибо вамъ, товарищи-кіевляне, за гостепріимство. Близокъ день, и снова свидимся, обновленные и радостные!

А вотъ что пишетъ самъ Вл. Павл. Мураховскій:

Собираясь на съѣздъ, я высказывалъ предположеніе, что можетъ встрѣтит „недоразумѣніе“ (дѣйствительность показала, что я былъ правъ), но тѣмъ менѣе, хоть день, хоть минуту побыть съ дорогимъ Вильгельмомъ Вильгель вичемъ и товарищами по журналу, хотя руку ихъ пожать, перекинуться вомъ-другимъ было такимъ страстнымъ желаніемъ, что хотѣлось вѣрить въ ществленіе своей мечты, почему и себя, и другихъ убѣждалъ, что не мож быть ни непріятностей, ни „недоразумѣній“ потому-де, что съѣздъ разрѣш оффиціально.

Всякій знаетъ, какъ быстро въ вагонѣ завязывается знакомство: слово— вопросъ другой,—и вы уже разговорились и на цѣлую ночь... Узнаютъ мои бесѣдники, что мы съ женой ѣдемъ въ Кіевъ... на съѣздъ подписчиковъ ж нала „Вѣстникъ Знанія“, удивляются: „Съѣздъ подписчиковъ журнала? Стр ный съѣздъ! О такихъ съѣздахъ не слыхивали, да не слышали и о такомъ „гр комъ журналѣ“!

Какъ умѣлъ, разсказалъ о журналѣ, о дѣятельности его редактора-издате А разсказать я кое-что могъ: вотъ девять лѣтъ, какъ я читаю журналъ (съ п ваго года его изданія). Видѣлъ я, что дѣлалось и что сдѣлано для удовлетво нія капризныхъ читателей и подписчиковъ... Я говорилъ о томъ, что журн удовлетворяетъ всѣхъ, кто его выписываетъ; что редактора-издателя мы любимъ за то, что у него слово не расходилось съ дѣломъ; за то, что онъ етъ своимъ подписчикамъ здоровую пищу; за то, что „спать“ намъ не дае будитъ насъ: шевелитъ, зоветъ къ добру, къ свѣту, къ работѣ и къ взаим дѣятельной любви. Я назвалъ сотрудниковъ журнала (а имена эти м го значатъ: по нимъ судятъ о направленіи журнала, о его серьезности), речислилъ названія приложеній и ихъ авторовъ,—я доказалъ, что редакторъ „дурачитъ“ подписчиковъ, какъ выразились сначала мои собесѣдники, и едва ли онъ можетъ получать барыши. Убѣдительно ли я говорилъ, или с шателямъ жаль было, видя увлекающагося человѣка, разочаровать его,— знаю, но только спутники мои съ вниманіемъ слушали меня, изумлялись, ничего не знали объ этомъ журналѣ, изъявляли даже желаніе выписать взяли адресъ... Теперь они уже безъ насмѣшки спрашивали, какая цѣль съѣ надолго ли ѣдемъ мы, что тамъ будутъ дѣлать; а на прощанье напутствов насъ пожеланіями успѣха.

И, вотъ, я—въ Кіевѣ... въ Собраніи Общественнаго Кружка... Предъявл бандероль, получаю входной билетъ для жены и себя... Спѣшимъ въ гостини на-спѣхъ переодѣваемся, обѣдаемъ... Въ три часа открытіе съѣзда, а уже бо

двухъ на моихъ часахъ. Беремъ извозчика, ѣдемъ въ Собраніе, гдѣ будетъ ₍о₎ое засѣданіе.

Въ залѣ гулъ. Товарищи разбились на группы, сдержанно бесѣдуютъ, слы-ся смѣхъ, всѣ какъ-то особенно торжественно настроены. Лица все бодрыя, рѣлыя: видно, не привычны они подъ зонтики прятаться. Изъ зала черезъ ытую дверь вижу у стола, за чаемъ... вѣдь, это—онъ! Онъ, виновникъ се-яшняго торжества! Я видѣлъ раньше его портретъ, я узналъ его по чест-у открытому лицу, большимъ усамъ и манерѣ держать голову набокъ... гіе заглядывали въ ту дверь!.. Въ залѣ, между тѣмъ, становилось шумно, алась семья, ждетъ... Многіе успѣли познакомиться, разговорились... Если вы видѣли, какъ разнообразна была наша семья, какая пестрота костюмовъ, астовъ! Здѣсь были студенты, офицеры, чиновники, учителя, рабочіе, кон-дики, машинисты, крестьяне, совсѣмъ юные люди и сѣдые старики, изъ гу-ній Архангельской, Астраханской, Томской, не говоря о ближайшихъ. Холе-руки не стѣснялись жать мозолистыя руки,—всѣхъ объединила святая идея оты для личнаго и общаго счастья... Вдругъ шумъ умолкъ: передъ нами ьгельмъ Вильгельмовичъ! Онъ жметъ намъ руки, онъ съ нами...

Засѣданіе открыто. Предсѣдателемъ былъ выбранъ профессоръ Жаковъ, но ральной фигурой этого засѣданія былъ все-таки Вильгельмъ Вильгельмовичъ.

Маленькое отступленіе! Я сказалъ, что видѣлъ портретъ Вильгельма Виль-мовича, но, вѣдь, портретъ—только портретъ, а не человѣкъ,—и хотѣлось отворить этотъ портретъ. Признаюсь, я представлялъ себѣ Вильгельма ьгельмовича человѣкомъ особеннымъ: изысканнымъ по костюму, манерамъ; казалось, что на немъ лежитъ особый столичный отпечатокъ. Къ большому му удовольствію, я ошибся; въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, онъ не эф-енъ, онъ—самый простой человѣкъ. Глаза, улыбка располагаютъ къ нему, а рянное покусываніе губы говоритъ, по-моему, о томъ, что онъ всегда но-думу, что сердце его не покойно. Онъ привѣтливъ, ласковъ, остроуменъ, гда онъ былъ между нами, совсѣмъ не чувствовалось его превосходства.

Первое засѣданіе было нашимъ первымъ шагомъ, несмѣлымъ, неопытнымъ, и, нно, замѣчались недостатки, но они искуплены тѣмъ, что мы спѣшили въ ь съ полными сердцами. Къ дѣловой бесѣдѣ мы оказались совсѣмъ неподо-вленными, и когда поднялся вопросъ о тѣхъ или иныхъ желательныхъ ре-ахъ журнала, то указанія были довольно случайны, поверхностны, не но-слѣдовъ обдуманности. На новый съѣздъ мы пріѣдемъ не съ пустыми ми: каждый, какъ сумѣетъ, самъ или вмѣстѣ съ товарищами, приготовитъ докладъ, а бюро товарищей во время самого съѣзда или раньше, ко дню да, сумѣетъ использовать этотъ матеріалъ. Кстати,—изъ Кіева много при-я визитныхъ карточекъ товарищей: имена, отчества, фамиліи,—все какъ-мѣшалось, перепуталось: изъ десятковъ карточекъ могу возстановить толь-ри-четыре лица. Лица многихъ, какъ живыя, сейчасъ передо мною, но кто —Ивановъ ли, Горовскій, Орелъ иль Верещинскій—не помню! Хотѣлъ бы сать тому, котораго сейчасъ, вотъ, вижу предъ собой, слышу его слова, калобы, знаю, что и визитная карточка его есть у меня, но не знаю его и и фамиліи. Нельзя ли къ будущему съѣзду запастись визитными кар-ми съ маленькими портретами? Это недорого стоитъ, а для насъ было бы о. Такія карточки можетъ приготовить любая фотографія.

Лучше будетъ заготовлять визитныя карточки съ портретами типограф-ь путемъ. Готовясь къ съѣзду, каждый можетъ прислать въ редакцію свою графію. Здѣсь будетъ сдѣлано клише, наборъ карточки, и отпечатано вмѣ-съ другими, сразу цѣлыми листами. Вѣдь, для съѣзда каждому понадобится олько сотъ карточекъ, а это, какъ бы дешево ни стоило, обычнымъ пу-

темъ обойдется немало. Послѣ отпечатанія (типографскимъ способомъ) ф графіи на карточкахъ каждый можетъ получить обратно фотографію, служ шую оригиналомъ, а также и клише, съ котораго на будущее время л будетъ печатать новыя карточки. Печатаніе карточекъ черезъ посредство дакціи обойдется, конечно, недорого.

Владиміръ Павловичъ

Мураховскій.

Изюмъ, Харьк. гу

Вы знаете, какъ закончился нашъ съѣздъ,—повторять не буду. Скажу т ко, что въ роковой для съѣзда вечеръ, передъ лекціей, мы были такъ стливы, такъ веселы: мы были хозяевами, мы принимали идейныхъ гостей. Б шой залъ былъ полонъ, заняли боковыя комнаты, стояли у стѣнъ, и все-многіе, если и не друзья наши, не друзья журнала, не читатели его, не номышленники, то, безъ сомнѣнія, тѣ, что въ недалекомъ будущемъ бу таковыми, не могли попасть на лекціи — мѣста не было! Тепло было на ду радостно трепетало сердце, но недолго счастье продолжалось... Вы хотѣли дорогіе товарищи, чтобы я разсказалъ вамъ, что мы чувствовали, что пере вали въ ту минуту, когда объявили съѣздъ закрытымъ. На такую неожи ность каждый реагировалъ по-своему... Я разсказалъ бы вамъ о нашемъ строеніи, о настроеніи гостей, да... А знаете ли, подобныя минуты имѣютъ мадное воспитательное значеніе. „Сѣется въ смерть, возстаетъ же въ славѣ вспомнились слова, которыя когда-то зазубривались... Да, я вѣрю, что закры съѣздъ не будетъ послѣднимъ: мы еще увидимся!

Товарищъ Г-чъ говоритъ въ „Недѣлѣ", что я „какъ нельзя ярче и лучше ол творилъ въ себѣ подписчика со всѣми его переживаніями, волненіями, запроса благодарностью"—спасибо на добромъ словѣ! Но все же онъ кое-что важ по-моему, пропустилъ, что я и хочу возстановить въ надеждѣ, что мои с найдутъ откликъ въ сердцахъ товарищей. „Вспомните работу Вильгельма В гельмовича,—говорилъ я:—вспомните:—ему мы обязаны тѣмъ, что здор книга проникла въ темные уголки нашей родины, онъ способствуетъ подъ культурнаго уровня народа, онъ зажигаетъ въ насъ жажду знанія... Пусть дѣятельность будетъ намъ живымъ примѣромъ! Если мы дѣйствительно люб нашу родину, если мы дѣйствительно любимъ нашихъ братьевъ, то не словахъ, а на дѣлѣ докажемъ эту любовь, возьмемся за руки и будемъ боро съ окружающимъ насъ мракомъ, будемъ учиться, воспитываться, звать въ къ тому же, будемъ вѣрить въ лучшіе дни, будить эту вѣру и въ друг работать и звать къ работѣ, памятуя, что подъ лежачій камень и вода не течетъ. Культурно-просвѣтительная работа (безъ всякой политической окра говоритъ сама за себя, и отъ святой работы уклоняться не слѣдуетъ, боя

эго. А если бояться взяться за честное мирное дѣло, тогда надо... надо бо-
ся и жить на землѣ!“

Вспоминая кіевскіе дни, я прихожу къ заключенію, что мы очень трусли-
къ дѣлу, къ настоящему маленькому дѣлу не подготовлены я до того
ки, что собственныя мысли высказывать боимся, а заговоримъ—съ двухъ-
къ словъ собьемся, собственнаго голоса испугаемся. Страхъ-то этотъ, пожа-
и на руку, по плечу русскому человѣку: имъ можно оправдывать соб-
нную бездѣятельность, оправдывать воспѣтую русскую лѣнь. А ужъ лѣнь
а до того дошла, что мы вредимъ себѣ, другимъ и даже тѣмъ, кого лю-
ъ. Вы не вѣрите? Убѣждать не стану, а прошу терпѣливо выслушать слѣ-
щее: редакція получила болѣе двухъ тысячъ писемъ съ требованіемъ (да,
требованіемъ! говорю со словъ Вильгельма Вильгельмовича) перепечатать
вый томъ исторіи Костомарова; редакція уже перепечатала его на лучшей
агѣ, помѣстила иллюстраціи, чего раньше не было, и на это истратила не
ячу, а тысячи рублей... Скажите, развѣ тотъ, кто любитъ журналъ, кто глу-
уважаетъ труженика-редактора, допуститъ до этого? „Товарищи!—говорилъ
гда и повторяю снова:—товарищи! да будетъ намъ стыдно! Наша вина,
непроизводительно затрачены деньги; мы молчали—и вотъ результатъ на-
о молчанія! Десятки тысячъ скромныхъ, тяжелыхъ на подъемъ подписчиковъ
атъ, а эгоисты, не любящіе журнала, не успѣвшіе полюбить его, шлютъ
редакцію бранныя письма... Пусть покраснѣютъ они, устыдитесь и вы за
что удосужились прислать только нѣсколько сотенъ писемъ въ противовѣсъ
ь двумъ тысячамъ... Будемъ отзывчивѣе, сбросимъ лѣнь и на всякій при-
ь редакціи, на всякое ея обращеніе будемъ откликаться; въ этомъ—залогъ
цвѣтанія нашего дорогого журнала и порука, что Вильгельмъ Вильгельмо-
будетъ работать бодрѣе и энергичнѣе, да и мы сами, научившись быть
олнительными и аккуратными въ маломъ, скорѣе научимся дѣлать и боль-
дѣла“.

Кіевскіе дни такъ были непохожи на всѣ предыдущіе сѣренькіе дни на-
трудовой жизни, что мы были очарованы, возбуждены до крайности, и,
довательно, не до спокойныхъ бесѣдъ намъ было: мы ограничивались пер-
чальнымъ знакомствомъ съ товарищами, дѣлились впечатлѣніями дня, по
и... На другой день мы стали ближе сходиться, ближе познакомились на
ѣ общихъ интересовъ, разговорились, но роковое „недоразумѣніе“ заста-
многихъ изъ насъ поскорѣе оставить Кіевъ. Зачѣмъ струсили? Чего по-
ись? Вѣроятно, собственной тѣни, или ужъ въ самомъ дѣлѣ правда, что пу-
я ворона и куста боится!? Съѣздъ былъ закрытъ, но мы-то какую вину съ
минуты почувствовали, почему постыдно испугались и поспѣшили убраться
й вмѣсто того, чтобы пожить вмѣстѣ, познакомиться, поговорить, душу от-
и? У насъ столько было общаго, мы въ самомъ дѣлѣ были братьями! Съ кѣмъ
сталкивался, отъ всѣхъ слышалъ, что они любятъ свой журналъ, что всѣмъ
ги его идеи, всѣ хотѣли бы работать не только для себя, но и для пользы
ихъ, для лучшаго будущаго, но... Столько наговорили этихъ „но“, что
ко и осталось быть нѣмымъ, какъ рыба, а между тѣмъ какъ широко поле
работы, какъ легко ее дѣлать... Боже мой! какъ легко, было бы только же-
е. Кто бы ты ни былъ, мой товарищъ: учитель ли, чиновникъ, офицеръ или
чій—все равно!—если ты хочешь быть полезенъ другимъ, если ты хочешь
вить слѣдъ послѣ себя, память о себѣ,—работай, дѣлай дѣло, а не расто-
слова, не жалуйся. Ты ищешь большого дѣла, скорыхъ и видныхъ резуль-
въ? Скоро только сказка складывается, да не скоро дѣло дѣлается. Намъ,
енькимъ людямъ, большое дѣло не подъ силу, а особенно—когда мы работа-
врозь. Насъ, товарищей, многіе десятки тысячъ, и если каждый изъ насъ

хоть одного посторонняго для журнала научить видѣть въ книгахъ луч друга, сознательно пользоваться ими, отличать ихъ по качеству—и тогда онъ не даромъ жилъ, онъ сдѣлалъ хорошее дѣло, онъ бросилъ добрыя сѣм и вѣрьте!—они взойдутъ и принесутъ плоды. Учителя жалуются, что руки заны у нихъ... Да сдѣлайте только свое „маленькое“ дѣло: не тушите въ тяхъ любознательности, воспитайте пытливость, научите брать изъ книги ное, научите передавать свои мысли на бумагѣ—и вы дадите родинѣ нов людей... Развѣ этого мало для васъ? Развѣ безъ этого можно ожидать ско шаго и лучшаго переустройства жизни?

Недолго мы были вмѣстѣ, но тѣсно сошлись, успѣли подѣлиться тѣмъ просилось изъ сердца, да не находили мы раньше сочувствующихъ намъ нимающихъ насъ. Мы сдѣлали первый шагъ къ сближенію. Трудно лишь на ноги, а тамъ пойдемъ безъ замедленія. Пусть будемъ сначала спотыка но дальше наши шаги будутъ увѣреннѣе, мы научимся быть смѣлыми, прі темъ опытъ, пойдемъ впередъ и поведемъ за собой другихъ.

Что же осязательнаго далъ кіевскій съѣздъ? Скептикъ скажетъ: „Кон ничего! пустая была затѣя! Изъ пушекъ по воробьямъ стрѣляли“. А я ск „Неправда! Этотъ съѣздъ былъ показателемъ того, такъ велика воспитател сила журнала. Это былъ первый пробный камень, на немъ сказалось съ и зительной очевидностью, что многолѣтніе труды дорогой редакціи не проп сѣмя взошло,—правда, пока еще не всплошную. Растутъ честные безкорыс работники, которые смыслъ жизни найдутъ въ трудѣ для себя и другихъ которыхъ проснутся человѣческіе интересы,—и такіе праздники духа, кіевскій съѣздъ, станутъ частыми, плодотворными, изъ крупныхъ центровъ ренесутся въ отдаленные уголки земли родной, тамъ народятся союзы тов щей-подписчиковъ; воспитательныя и культурныя идеи журнала оцѣнятъ в кого есть иные интересы, кромѣ шкурныхъ. Вѣдь, пусть-ка иностранцы чтутъ, что русскіе бѣдные, духовно-голодные люди на гроши пріѣхали Кіевъ не барыши дѣлить, не веселиться, а пріѣхали побрататься, собралис духовный пиръ—да они рты отъ удивленія раскроютъ и убѣдятся, что на не только медвѣди да черные вороны, а и люди есть, что Русь возрожда растетъ и тихо, но вѣрно строитъ свое будущее. Какъ черная стая ни чер нашего добраго неутомимаго Вильгельма Вильгельмовича, а рано или позд враги должны будутъ признать его заслуги и покраснѣть: вѣдь, онъ безъ сидій сдѣлалъ много больше ихъ.

Низкій поклонъ, сердечный привѣтъ и лучшія пожеланія дорогому В Привѣтъ товарищамъ, участникамъ съѣзда! Привѣтъ товарищамъ по журн

Другой участникъ съѣзда Мих. Булгаковъ такъ описываетъ свои впечатл

Я только что съ кіевскаго съѣзда... Послѣ недавно пережитыхъ пріятн и непріятныхъ чувствъ спѣшу подѣлиться впечатлѣніями.

То, что пришлось пережить и испытать за нѣсколько дней, среди доро товарищей-подписчиковъ, родило во мнѣ новыя, лучшія мысли, приба больше энергіи и заставило увѣровать въ то несомнѣнное значеніе, кот имѣетъ и можетъ имѣть для насъ нашъ журналъ „В. Зн.“ Я хочу подѣли впечатлѣніями съ тѣми, кто не былъ на съѣздѣ, кто сейчасъ послѣ закр уѣхалъ, съ тѣми, кто остался, быть можетъ, недовольнымъ или разочарованн Непосвященнымъ, не знающимъ дѣйствительныхъ причинъ закрытіе съ покажется страннымъ явленіемъ. Чувства недоумѣнія, отчасти досады—пон но чувство разочарованности, ропота и грубаго недовольства не должно и мѣста среди идейныхъ подписчиковъ „В. Зн.“

Да! Закрытіе съѣзда—фактъ, не отрадный и тяжелый для насъ! Но, „В. Зн.“ привыкъ на своемъ пути къ лучшему встрѣчать терніи.

Страницы „Недѣли“ полны горячихъ призывовъ къ бодрости, полны живой ы въ жизнь, и не намъ, читателямъ ея, унывать и падать духомъ.

Страницы „Недѣли“ создали съѣздъ, и это понятно, такъ какъ давно на-ла потребность сплотиться въ одну дружную семью для совмѣстной продук-ной работы въ цѣляхъ культурнаго подъема народа и личнаго саморазвитія. но бы пора возникнуть съѣздамъ подписчиковъ, несмотря даже на то, что оторые изъ насъ еще слабы, неопытны и недостаточно подготовлены къ у, чтобы вполнѣ сознательно отнестись къ подобнымъ организаціямъ. Пер- кіевскій съѣздъ въ жизни подписчиковъ „В. Зн.“ кажется мнѣ необычай-ъ явленіемъ, отраднымъ и крупнымъ шагомъ. Онъ является твердой осно- будущей совмѣстной работы и хорошимъ предвѣстникомъ нашего объ-іенія.

Я говорю такъ, какъ будто съѣздъ совсѣмъ и не закрывался... Да, мнѣ ется вѣрить въ то, что съѣздъ продолжался до конца, по крайней мѣрѣ, для ь, кто не поторопился уѣхать изъ Кіева. Остались же изъ самыхъ отда-ныхъ губерній, остались именно тѣ изъ подписчиковъ, д я которыхъ слово ѣло—синонимы. Я не умаляю достоинствъ однихъ, не возвышаю другихъ, все же всѣми нами, пріѣхавшими на съѣздъ, несомнѣнно руководило одно цее желаніе сплотиться. Я сказалъ, что мы еще недостаточно подготовлены тому, чтобы сознательно отнестить къ подобнымъ съѣздамъ. Это видно хотя изъ того, что большая часть пріѣхавшихъ подписчиковъ вскорѣ разъѣха-ь, не имѣя на то никакихъ уважительныхъ причинъ.

Пріѣхавшихъ на съѣздъ подписчиковъ я раздѣляю на двѣ группы. Пер- группа—это тѣ, кто почувствовалъ страхъ передъ кѣмъ-то и чѣмъ-то и не ь разобраться во всемъ происходящем ; вторую группу составляютъ тѣ, остался до конца, справедливо считая это своею обязанностью.

Предо мною—письмо одного изъ „бѣжавшихъ“ подписчиковъ:

„Мнѣ досадно на самого себя за то, что я такъ быстро уѣхалъ, не успѣвъ отрѣть Кіевъ, этотъ красивый и славный въ исторіи городъ. Прочитавши е письмо, стыжусь признаться, я не могу дать себѣ отчета въ моемъ бы-омъ отъѣздѣ. Выходить такъ, какъ будто я пріѣхалъ съ преступными цѣ-. Но мнѣ было еще болѣе обидно и досадно, когда я узналъ, что ьшая часть подписчиковъ осталась въ Кіевѣ, и я не успѣлъ позна-иться съ ними и подѣлиться моими мыслями и взглядами. Я узналъ, что остались съ В. В. Битнеромъ, и это еще больше заставляетъ меня крас-... Счастливцы! Вы видѣли памятники исторіи Кіева, музеи, храмы, обога-ись дешевыми книгами, дѣлились впечатлѣніями, снимались группами, сдру-ись! А я, вотъ, уѣхалъ обратно изъ какого-то страха, уѣхалъ неудовле-еннымъ, да еще осмѣлился негодовать, роптать и больше того—терять ... Простите! За мое глупое бѣгство я наказанъ“.

Читая это письмо, я невольно вспоминаю прощальныя слова одного изъ исчиковъ Ковенской губерніи и съ чувствомъ уваженія и благодарности ожу ихъ здѣсь:

„До свиданія, товарищи! Благодарю васъ за вашу вѣру, дружбу, за ваши ія стремленія и желаніе учиться и учить другихъ. Неудача съѣзда дала новую вѣру, влила въ насъ больше бодрости и энергіи трудиться. Мы кили вмѣстѣ нѣсколько дней хорошихъ и вотъ расходимся по своимъ мѣ-ь съ новымъ запасомъ знаній. Продолжайте работать на нивѣ народной, е вѣчное, доброе, разумное, и спасибо вамъ скажетъ народъ! Моя горячая амъ просьба: подымите духъ разочарованныхъ неудачею съѣзда,—до новой ѣчи, до новаго съѣзда! Удобряйте и приготовляйте благопріятную почву, а спасибо вамъ—и до свиданія, товарищи!“

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ въ Кіевѣ.

Грухановъ островъ.—Группа подписчицъ и подписчиковъ у Золотыхъ воротъ.—Видъ на Днѣпръ и памятн.. св. Владиміру съ Владимірской горки.—Трое подписчиковъ за чтеніемъ.—Мостъ въ Царскомъ саду.

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія" въ Кіевѣ.
Николаевскій скверъ.—Въ Голосѣевскомъ лѣсу на прогулкѣ.—Группа у памятника св. ладиміру.—Новый костелъ.

А вотъ еще нѣсколько живыхъ, теплыхъ словъ, полученныхъ мною открыткѣ:

„Товарищъ, я дома! Дома, но не тѣмъ, чѣмъ былъ до Кіева. Кіевъ и писчики открыли мнѣ новые горизонты, иную вѣру въ жизнь и дру взглядъ на мою работу скромнаго учителя,—оттого ли, что я засидѣлся въ глу оторваннымъ отъ культурнаго общества, или отъ другихъ причинъ,—не зн но чувствую, что во мнѣ зарождается новый міръ. Подъ наплывомъ впе тлѣній мнѣ трудно высказаться... Мнѣ хочется теперь учиться, учиться и уч другихъ для настоящей здоровой жизни".

Я имѣю полное нравственное право передать на судъ подписчиковъ два только что полученныхъ дорогихъ для меня письма. Пусть они буд лучшей иллюстраціей къ кіевскому съѣзду. Мои личныя наблюденія и ма здоровыхъ и пріятныхъ впечатлѣній говорятъ мнѣ много о самомъ журна Повторяю, кіевскій съѣздъ служитъ залогомъ будущаго развитія нашихъ си

Донская область, губерніи: Курская, Тульская, Черниговская, Полтавск Подольская, Бессарабская, Херсонская и др. прислали въ Кіевъ людей и щихъ и желающихъ объединенія для совмѣстной просвѣтительной рабо Можно гордиться, и есть чѣмъ! Пусть молніеносные зизгаги „В. Зн." ярче б стятъ среди мертваго застоя. Кіевскій съѣздъ—результатъ неустанной раб „В. Зн.", среди подписчиковъ котораго давно ужъ назрѣвала потребнс объединиться. Десятилѣтнее существованіе журнала создало для себя кіевск съѣздомъ незабвенный памятникъ.

Мнѣ хочется обратиться къ тѣмъ изъ подписчиковъ, которые остались довольными съѣздомъ. Господа, бросьте ропотъ и недовольство! Нѣтъ посл ствій безъ причинъ... Въ нашихъ неудачахъ мы сами виноваты. Многіе ли насъ проявили живую и необходимую дѣятельность въ дѣлѣ организаціи ч ныхъ съѣздовъ, устройства кружковъ „В. З."? Многіе ли изъ насъ переш отъ словъ къ дѣлу? Да, наконецъ, многіе ли изъ насъ работаютъ въ „Недѣл

Въ теченіе своего десятилѣтняго существованія „В. Зн." твердо защища свой девизъ: учиться и учить другихъ. А мы, идущіе подъ знаменемъ „В. много ли мы-то сдѣлали для нашего дорогого журнала, осуществили мы х бы часть того, къ чему онъ насъ звалъ и чему училъ? Вѣдь, редакція своихъ стремленіяхъ и своей работѣ одинока. Вѣдь, вы же не съ нею. Вѣ вы ничего не сдѣлали для того, чтобы осуществить тѣ идеи, которыя за щаетъ „В. Зн." И вамъ ли роптать и быть недовольными, терять вѣру въ чего сами тамъ искали! Простите, я не бросаю вамъ упрека, но говорю то, что п сказалъ мнѣ кіевскій съѣздъ. Меня, конечно, могутъ упрекнуть въ нѣкоторомъ п страстіи къ журналу. Но для того, чтобы заранѣе защититься отъ этихъ возм ныхъ упрековъ, я считаю необходимымъ сказать о томъ, что сдѣлалъ и дѣлае для насъ нашъ журналъ. Тяжела и терниста та дорога, по которой все вре идетъ „В. Зн.", и слишкомъ неблагопріятны тѣ условія, среди которыхъ е приходится работать. Долгія усилія, непомѣрный трудъ и настойчивая раб издателя и редактора В. В. Битнера врѣзывались остріемъ въ тупую бро мертваго застоя нашей печальной дѣйствительности. Съ момента своего в никновенія и до настоящаго времени „В. Зн." несъ отвѣтственную задачу и каждымъ годомъ шелъ все впередъ и впередъ. То, что прежде журнало только проектировалось, — сейчасъ осуществляется и принимаетъ реальн формы. Вѣдь, кіевскій съѣздъ—уже 2-ой въ этомъ году, въ первые годы своего существованія „В. Зн." твердо положилъ въ основу своей дѣяте ности великую идею самообразованія и единенія. Это былъ первый звукъ, р давшійся среди полнаго застоя въ нашей общественной жизни, и мы види теперь, какимъ чуднымъ аккордомъ отозвался онъ въ нашемъ современно

ществѣ. И этотъ отзвукъ понятенъ, его не могло не быть, хотя бы уже по-
му, что за все время своего существованія журналъ никогда не измѣнялъ
бѣ, не измѣнялъ разъ намѣченной цѣли. Брошенное на почву сѣмя взошло,
ло свои молодые, но сильные побѣги, и эти молодые ростки—мы. Этимъ мы
жемъ только гордиться. Намъ дорогъ „В. Зн.", и мы во имя его стремленій
язаны защищать каждую страницу журнала отъ нападокъ темныхъ и невѣ-
ственныхъ силъ. Если вѣрно, что знаніе облагораживаетъ человѣка, возвы-
етъ его,—а можно смѣло сказать, что цѣль „В. Зн."—прививать знанія во
ѣхъ слояхъ современнаго общества,—то не будетъ ли болѣе, чѣмъ страннымъ—
веденіе тѣхъ, кто видитъ въ молніеносныхъ зизгагахъ „В. Зн." какое-то
гало.

Страшно и прискорбно!

Недавно „Нов. Время", со свойственной этой газетѣ развязностью цити-
зало мою статью „Майская ночь", помѣщенную въ № 20 „Недѣли". От-
чу „Нов. Вр.", что духъ нашъ твердъ и вѣра бодра для того, чтобы бороться
непристойными нападками г.г. нововременцевъ.

Я глубоко убѣжденъ, что заслуги „В. Зн." предъ современнымъ обществомъ
ики. Я лично видѣлъ молодыхъ людей, которые, благодаря горячему призыву
рнала, подымались бодро къ жизни и стали теперь лучшими людьми;
цѣлъ способныхъ, сильныхъ умомъ и характеромъ, но вышедшихъ въ
знь безъ вѣры въ нее и затѣмъ пробудившихся; видѣлъ и встрѣчалъ
ти безграмотныхъ, а теперь—съ трезвымъ взглядомъ на жизнь; видѣлъ лю-
, прежде всецѣло занятыхъ только собой, а теперь посвятившихъ себя на
женіе человѣчеству. Какъ въ распаленной знойными лучами пустынѣ пут-
къ, разслабленный, подавленный и больной, жадно стремится къ холоднымъ
уямъ родника и находитъ силу и смыслъ жизни, благословляя при этомъ
о, такъ и каждый изъ нихъ, кто приходилъ къ „В. Зн." находилъ въ немъ
вительный родникъ вѣры и смысла жизни.

Кто изъ насъ подписчиковъ не скажетъ, что онъ живетъ вѣрой въ лучшее
ѣтлое будущее; кто изъ насъ не былъ разочарованнымъ, подавленнымъ и даже
аявшимся, а теперь сталъ бодрымъ благодаря „В. Зн."! Знаніе—великій рычагъ.
аніе просвѣщаетъ народъ, ведетъ на путь нравственнаго подъема, культурнаго
звитія. Знаніе украшаетъ страну, дѣлаетъ ее сильной, могучей, и если эту
ачу взялъ на себя журналъ „В. Зн.", то не стыдно ли тѣмъ, кто пускаетъ въ
шъ лагерь ядовитыя стрѣлы пошлаго и необоснованнаго обвиненія?!

Всѣ инсинуаціи по адресу „В. Зн.", вѣдь, исходятъ изъ-подъ пера тѣхъ, кому
жды истинное стремленіе къ знанію. Долгъ каждаго изъ насъ—защищать нашъ
рналъ и работать для него.

Будемъ сѣять знаніе, гдѣ только возможно, и стараться пробуждать любовь
знанію въ каждомъ, кто встрѣтился намъ на пути.

Я слишкомъ, быть можетъ, увлекся обзоромъ того, чему служитъ „В. Зн.", но
дѣлалъ это сознательно, ибо хотѣлось напомнить забытое тѣмъ изъ подписчи-
въ, которые, быть можетъ, вынесли отъ съѣзда тяжелое впечатлѣніе.

Недоведенный до конца кіевскій съѣздъ далъ намъ много матеріала, и мы
заны подѣлиться своими впечатлѣніями, указать на промахи и ошибки, дабы
слѣдующій разъ ихъ не повторить. Необходимо глубоко призадуматься и
аботать надъ вопросомъ объ устройствѣ кружковъ и съѣздовъ.

Послѣ закрытія съѣзда въ Кіевѣ многіе подписчики, пріѣхавшіе съ опо-
ніемъ, были въ безпомощномъ и жалкомъ положеніи.

Теперь уже извѣстно, кто виноватъ въ этой растерянности: бюро съѣзда
больше всего, конечно, разстройство организаціи, вызванное малодушіемъ
оторыхъ членовъ Общественнаго Кружка. Дошло до того, что швейцаръ,

заявлялъ всѣмъ вновь пріѣзжавшимъ, что съѣздъ закрытъ, и всѣ уѣха

Все, что я высказалъ на этихъ страницахъ,—мои мысли, чувства, горя вѣра и готовность работать,—создалось во время поѣздки по быстро текущ волнамъ Днѣпра.

Днѣпръ! Сколько въ немъ сказочной прелести и красоты! Правый бер въ причудливыхъ формахъ, въ утопающей зелени лѣсовъ и прибрежныхъ кучихъ ивъ подъ изумруднымъ южнымъ небомъ былъ для меня прекрасн изъ прекрасныхъ! Подъ шумъ пароходнаго колеса, на пѣнистыхъ игрив волнахъ, расходящихся въ причудливой игрѣ и сверкающихъ милліардами чуговъ, я плылъ со своими мучительными мыслями, съ наболѣвшей душой нашему съѣзду. Послѣ закрытія съѣзда тѣ же волны несли меня обратно, зная—куда и для чего, и, казалось мнѣ, въ тихомъ журчаньи, въ легк всплескахъ волнъ о борта говорило что-то о насиліи...

И опять тѣ же грустныя думы, тѣ же мучительныя мысли рождались п звуки монотонной ночи... Казалось мнѣ, въ блестящихъ, сверкающихъ, кихъ переливахъ мягкихъ волнъ сверкали молніеносные зигзаги „В. Зн.“, п ливаясь въ причудливой игрѣ при лунномъ сіяніи въ изумруды, сапфиры. нихъ, мнѣ казалось, я видѣлъ два кроткихъ задумчивыхъ образа Гого Шевченко, манящихъ меня къ ихъ простору. Товарищи, бодритесь!

Я долженъ просить у читателей извиненія не столько за то, что дѣ длинныя выдержки изъ писемъ подписчиковъ, описывающихъ свои впечатлѣ сколько за нѣкоторое повтореніе однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Но я бо слишкомъ уродовать эти непосредственныя впечатлѣнія и потому старался можно меньше дѣлать сокращеній въ этихъ безыскусственныхъ письмахъ. Нѣк рыя изъ нихъ написаны людьми, вчера лишь вступившими въ ряды куль ныхъ работниковъ, а потому на нихъ ясно замѣтенъ отпечатокъ той ср изъ которой они происходятъ и съ которою вовсе не намѣрены прерывать свя Мнѣ кажется, что эта-то сторона приводимыхъ писемъ болѣе всего цѣнна, т какъ даетъ матеріалъ для уразумѣнія міросозерцанія новыхъ слоевъ демокр ческой интеллигенціи.

Вотъ письмо рабочаго П. Скульскаго:

Воспоминаніе о кіевскомъ съѣздѣ подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ вы ваетъ во мнѣ самое радостное настроеніе.

Вѣдь, первопричиной самоубійствъ, главнымъ образомъ, является безысхо тоска, сознаніе полнаго своего одиночества, разочарованность въ „Человѣ съ большой буквы. Оказывается, что человѣки, достойные такъ писаться, таки есть,—хоть въ маломъ количествѣ, но есть!

Возьмите любой номеръ „Недѣли“, и вы найдете тамъ письма этихъ лю зовущихъ, въ аккомпанементъ ея издателю, къ свѣтлой живой жизни, къ т рищеской поддержкѣ, къ духовному самоусовершенствованію и ученію друг болѣе васъ „нищихъ духомъ“.

И большинство подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ горитъ искреннимъ ланіемъ помочь ближнему, черпая въ этомъ высшее наслажденіе. Еще боль удовлетвореніе получается, когда отдѣльные разрозненные члены этой иде семьи сходятся для братскаго рукопожатія, когда они могутъ излить пе близкимъ человѣкомъ накипѣвшее горе, слышать теплое, полное участія чувственное слово товарища. Приходилось не разъ слышать отъ малодушн боящихся взяться за какое-нибудь новое хорошее дѣло людей, старую по вицу, что „одинъ въ полѣ—не воинъ“, а развѣ нашъ „Вѣстникъ Знанія“—не е

енный въ этомъ отношенiи, но сильный воинъ, задавшiйся цѣлью будить вѣковой спячки читающую публику. Передо мной другiе, кстати сказать, шiе изъ существующихъ журналовъ: „Современный Мiръ", „Русское Богато" и т. п., но у нихъ нѣтъ той связи съ читателями, какою отличается ѣстн. Знанiя".

Съ 12-го по 19 iюня „Вѣстникомъ Знанiя" устраивается въ Кiевѣ съѣздъ писчиковъ „Вѣстн. Зн." Какъ ни скудны мои матерiальныя средства (я по фессiи — рабочiй, получаю 63 к. въ день), все-таки я собираю гроши, чтобы поть въ Кiевъ, побыть по возможности дольше въ кругу близкихъ по духу людей.

Въ воскресенье, 12 числа, подъ вечеръ назначено первое собесѣдованiе. бравшiеся подписчики балагурятъ, какъ давнишнiе знакомые. Какая смѣсь комовъ, лицъ! Мелькаютъ студенческiя, учительскiя тужурки, вышитыя незатѣйымъ узоромъ рубахи „украiнцiвъ", офицерскiе мундиры, блузы рабочихъ, тюки, смокинги—все это слилось въ пышный букетъ русскаго самосознанiя.

Преобладающая публика, конечно, молодежь, остальные—пожилые люди, ди которыхъ есть и сѣдобородые старики.

Прислушаешься къ разговору: по горячности и энтузiазму—все молодежь, дѣловитой идейности—серьезные вдумчивые люди,—нѣтъ ни мальчиковъ, ни жившихъ" стариковъ.

Очень прiятно, что на съѣздъ прiѣхало и нѣсколько подписчицъ, къ чести сказать, прiѣхавшихъ безъ особыхъ претензiй на „ухаживанье". Можно ю ожидать подписчицъ въ значительно большемъ количествѣ, но, видно, еще нь сильна боязнь проявить собственную инициативу, подчеркнуть свою индиуальность.

На собранiи говорилось о желательныхъ реформахъ въ журналѣ, о новыхъ ектахъ сбора пожертвованiй на „Народную Академiю" и о прочихъ чисто мейныхъ" дѣлахъ нашего журнала. Часамъ къ одиннадцати вечера стали ходиться. Многiе идутъ группами, провожая своихъ новыхъ знакомыхъ.

Ко мнѣ подходитъ молодой симпатичный человѣкъ со значками „Вѣстн. Зн." иги эсперантистовъ. „Вы гдѣ остановились, товарищъ?"—улыбаясь, спрашитъ меня. Я отвѣчаю, что пока еще нигдѣ. „Можетъ быть проведете эту нѣьку со мной, кстати у меня есть свободная кровать". Я съ удовольствiемъ ашаюсь, и мы вмѣстѣ идемъ къ нему. За чаемъ разговорились. Мой новый арищъ Александръ Сажинъ—петербуржецъ, изъ интеллигентной состоятель- семьи, только недавно переѣхавшiй въ Кiевъ. Въ комнатѣ на этажеркѣ—да книгъ съ молнiеобразной знакомой мнѣ надписью „Вѣстника Знанiя". ля на нихъ, я отрадно улыбнулся: благодаря вамъ, въ этой комнаткѣ близко скренно сошлись два человѣка съ двухъ противоположныхъ концовъ нашей ирной родины, люди различныхъ общественныхъ положенiй, но однѣхъ идей!

На другой день вечеромъ были назначены лекцiи проф. Довнаръ-Запольскаго ки Полонской. Часть лекцiи „О значенiи древняго Кiева" была уже прочитана ф. Довнаръ-Запольскимъ, когда послѣдовало запрещенiе губернатора.

Предложено было немедленно разойтись. Для всѣхъ это являлось непрiятшимъ сюрпризомъ. Большинство подписчиковъ рѣшило все-таки не разъѣзься (болѣе трусливые уѣхали въ тотъ же вечеръ), и время до выясненiя о печальнаго недоразумѣнiя рѣшено было посвятить обозрѣнiю кiевскихъ опримѣчательностей и личному сближенiю подписчиковъ. Ознакомившись нѣкоторой степени съ городомъ, многiе изъ насъ захотѣли побывать окрестностяхъ Кiева. Поѣхали въ лѣсосѣкъ, окружающiй Голосiевскiй моырь. Расположившись на травѣ, въ тѣни деревьевъ, мы разсказывали другъ у о своемъ житьѣ-бытьѣ, о надеждахъ на лучшее будущее. Твердый вы

говоръ великороссовъ смѣшивается съ пѣвучей рѣчью родной мнѣ Украй Кругомъ—свѣтящіяся надеждами молодыя лица. Милый старичекъ Пшенай-веринъ, совершенно забывъ о сѣлинѣ своихъ волосъ, шутитъ и смѣется кругу юныхъ друзей; затѣмъ уже не шутливымъ, серьезнымъ тономъ разсзываетъ намъ о желаніи пріобрѣсти землю на побережьѣ Чернаго моря, что образовать интеллигентную земледѣльческую общину... Пожилой человѣ нотаріусъ г. Шиловъ, говоритъ мнѣ о томъ, какъ онъ сначала неловко с чувствовалъ среди этой экзальтированной молодежи, „а теперь, какъ види весь „химически" растворился среди васъ", заканчиваетъ онъ, улыбаясь. Ин ресуешься, откуда кто пріѣхалъ. Есть пріѣхавшіе съ Волги, съ Урала, изъ Ост скаго края, но больше всѣхъ—южанъ.

Вечерѣетъ. Возвращаемся въ городъ.

Симпатичнѣйшая и жизнерадостная г-жа А. Бурлакъ запѣваетъ м дичнымъ голосомъ какую-то малорусскую пѣсню, десятки сильныхъ молоді голосовъ подхватываютъ, и широкая волна звуковъ разсыпается въ чащѣ л окутываемаго туманомъ сумерекъ...

Прожилъ я у товарища Сажина цѣлую недѣлю. Его заботливость и п дупредительность прямо поражала меня. Этотъ фактъ былъ еще отраден потому, что въ лицѣ г. Сажина я видѣлъ сконцентрированный, такъ сказ воплощенный контингентъ кіевскихъ подписчиковъ—радушныхъ хозяевъ. Уѣх я оттуда, унося съ собой вѣру въ людей, съ самыми пріятными воспоминанія Вполнѣ сознаю, что съѣздъ удался: вѣдь, главная цѣль съѣзда, духовное с женіе подписчиковъ, достигла кульминаціонной точки, а лекціи и печатн можно уразумѣть.

Да будетъ присужденъ дипломъ инженера-строителя мостовъ отъ сер къ сердцу нашему уважаемому Вильгельму Вильгельмовичу!

Изъ письма другого представителя демократической интеллигенціи—каза котораго всѣ на съѣздѣ называли „донцомъ",—я принужденъ взять лишь небо шую часть, такъ какъ о самомъ съѣздѣ онъ говоритъ мало, а главнымъ об зомъ касается путевыхъ впечатлѣній.

Завтра,—пишетъ донской фотографъ,—я ѣду въ Кіевъ... Не спится м всю ночь... Въ моемъ воображеніи проносится рядъ образовъ, вихрь мысле Я мечтаю о томъ, какъ встрѣчусь съ товарищами-подписчиками, увижу вин ника моей и всѣхъ этихъ молодыхъ людей поѣздки, того, который не да засиживаться въ своихъ берлогахъ и заставляетъ каждаго шевелить мозгам

Я не могу заснуть.. Близость поѣздки волнуетъ, мѣшая забываться во с

Но вотъ я уже въ дѣйствительности въ поѣздѣ и... ѣду... Я не отхо отъ окна вагона. Панорама ежеминутно мѣняется, картина за картиной, ви за видомъ, но это меня мало еще трогаетъ. Знакомыя мѣста. Проѣзжаю я у Полтавскую губернію... Это—тѣ самыя мѣста, куда мое сердце рвалось, когд читалъ Гоголя и др. великихъ писателей .. Вотъ Полтава и Ворскла... „Какъ хоро здѣсь", – кричитъ внутренній голосъ! Какъ красива эта группа березъ! (пре ставляется мнѣ какимъ-то подобіемъ общества; прижавшись другъ другу своими вѣтками, эти березы какъ будто живутъ одною жизнью,—а люді Но, думаю, мы начинаемъ новое, мы уже сдѣлали первый шагъ къ единені Вотъ, пріѣду, пожму товарищамъ руки...

Наконецъ, и Кіевъ... Прихожу въ бюро... Подумайте только:—мы имѣ бюро! Все это интересно!.. Съ перваго дня я почувствовалъ себя здѣсь, ср новыхъ товарищей, какъ дома...

Съ нетерпѣніемъ ожидали собраній и лекцій.

Каждый чего-то ждалъ, да и пріѣхалъ не съ пустыми руками. Хотѣлось

иться съ товарищами всѣмъ тѣмъ, что накопилось у каждаго изъ насъ, вущихъ по разнымъ угламъ нашей обширной родины.

Вотъ и первое собраніе для ознакомленія и бесѣдъ... Интересно! Собрались разныхъ концовъ: съ Востока и съ Запада, съ Сѣвера и Юга. До сихъ поръ знавшіе другъ друга, мы сразу стали друзьями. Въ эту минуту хотѣлось кнуть всѣмъ непріѣхавшимъ товарищамъ: „что вы тамъ дѣлаете? Идите въ зъ, гдѣ увидите, какъ зарождается дружба и братство...“ Выборы предсѣда-, проф. Жакова, сказавшаго очень хорошее вступительное слово, а затѣмъ уждсніе вопросовъ, касавшихся журнала, Народной Академіи,—даже все это дставляло значительный интересъ.

Это первое собраніе было очень бурнымъ, и всѣ разошлись съ надеждой успѣхъ съѣзда. Каждый изъ насъ вѣрилъ въ то, что онъ получитъ много ошаго... и что поѣдетъ домой съ запасомъ духовной силы и энергіи...

И каждый изъ насъ думалъ о тѣхъ вопросахъ, которые онъ предложитъ дующему общему собранію. Собрались мы на лекцію, которую долженъ ъ прочитать проф. Довнаръ-Запольскій. Но не успѣлъ онъ прочитать и овины, какъ, къ общему удивленію, Вильгельмъ Вильгельмовичъ вошелъ залъ собранія и заявилъ, что по распоряженію полиціи лекція прерывается едь до выясненія причинъ.

Это извѣстіе сильно потрясло слушателей-подписчиковъ. Главнымъ образомъ, ь взволновало то обстоятельство, что съѣздъ можетъ прекратиться.

Но что дѣлать? Надо покориться судьбѣ!

Такъ какъ собираться больше нельзя было, то мы начали осматривать го-ь, его достопримѣчательности, устраивать съ В. В. и безъ него прогулки ородъ Вильгельмъ Вильгельмовичъ все время былъ съ нами. Онъ не покидалъ ихъ подписчиковъ до самаго 19-го іюня, дня окончанія съѣзда. Его душа ю слилась съ душами подписчиковъ, и казалось, что онъ выросъ съ нами реди насъ.

Много мѣстъ посѣтили мы совмѣстно съ В. В. Какъ красивъ Кіевъ! Какія естныя мѣста! Казалось, что на время нашего пребыванія въ Кіевѣ при- стянула сюда всѣ эти красоты зеленаго царства, дабы торжественно при- насъ въ свое лоно, дабы надѣлить насъ большими впечатлѣніями.

Но вотъ все кончается... В. В. уѣзжаетъ, и его проводы, задушевное про-іе, все это глубоко трогаетъ меня...

Главная же заслуга кіевскаго съѣзда — это ознакомленіе подписчиковъ ъ съ другомъ. Живя въ деревенской глуши, одинокіе, измученные борьбой ародной темнотой и невѣжествомъ, мы совершенно переродились въ кругу ыхъ намъ по духу товарищей. И за эту временную радость мы должны агодарить В. В. Повторяю, въ смыслѣ единенія кіевскій съѣздъ имѣлъ мное значеніе.

Но вотъ мы, наконецъ, и покидаемъ Кіевъ и ѣдемъ вдоль красивыхъ бере- Днѣпра. Прощай, Кіевъ! Въ этихъ словахъ слышится что-то грустное. ко къ слезамъ... Мало мы прожили въ гостяхъ у кіевлянъ, но уже успѣли ыкнуть къ людямъ и къ городу. Хорошо было въ Кіевѣ, хотя временами ило жаль того, что немного было сдѣлано. Но даже то, что было сдѣлано, вило въ каждомъ изъ насъ впечатлѣнія, которыя никогда не изгладятся изъ ей памяти. Полные духовнаго удовлетворенія, мы разстались съ Кіевомъ.

Пріѣхалъ домой. „Тоска о прошломъ“ охватила меня, но я вспомнилъ о , что теперь я—не одинъ, что у меня масса товарищей, и успокоился. Я о связанъ теперь съ товарищами-подписчиками, я установлю съ ними пере-у, и тогда ничто не разъединитъ насъ. Такимъ образомъ, главную цѣль да—объединеніе подписчиковъ—можно считать вполнѣ достигнутой.

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ въ Кіевѣ.

Группа кіевлянъ у музея.—У Аскольдовой могилы. У подъѣзда университета.

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія" въ Кіевѣ.
Группа въ Царскомъ саду.

Вотъ еще письмо, принадлежащее перу подписчика В. Васильева:

Еще одинъ перегонъ, и мы въ Кіевѣ!.. Изъ оконъ вагона мы видим
Вотъ онъ—городъ св. Владиміра. Раскинулся среди высокихъ холмовъ п
вому берегу Днѣпра и поражаетъ васъ своею величественностью. Гру
строекъ, церкви съ золочеными куполами, сады, висячіе мосты; все эт
тритъ, мѣшаетъ сосредоточиться и создаетъ чудную, никогда незабыв
картину.

Бросаешься отъ окна къ окну, бѣжишь на площадку, опять в
щаешься къ окну, и такъ безъ конца—желая все видѣть, ничего н
пустить, запечатлѣть въ своей памяти и въ полной мѣрѣ насладиться
ставшей предъ вами чудной панорамой. Тихо, ясно, тепло... Насъ ѣдетъ
человѣкъ.

— „Господа, смотрите, сейчасъ будетъ Днѣпръ!“

Всѣ прилипаютъ къ окну...

„Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ
лѣса и горы полныя воды свои“... „Пышный, ему нѣтъ равной рѣки въ м
вспоминаются красивыя слова Гоголя.

Поѣздъ уменьшаетъ свой быстрый бѣгъ, и мы въѣзжаемъ на мостъ.
нами—Днѣпръ.

„Какая прелесть? Какъ онъ красивъ!“—слышны восклицанія моихъ спу
Но я разочарованъ и, вспоминая родную красавицу-Волгу, безъ ко
отдаю ей пальму первенства.

Восхищаясь, собираемъ вещи. Поѣздъ тихо подходитъ къ перрон
спѣшатъ къ выходу. Я прикалываю себѣ значекъ „В. Зн.“ и выхож
слѣднимъ.

Наконецъ-то мы въ Кіевѣ! Сегодня 12-е іюня, первый день съѣзд
строеніе праздничное, приподнятое.

А вдругъ никакого съѣзда не будетъ? Можетъ быть, онъ почему-ли
ложенъ... Эта мысль непріятно безпокоитъ и волнуетъ насъ.—Этого не
быть,—успокаиваемъ мы себя,—насъ тогда извѣстили бы...

На перронѣ и вокзалѣ насъ никто не встрѣчаетъ. Взглядъ тщетно
среди многолюдной толпы товарищей по журналу, останавливаясь на ка
значкѣ, брелокѣ, булавкѣ,—ихъ нѣтъ. Сдаемъ вещи на храненіе и пѣ
идемъ въ городъ. Несмотря на ранній часъ, солнце припекаетъ изрядн
кимъ-то бульваромъ поднимаемся въ гору. По пути попадается газ
Ожидая найти разрѣшеніе мучившаго насъ вопроса, покупаю мѣ
газету и, волнуясь, наскоро пробѣгаю ее глазами. Мое ожиданіе оправды
и я, тыча пальцемъ въ развернутый газетный листъ, кричу: „Смотрит
трите!“ Товарищи окружаютъ меня и я торжественно, съ чувствомъ, тс
разстановкой начинаю читать:

„Сегодня въ Кіевѣ открывается съѣздъ подписчиковъ „В. Зн.“ и
Сомнѣній больше не было, и мы, повеселѣвшіе, направились далѣе.

По пути мы встрѣтили новое подтвержденіе въ видѣ наклеенной на
афиши (см. стр. 8—9) съ программой съѣзда.

Придя къ памятнику Богдана Хмѣльницкаго, мы стали отыскивать
щеніе Бюро съѣзда, но оказалось, что мы немного ошиблись (потомъ в
лось, что эту ошибку повторили и многіе др. подп.), площадь, на к
стоитъ памятникъ, называется Софіевской (отъ Софіевскаго собора), а п
Богдана Хмѣльницкаго расположена чуть ли не въ другой сторонѣ го
ничего общаго съ памятникомъ славнаго гетмана Малороссіи не имѣетъ.

Утомившись порядочно, мы добрались, наконецъ (языкъ до Кіева

), до помѣщенія Кіевскаго Общественнаго Кружка, гдѣ имѣло резиденцію о съѣзда подписчиковъ „В. Зн."

Здѣсь мы были встрѣчены швейцаромъ, который на нашу просьбу ука- недорогую гостиницу, рекомендовалъ „Лондонъ", гдѣ, по его словамъ, новились многіе изъ подписчиковъ, пріѣхавшіе на съѣздъ *).

„Лондонъ" оказался не столько недорогой, сколько скверной гостиницей: ной, грязной, съ убійственнымъ воздухомъ. Всѣ мы чувствовали поряую усталость и были голодны, а потому рѣшили пока остаться въ знамемъ „Лондонѣ",—съ тѣмъ, чтобы къ вечеру перебраться въ лучшую гоицу. Здѣсь произошло первое наше знакомство съ нѣкоторыми изъ товарищейисчиковъ и подписчицъ, пріѣхавшихъ на съѣздъ и остановившихся вмѣстѣ ами. Двое изъ товарищей съѣздили на вокзалъ за вещами. Приведя въ покъ свой туалетъ и подкрѣпивъ себя чаемъ и взятыми изъ дому закус-, всѣ „лондонцы" вкупѣ отправились въ Бюро, гдѣ мы нашли уже двухъ овъ Бюро и человѣкъ пять-шесть товарищей.

Начались взаимныя знакомства, обмѣнъ впечатлѣніями, завязался разго-. Встрѣча носила самый сердечный характеръ. Чувствовалась какая-то бли-, какая-то общность,—какъ-будто встрѣтились старые друзья, не видавшіеся о лѣтъ. Приходили все новыя и новыя лица, подписчики и подписчицы, ые и молодые; были и изъ далекой Сибири, изъ Царства Польскаго, изъ овской губ., Владимірской, Волынской, Области Войска Донского и ихъ др. Но больше всего была представлена Черниговская губ. У всѣхъ жденныя лица, открытый взглядъ, добрая улыбка.

Чувствовался какой-то идейный праздникъ, что-то хорошее, чего нельзя пеь словами, а можно лишь переживать и наблюдать.

Тутъ мы, между прочимъ, узнали, что наканунѣ, т. е. въ субботу, въ поніи Общественнаго Кружка членами этого Кружка былъ устроенъ ве- на который были приглашены собравшіеся на съѣздъ подписчики съ Битнеромъ во главѣ.

Въ воскресенье утромъ предполагалась общая прогулка по Кіеву, но „по неящимъ обстоятельствамъ" таковая была отмѣнена.

Наконецъ, въ часъ дня всѣ мы разошлись съ тѣмъ, чтобы въ три снова ться на первое собесѣдованіе. Послѣ небольшой прогулки и обѣда въ веіанской столовой (товарища-подписчика Я. Л. Демиховича) мы опять были омѣщеніи Кружка, гдѣ успѣло уже собраться до 200 человѣкъ подписчи-. Среди нихъ были лица разныхъ профессій. Всѣ разбились по группамъ и оживленный разговоръ, знакомясь, обмѣниваясь взглядами и дѣлясь впеніями. За столомъ сидѣлъ господинъ съ длинными волосами, въ которомъ азу узналъ проф. К. Ѳ. Жакова (по его фотографіи).

Изъ сосѣдней комнаты показалась импонирующая фигура редактора-изда- „В. Зн." В. В. Битнера. Все сразу притихло. Взоры всѣхъ были устре- на него. Я не берусь описывать тѣ чувства, съ какимъ каждый изъ насъ ималъ его руку. Скажу только, что, на мой взглядъ, это первое знакомносило характеръ нѣсколько офиціальный и не имѣло той сердечности, какой о было бы ожидать. Объясняется это нѣкоторой робостью и застѣнчивостью ихъ изъ насъ, а равнымъ образомъ тѣми условіями, среди которыхъ прою наше первое знакомство.

) Надо замѣтить, что этой гостиницы никто не рекомендовалъ. Бюро воъ соглашеніе съ другою гостиницею, которая обрзалась дѣлать пониже-аты. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, швейцаръ руково- не указаніями Бюро, а своими собственными соображеніями.

Въ предложенную намъ программу собесѣдованія вошли, между проч следующіе вопросы: 1) о Народной Академіи; 2) объ организаціи кіев кружка „В. Зн.“; 3) о празднованіи десятилѣтняго юбилея „В. Зн.“; 4) о формахъ „В. Зн.“; 5) о покупкѣ имѣнія-дачи; 6) о заграничныхъ эк сіяхъ и др.

Я совершенно не буду касаться подробностей перваго собесѣдованія,—с лишь, что въ смыслѣ продуктивности его нельзя назвать удачнымъ. За другомъ отношеніи, въ отношеніи чисто-психологическомъ, его слѣдуетъ знать болѣе чѣмъ удачнымъ—онъ неоцѣнимъ.

Это собесѣдованіе показало, какими симпатіями пользуется „В. Зн.“ в мыхъ разнообразныхъ кругахъ населенія, какую крупную роль играетъ въ жизни своихъ читателей, какъ сильно укоренились его идеи среди ег клонниковъ, и какія надежды возлагаютъ на него въ будущемъ.

Оно показало намъ, что читатели „В. Зн“. въ своемъ подавляющемъ шинствѣ, дѣйствительно, не простые читатели, способные только „почитыв когда писатель „пописываетъ“, а люди идейные, всей душой любящіе журналъ, радующіеся его радостями и болѣющіе его печалями. Всѣ эти з нутые на собѣсѣдованіи „мелкіе“ вопросы о „поляхъ журнала“, о „фальц его, вопросы, которые вызвали у многихъ ироническую улыбку, объясня лишь любовью къ журналу, желаніемъ видѣть въ немъ все до мельчайших талей безукоризненнымъ.

Получая „Ниву“ или какой-либо другой журналъ, мы совершенн обращаемъ вниманія на его внѣшность. Размѣръ полей, фальцовка, бу шрифтъ не останавливаютъ на себѣ нашего вниманія, они не интерес насъ. Наоборотъ, въ „Вѣстникѣ Знанія“ мы хотимъ видѣть все безукори нымъ, свободнымъ отъ какихъ бы то ни было недостатковъ.

И это желаніе вызывается той любовью, какой пользуется „В. Зн.“ своихъ читателей, любовью, напоминающей любовь матери къ своему реб И напрасно г. Фридъ такъ язвительно резюмировалъ итоги собесѣдован поводу этихъ мелочей.

Товарищъ Мураховскій вѣрно выразилъ общую всѣмъ мысль, срав „В. Зн.“ съ вѣхами, поставленными на нашемъ жизненномъ пути, и огонькомъ, который освѣщаетъ намъ этотъ путь среди безпросвѣтнаго мр безъ котораго мы, можетъ быть, давно бы погибли.

Тѣ шумные аплодисменты, которые раздались послѣ его рѣчи по а глубокоуважаемаго Вильгельма Вильгельмовича, краснорѣчиво показали всѣ собравшіеся подписчики и подписчицы раздѣляли чувства, выск ныя г. Мураховскимъ.

На другой день вечеромъ были назначены лекціи, но въ срединѣ п изъ нихъ собраніе было закрыто.

Было, конечно, жаль, что мы лишены возможности слышать интер лекціи; было обидно, что всѣ культурныя начинанія встрѣчаютъ у на своемъ пути всевозможныя препятствія, и въ самыхъ невинныхъ вещахъ тряются видѣть чуть ли не потрясеніе основъ, но мы уже къ этому прив и насъ трудно теперь чѣмъ-нибудь удивить.

Съ другой стороны, наша цѣль была достигнута.

Болѣе того, по пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“, это запрещеніе с альныхъ собраній оказало немалую услугу дѣлу единенія подписчиковъ съ другомъ и съ нашимъ глубокоуважаемымъ редакторомъ. Мы сплотились т и, встрѣчаясь въ послѣдующіе дни во время прогулокъ по городу и его о ностямъ, имѣли возможность лучше познакомиться другъ съ другомъ, зать дружескія отношенія и, что самое главное, могли въ частной не

ной бесѣдѣ говорить съ нашимъ Вильгельмомъ Вильгельмовичемъ о чемъ но, высказывая ему свои нужды, свои запросы, сомнѣнія, надежды и полуотъ него разъясненія, совѣты, указанія. Мы успѣли въ этихъ бесѣдахъ не ко узнать В. В., но и полюбить его. Тѣ немногіе часы нашихъ совмѣстныхъ улокъ и бесѣдъ, въ которыхъ В. В. былъ нашимъ товарищемъ, останутся оей памяти наиболѣе яркими изъ всего времени, проведеннаго мною въ ѣ. И я глубоко благодаренъ В. В. за тѣ немногіе часы, проведенные вмѣстѣ, рые доставили мнѣ немало удовольствія и нравственнаго удовлетворенія.

Кіевъ, самъ по себѣ, очень интересный и красивый городъ, имѣетъ немало примѣчательностей.

Особенно много удовольствія доставилъ намъ осмотръ городского музея, мы встрѣтили крайне внимательное отношеніе къ себѣ со стороны завѣдаго этнографическимъ отдѣломъ, любезно согласившимся дать намъ сненія, при чемъ имъ была прочитана цѣлая лекція по украинской этноіи. Тамъ же нами былъ осмотрѣнъ археологическій отдѣлъ, имѣющій особый интересъ, такъ какъ большинство имѣющихся тамъ предметовъ найдено раскопкахъ въ г. Кіевѣ. Здѣсь мы пользовались объясненіями очень милой шни, подробно ознакомившей насъ съ тѣми древностями какія хранятся томъ музеѣ.

Изъ другихъ осмотрѣнныхъ нами памятниковъ особенно замѣчательны со- Софійскій и Владимірскій. Первый изъ нихъ замѣчателенъ по своей ектурѣ и тѣмъ остаткамъ древности, какія сохранились тамъ, уцѣлѣвъ ъ-то чудомъ отъ всеуничтожающей руки монголовъ. Второй поражаетъ величественностью, художественностью, красотой. Это—одинъ изъ заельныхъ художественныхъ памятниковъ не только Кіева, но и Россіи.

Мои воспоминанія были бы неполными, если бы я не разсказалъ объ очень есной прогулкѣ въ Голосѣевскій лѣсъ.

ъ этой прогулкѣ принимало участіе болѣе тридцати человѣкъ съ В. В. авѣ. Собравшись въ Царскомъ саду, мы небольшими группами отправитрамваемъ до с. Деміевки, откуда уже пѣшкомъ двумя группами двиь дальше. Пройдя Деміевку и небольшое поле, мы очутились въ великомъ монастырскомъ лѣсу, гдѣ должны были встрѣтиться обѣ группы. Но лось, что первая группа избрала себѣ другую дорогу, и мы тщетно дожиь ее болѣе часа, расположившись на пригоркѣ и поѣдая конфекты, люпредложенныя намъ В. В. Наконецъ, рѣшивъ, что мы встрѣтимся въ морѣ, отправились далѣе. Дорога шла среди красиваго чернолѣсья съ моъ кустарникомъ и очаровывала насъ прелестью разнообразныхъ видовъ. омъ пестрѣли цвѣты; изрѣдка попадалась земляника. Погода благопріятствонамъ: былъ ясный, солнечный день, но безъ той одуряющей жары, какая бываетъ на югѣ, когда является только одно желаніе: забраться въ и сидѣть тамъ цѣлый день. Среди веселой болтовни, шутокъ и смѣха мы мѣтили, какъ дошли до конечной цѣли нашего путешествія—Голосѣевской ни, счастливо расположенной среди зелени лѣсовъ, полей и луговъ.

дѣсь мы, дѣйствительно, встрѣтились съ первой группой, давно дожидавнасъ, и сейчасъ же уютно расположились въ саду монастырской гоцы. Длинные столы сейчасъ же заполнились принесенными нами заи, появился внушительныхъ размѣровъ самоваръ, и подъ шумный говоръ хъ началась общая трапеза.

ри раза исчезалъ и вновь появлялся самоваръ, три раза о. Пафнутій съ вой улыбкой приносилъ и ставилъ его на столъ, пока утомленные пили- утолили свою жажду и могли двинуться въ обратный путь. День ижался къ концу. Возвращались другою дорогой. По пути было сдѣ

лано нѣсколько фотографическихъ снимковъ всей группы. Пѣли украи
пѣсни.

На обратномъ пути Вильгельмъ Вильгельмовичъ прочиталъ намъ пол
ную имъ въ тотъ день привѣтственную телеграмму изъ Владивостока
подписчиковъ-солдатъ. Чтеніе телеграммы было покрыто шумными аплодисмен

Дойдя до трамвая, мы распрощались съ Вильгельмомъ Вильгельмови
и возвратились въ городъ.

Эта прогулка доставила намъ всѣмъ громадное удовольствіе и будетъ
памятна. Въ этотъ день Вильгельмъ Вильгельмовичъ очаровалъ насъ своеі
безностью и завоевалъ наши общія симпатіи.

Здѣсь пользуюсь случаемъ, чтобы отмѣтить ту немалую услугу, к
оказали дѣлу съѣзда кіевляне, супруги Бурлакъ. Оба они принимали
дѣятельное участіе какъ въ организаціи съѣзда, такъ и во всѣхъ удовольст
устраиваемыхъ для собравшихся на съѣздъ подписчиковъ, принимая въ
самое живое участіе. Нельзя не отмѣтить зато отсутствія многихъ др
кіевлянъ, членовъ Бюро.

Уѣхалъ я изъ Кіева съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, съ запасомъ
жихъ силъ и горячимъ желаніемъ работать для скорѣйшаго осуществлені
ликихъ идей „Вѣстника Знанія“. Привѣтъ вамъ, товарищи!

Подписчикъ изъ Бессарабіи М. Пономаренко пишетъ:

Много, много хорошаго хотѣлось бы мнѣ сказать Вамъ за устройство съ
но я не умѣю выразить свои чувства, что сильно печалитъ меня!

Кіевскій съѣздъ, по моему мнѣнію, сверхъ ожиданія вышелъ грандіоз
и одно воспоминаніе о немъ заставляетъ сердце мое трепетать отъ вос
Я считаю, что онъ сыгралъ въ нашемъ дѣлѣ большую роль, значеніе ко
еще болѣе увеличивалось преждевременнымъ закрытіемъ его, хотя самый мо
закрытія произвелъ на меня очень тяжелое впечатлѣніе, потому что я ж
васъ, дорогой наставникъ! Я зналъ, какъ нелегко дался Вамъ этотъ съѣздъ,
тому боялся за Ваше здоровье; въ отношеніи же себя о закрытіи его я ж
лишь постольку, поскольку оно лишало меня удовольствія провести лі
минуты въ обществѣ Вашемъ, дорогой В. В., и товарищей, съѣхавшихъ
этотъ праздникъ нашего единенія со всѣхъ концовъ Россіи,—тѣмъ болѣе,
не былъ на собраніи въ субботу. Сама же цѣль, для осуществленія ко
былъ организованъ этотъ съѣздъ, была достигнута, такъ какъ соль всего с
заключалась въ первомъ же днѣ открытія его, т. е. 12 іюня.

Я не могу безъ гордости и трепета душевнаго вспомнить этотъ
когда мы обмѣнивались братскими рукопожатіями съ Вами и сотнями тѣх
варищей, чувствовавшими себя здѣсь какъ дома въ кругу старыхъ знако
и друзей. Особенное же впечатлѣніе произвела на меня рѣчь товарища н
Мураховскаго, выразившаго въ ней очень ярко все то, что насъ волнуетъ
чему мы стремимся, а также и то, какъ относится къ намъ непосвященн
наше дѣло обыватель. Словомъ, впечатлѣніе съѣздъ произвелъ на меня
отрадное, возвысивъ меня въ собственныхъ глазахъ и вливъ въ меня
силы для борьбы съ мѣщанскимъ самодовольствомъ россійскаго обыв
Я увидѣлъ здѣсь воочію, что я—далеко не одинъ, и что жить и бороться
за что и есть съ кѣмъ (въ смыслѣ поддержки),—стоитъ лишь захотѣть.

Дѣло для всѣхъ есть, не нужно лишь быть такимъ героемъ, о каком
воритъ Некрасовъ въ стихотвореніи, которое я позволю себѣ привести здѣ

Страшное племя, мудреное племя
Въ нашемъ отечествѣ создало время!
Это—не бѣсъ, искуситель людской.

Это, увы!—современный герой!
Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо идти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый!
— Нѣтъ, я души не растрачу моей,
На муравьиной работѣ людей!
Я по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ—говоритъ—осчастливить хочу;
Что жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ.

никогда не забываю этихъ золотыхъ словъ и стараюсь всегда слѣдовать ъ. Я дорожу каждой свободной отъ профессіональнаго труда минутой, чи-чусь и призываю къ тому же окружающихъ м ня, напоминая имъ и себѣ, далеко уже утро Россіи, и стыдно намъ будетъ проспать его.

ысль Вашу о второмъ кіевскомъ (или другомъ) съѣздѣ я съ радостью тствую и желаю скорѣйшаго осуществленія ея!

евъ для этой цѣли—очень удачный пунктъ, такъ какъ расположенъ почти трѣ Россіи, и второй, а также послѣдующіе съѣзды будутъ представлять, но, что-то сказочное.

це два слова. Вы бросили намъ укоръ за якобы поспѣшное бѣгство по-крытія съѣзда. Нѣтъ, дорогой, Вы не совсѣмъ правы, обвиняя насъ въ ти: если кто и проявилъ ее, то это—незамѣтная горсточка, о которой и ть не стоитъ! Мы же, т. е. очень значительное число Вашихъ привер-въ, долго не разъѣзжались, днемъ совершая экскурсіи по городу и его ностямъ, а вечеромъ собираясь въ Николаевскомъ паркѣ въ надеждѣ по-хоть какія-нибудь свѣдѣнія о Васъ и нашемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что ъ къ Вамъ былъ воспрещенъ намъ подъ угрозой ареста. Такъ многіе съ и уѣхали, не простившись съ Вами!

знаю: это черная сотня подложила намъ такую свинью. И, ладно, пусть я, потерпимъ.

скораго свиданія—и желаю вамъ здоровья. Подписчикъ изъ Бессарабіи омаренко.

видите, въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ описываютъ свои впе-ія участники кіевскаго съѣзда. Правда, онъ не былъ доведенъ до конца, е пришлось переговорить о многомъ, но то сочувствіе, которымъ былъ енъ первый крупный съѣздъ подписчиковъ „В. Зн.“, этотъ праздникъ единенія, показываетъ, что послѣ недавняго бурнаго вихря, который лъ въ Россіи, настала пора тихаго освѣжающаго вѣтерка, способнаго мѣрить жаръ накаленной, жаждущей влаги „почвы“, такъ и вращать мельницъ и другихъ „верстаковъ“ культуры, имѣющихъ цѣлью созданіе ыхъ цѣнностей. Болѣе 400 телеграммъ и привѣтствій получено было изъ ъ мѣстъ Россіи; если же считать открытки и карточки съ выраже-пожеланія успѣха, то число привѣтствій съѣзду перейдетъ за тысячу.

залось бы, эта цифра не велика, если принять во вниманіе общее чис-писчиковъ „Вѣстн. Зн.“ Но зная, какъ „тяжелъ на подъемъ“ нашъ

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія“ въ Кіевѣ.

Цѣпной мостъ.—Группа на прогулкѣ.—У памятника св. Владиміру.—Въ Пущѣ-Водицѣ на лодкахъ.—Кіевляне у музея.

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія" въ Кіевѣ.

У стараго костела.—Андреевскій соборъ.—У памятника Богдану Хмѣльницкому.—У Аскольдовой могилы подъ Днѣпромъ.—На Владимірской горкѣ.

россійскій обыватель, какъ трудно ему „раскачаться“, чтобы написать письмо, которое не является для него необходимостью, надо признать, что на этотъ разъ мы достигли громаднаго моральнаго успѣха. А будущіе съѣзды покажутъ намъ, насколько растетъ въ умахъ сознаніе культурной важности „Вѣстника Знанія“.

Но, не говоря объ этой принципіальной сторонѣ, минуя вопросъ о значеніи съѣздовъ подписчиковъ вообще, нельзя не отмѣтить вліянія ихъ на чувства участниковъ. И мнѣ, признаюсь, очень трудно оторваться отъ всего того, что связано съ посѣщеніемъ чуднаго Кіева. Дѣло, конечно, не въ немъ самомъ, а въ его обитателяхъ, подписчицахъ и подписчикахъ, которые хотя и медленно входили въ роль хозяевъ, но зато потомъ проявляли свое гостепріимство до самаго конца въ очень милой и даже—почему не сказать?—въ восторженной формѣ.

У меня до сихъ поръ передъ глазами сцена прощанія на платформѣ вокзала. Я вижу грустныя лица, кое у кого слезы,—такъ мало мы были вмѣстѣ и такъ дороги стали другъ другу!.. Часть подписчиковъ ошиблась платформою, попала не на ту линію и бѣжитъ, чтобы еще разъ проститься... Но раздается третій звонокъ—кто-то въ послѣдній разъ обнимаетъ меня, жмутъ руки, суютъ букетъ, какіе-то пирожки на дорогу... Сколько трогательнаго вниманія... До свиданія, дорогіе кіевлянки и кіевляне, до свиданія, пріѣзжіе подписчицы и подписчики! Ваши милыя лица стоятъ передо мною теперь, словно живыя. Я вижу, какъ вы машете платками, шапками, какъ кое-кто изъ васъ бѣжитъ за поѣздомъ, а вотъ здѣсь, въ сторонѣ, бѣгутъ тѣ, кто не успѣли попасть на платформу,—вижу ваши взволнованныя лица, летящія вверхъ шапки и черную накидку. До свиданія, дорогіе друзья! Скоро свидимся снова.

Собесѣдованіе 12 іюня.

Здѣсь я буду говорить о дѣловой сторонѣ перваго нашего собесѣдованія, которому суждено было оказаться и послѣднимъ. Къ сожалѣнію, въ лѣтнее время оказалось невозможнымъ достать въ Кіевѣ стенографовъ, а потому мой отчетъ о засѣданіи не можетъ претендовать на полноту.

Открывая собраніе, я предложилъ присутствующимъ избрать предсѣдателемъ профессора К. Ѳ. Жакова, а товарищемъ его—В. В. Юнкевича. Остальныя лица президіума были предложены самими участниками собранія и состояли, главнымъ образомъ, изъ лицъ, входившихъ въ бюро съѣзда, за исключеніемъ нѣсколькихъ вновь пріѣхавшихъ, лично извѣстныхъ редакціи, какъ опытныхъ работниковъ, чьи услуги въ секретаріатѣ съѣзда должны были бы принести немалую пользу.

Профессоръ Жаковъ въ своей привѣтственной рѣчи обратилъ вниманіе собранія на то, что русскіе люди не любятъ единенія (вѣрнѣе, впрочемъ, было бы сказать: они отвыкли отъ этого), и что они склонны къ розни. Еще наши лучшіе писатели Вл. Соловьевъ и Достоевскій призывали къ соборности, въ которой заключается главная культурная сила. Но мы остаемся глух

съ этимъ призывамъ. У насъ, едва начинается какая-либо общая работа, тотчасъ переходятъ на политику и начинаютъ враждовать. Но за идею можно бороться, враждовать же не слѣдуетъ. У другихъ народовъ тоже борются за идею. Но эта борьба ведется на почвѣ культурныхъ потребностей, на почвѣ науки и просвѣщенія, и это людей объединяетъ, а не сѣетъ между ними рознь. Потому-то тамъ дѣло идетъ впередъ, потому-то во всѣхъ областяхъ культурной жизни народа, въ наукѣ, искусствѣ—повсюду замѣчается быстрый прогрессъ. Мы же, русскіе, принуждены тащиться въ хвостѣ цивилизаціи и начинаемъ уже терять надежду на возможность догнать своихъ счастливыхъ соперниковъ на пути къ прогрессу...

Далѣе профессоръ Жаковъ перешелъ къ задачамъ „Вѣстника Знанія", который, служа идеѣ просвѣщенія и давая своимъ читателямъ соотвѣтственный матеріалъ для чтенія, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на единственный въ настоящее время путь къ подъему культурнаго уровня народа. Этотъ путь лежитъ въ принципѣ: „учиться и учить другихъ". Но для осуществленія такой задачи, врядъ ли посильной для единичныхъ лицъ, приходится думать о созданіи обществъ культурныхъ работниковъ, объединенныхъ любовью къ своему народу и видящихъ его спасеніе въ просвѣщеніи. Настоящее собраніе является одною изъ первыхъ попытокъ такого объединенія культурныхъ одиночекъ, группирующихся вокругъ „В. Зн." и исповѣдующихъ проповѣдуемыя имъ идеи. Мысль редактора устраивать съѣзды для своихъ подписчиковъ, съ цѣлью личнаго знакомства этихъ культурныхъ одиночекъ между собою, надо считать очень счастливою и чреватою послѣдствіями, а идея Народной Академіи, о которой намъ предстоитъ говорить здѣсь на собраніяхъ, должна завершить собою циклъ намѣченныхъ къ осуществленію просвѣтительныхъ начинаній „Вѣстника Знанія".

Вслѣдъ за профессоромъ Жаковымъ говорилъ С. А. Гатцукъ о Ляличскомъ дворцѣ, который, по проекту докладчика, могъ бы быть пріобрѣтенъ для устройства имѣнія-дачи подписчиковъ „В. Зн." Извинившись, что, за отсутствіемъ времени для подготовки къ докладу, приходится пользоваться набросанными въ дорогѣ черновыми замѣтками, г. Гатцукъ остановился на внѣшности этого замѣчательнаго дворца, имѣющаго около 300 комнатъ, съ подвальными помѣщеніями, большими залами и пр. Докладчикъ привезъ съ собою снимки этого „Универсальнаго" дворца, построеннаго еще при Екатеринѣ. Къ сожалѣнію, время не позволило долѣе останавливаться на этомъ вопросѣ, такъ какъ на первомъ собесѣдованіи приходилось только сдѣлать общій обзоръ всего того, что было намѣчено къ обсужденію въ теченіе собесѣдованій за цѣлую недѣлю. Г. Гатцукъ предполагалъ вернуться къ этому вопросу въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, когда будетъ рѣчь объ осуществленіи идеи имѣнія-дачи. Между прочимъ, докладчикъ заявилъ, что по характеру своей дѣятельности, какъ археолога, интересующагося историческими сооруженіями, онъ могъ бы предложить вниманію собранія еще и другіе дворцы,

приспособленіе которыхъ къ практическимъ требованіямъ имѣнія-дачи было б значительно легче и обошлось бы дешевле.

Нѣкоторые подписчики, не имѣвшіе возможности читать „В. Зн.“ за про шлые годы, заявили, что имъ недостаточно ясна сама идея Народной Ака деміи, и просили дать имъ нужныя разъясненія.

Въ этомъ вопросѣ самое важное было, конечно, указать на взаимную свя всѣхъ учрежденій, пропагандируемыхъ „Вѣстникомъ Знанія“, такъ какъ нѣко торые полагали, что каждое изъ этихъ просвѣтительныхъ начинаній, — Нар Академія, имѣнія-дачи, народныя библіотеки, кружки и общества „Вѣстника Зна нія“ и т. д.,—преслѣдуетъ самостоятельныя задачи, связанныя другъ съ дру гомъ единствомъ плана. На самомъ дѣлѣ это—не такъ. Въ „Вѣстникѣ Знанія давно уже говорилось о необходимости внѣшкольнаго образованія, какъ есте ственнаго дополненія знаній, даваемыхъ школою, или какъ замѣны его въ слу чаяхъ, когда время упущено и поступленіе въ школу является невозможным Постепенно созрѣла мысль создать учрежденіе, которое могло бы в короткій срокъ увеличить армію культурныхъ работниковъ. И я напомнилъ сл шателямъ о томъ, что уже не разъ писалось на страницахъ „Вѣстн. Зн.“ и „Н дѣли“.

Вѣдь, мы находимся въ положеніи, въ какомъ находится страна, застигн тая неожиданною войною и обладающая малочисленною регулярною арміе Надо, стало быть, кликнуть кличъ—вызвать добровольцевъ и наскоро обучи ихъ, но не въ „постоянныхъ казармахъ“, какими при нормальныхъ условія для народнаго образованія является хорошо организованная сѣть дорого ст ящихъ, снабженныхъ учителями школъ, а внѣ стѣнъ послѣднихъ.

Этими, скажемъ, походными образовательными казармами должна явить Народная Академія.

Это грандіозное всероссійское учрежденіе, конечно, должно дѣйствовать по стр го выработанному плану, утвержденному правительствомъ. Народная Академ по идеѣ представляетъ собою сѣть постоянныхъ разбросанныхъ по всей Россіи, центромъ въ С.-Петербургѣ, просвѣтительныхъ учрежденій (народныя аудит ріи, дворцы науки съ обсерваторіями, научными театрами и кабинетами, лаб раторіями и пр.). Эти постоянныя ячейки Народной Академіи въ свою очере имѣютъ отдѣленія въ меньшихъ центрахъ, гдѣ будутъ устроены постоянн курсы и отдѣльныя лекціи. Читать ихъ должны посылаемые изъ отдѣленій и изъ С.-Петербурга лекторы, имѣющіе въ своемъ распоряженіи всѣ техничес пособія (волшебные фонари, кинематографы и пр.). Въ селахъ и деревня куда нельзя посылать ученыхъ лекторовъ, ихъ будутъ замѣнять учителя, сн бженные особо составленными брошюрами, кинематографами и другими усове шенствованными аппаратами для воспроизведенія того, что будетъ предс вляться въ научныхъ театрахъ большихъ городовъ. Такимъ образомъ, вся Р сія — отъ столицы до деревень — будетъ обслуживаться странствующими лек рами и дворцами науки. Народная Академія является учрежденіемъ, кото

олжно сдѣлаться для нашей страны, почти лишенной культурной арміи, тою походною кузницею, которая будетъ выковывать мечи и латы для будущихъ культурныхъ работниковъ, ставящихъ себѣ цѣлью мирную борьбу за великое будущее Россіи на аренѣ всемірнаго состязанія.

Но Народная Академія, какъ учрежденіе, основанное всецѣло на потребноти народа въ наукѣ, должна стоять къ нему близко, знать, что ему нужно, тобы не предлагать вмѣсто хлѣба камень.

Какъ этого достигнуть? Прежде всего необходимо имѣть на мѣстахъ просвѣтительныя общества, состоящія изъ интеллигентовъ, близко знающихъ духовныя потребности мѣстнаго населенія и готовыхъ взять на себя цѣлый рядъ одготовительныхъ работъ, которыя могутъ облегчить Народной Академіи задачу рганизаціи лекцій, приспособленныхъ къ мѣстному спросу.

Отсюда—нужны кружки и общества „Вѣстника Знанія“. Основною ихъ цѣлью олжно быть познаніе собственнаго края, его природы, исторіи, его нуждъ, огатствъ и особенностей,— познаніе Россіи въ цѣломъ и частяхъ.

Насколько широка эта задача, всякому, знакомому съ извѣстнымъ сочиненіемъ покойнаго знаменитаго ученаго Д. И. Менделѣева „Къ познанію Россіи“, олжно быть ясно. Тѣ же читатели, которые не имѣли случая читать эту книгу, еперь уже являющуюся библіографической рѣдкостью, легко поймутъ содержаіе дѣятельности обществъ „Вѣстника Знанія“, если сообразятъ, что для поанія собственнаго края надо знать, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ странъ ъ отношеніи природы, исторіи, языка, литературы, въ экономическомъ смыслѣ, ъ точки зрѣнія законовъ, народнаго быта, обычаевъ и т. д. до безконечности.

Въ область познанія Россіи войдетъ, такимъ образомъ, все, за исключеніемъ олитики, которая не должна быть допускаема, если „Общево“ искренно желаетъ работать для блага родного народа.

Такимъ образомъ, кружки и общества „Вѣстника Знанія“ и другія проѣтительныя организаціи, которыя захотѣли бы примкнуть въ качествѣ ячеекя поддержки будущей Народной Академіи, являются необходимымъ звеномъ въщей сѣти просвѣтительныхъ центровъ, одушевленныхъ одною планомѣрною аботою для ускоренія момента, когда русскій народъ станетъ равноправнымъ еномъ культурной семьи народовъ.

Далѣе, походныя библіотеки, дачи „Вѣстника Знанія“, какъ постоянныя режденія, способныя объединять собирающихся въ нихъ идейныхъ работниівъ, освѣжать ихъ познанія, способствовать усовершенствованію въ нихъ, вать возможность слѣдить за успѣхами какъ въ наукѣ, такъ и въ средствахъ передачи другимъ,—эти дачи, какъ и другія пропагандируемыя „Вѣстникомъ анія“ учрежденія, являются естественнымъ дополненіемъ и развитіемъ общаго ана Народной Академіи.

Не всегда можно пойти на лекцію,—въ особенности, если она читается дако. А учиться хочется. Приходится, стало быть, обратиться къ книгѣ. Отсюда

ясно, что надо создать хорошо организованную систему походныхъ библіотек дающихъ возможность постояннаго притока все новыхъ и новыхъ книгъ.

Вы учитесь, читаете, слушаете лекціи, но за повседневною работою много совершающееся въ наукѣ, техникѣ, въ новыхъ способахъ преподаванія, о васъ ускользаетъ. Вы устаете за годъ работы, хочется съ пользою для дѣ отдохнуть недѣльку-другую. Для удовлетворенія этой потребности возник мысль о созданіи особаго типа просвѣтительныхъ учрежденій—имѣній-да „Вѣстника Знанія“. Первое такое учрежденіе предполагается основать пожертвованія подписчиковъ и редактора „Вѣстника Знанія“ въ одной и южныхъ губерній. Имѣніе-дача „В. Зн.“ должно располагать дворцомъ съ сс нями комнатъ, въ которыхъ будутъ научный театръ, концертныя залы, ф зическіе, химическіе и біологическіе кабинеты, лабораторіи, музеи; здѣсь должны быть астрономическая и метеорологическая обсерваторіи, опытныя ста ціи и поля, показательныя учрежденія для ознакомленія съ устройствомъ и дѣ ствіемъ разныхъ машинъ и инструментовъ... Имѣніе-дача должно быть тѣ мѣстомъ, куда подписчики могутъ съѣзжаться для пріятнаго отдыха среди свои товарищей въ той поучительной обстановкѣ, гдѣ они услышатъ послѣднее сло науки, узнаютъ о всѣхъ новѣйшихъ техническихъ открытіяхъ и другихъ заво ваніяхъ человѣческаго генія. Само собою понятно, что имѣнія-дачи долж быть такъ поставлены, чтобы они сами окупались и не требовали для сво эксплоатаціи постоянныхъ приплатъ.

Отвѣчая на вопросъ объ организаціи Народной Академіи, я постарался общихъ чертахъ набросать основной планъ этого учрежденія, но принужде былъ ограничиться лишь самыми краткими данными, такъ какъ для меня было ясно, что именно затрудняло нѣкоторыхъ изъ слушателей. Гораздо ест ственнѣе было отвѣчать на конкретные вопросы и попутно разъяснять недоск занное мною раньше. Послѣ нѣкоторыхъ такихъ объясненій вопросъ съ эт стороны былъ признанъ исчерпаннымъ, и мы перешли къ дальнѣйшимъ пункта программы дня.

На очереди стоялъ вопросъ о матеріальныхъ средствахъ для созданія Н родной Академіи.

Для всѣхъ было ясно, что та подписка, которая теперь идетъ среди наши читателей для созданія фонда на Народную Академію и на покупку имѣн дачи,—подписка, по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ, можно сказать, позорная, не позволяетъ питать ни малѣйшихъ иллюзій, ни малѣйшей надежды на ско осуществленіе идеи Народной Академіи. Большинство изъ собравшихся п надлежало къ числу тѣхъ энтузіастовъ этой идеи, которые готовы были жерт вать послѣднія свои крохи на Народную Академію, но масса, та сѣрая масса п писчиковъ, которая, не будь она столь инертна, столь равнодушна ко всяк общественнымъ начинаніямъ, давно уже могла бы создать тотъ фондъ, съ ко рымъ можно начать дѣло хоть въ небольшихъ размѣрахъ,—эта масса до с поръ молчитъ и чего-то выжидаетъ... И не думайте, что здѣсь дѣло въ не

статкѣ сочувствія: напротивъ, обмѣнъ мнѣній съ собравшимися и многочисленныя письма показали, что сама по себѣ идея Н. Академіи привлекаетъ къ себѣ симпатіи и считается вполнѣ осуществимой.

Но имѣются нѣкоторыя препятствія, замедляющія ходъ подписки на Н. Академію. Въ числѣ ихъ немаловажную роль играетъ опасеніе, что легализація этого учрежденія замедлится. Но это соображеніе, конечно, не серьезно, такъ какъ каждый жертвователь, внося на свое имя деньги, ничѣмъ не рискуетъ даже, если Н. Академія и не осуществивалась бы: внесенныя деньги явились бы въ такомъ случаѣ сбереженіями на черный день или могли бы быть употреблены согласно желанію каждаго на любое общеполезное учрежденіе.

Изъ затрудненій чисто техническаго свойства было указано на неудобство для многихъ вносить небольшія суммы въ сберегательную кассу или банкъ: это, дескать, можетъ уронить ихъ въ глазахъ мѣстныхъ обывателей. Другіе указывали на принципіальную несостоятельность идеи подписки безъ внесенія денегъ, а также на слабость расчетовъ при ограниченіи подписки одною средою читателей „Вѣстника Знанія". Если бы открыть подписку и среди посторонних, сочувствующихъ этой идеѣ,—говорили нѣкоторые,—то дѣло пошло бы быстро впередъ.

Результатомъ обмѣна мнѣній по этому вопросу было рѣшеніе отпечатать особые листы, на которыхъ было бы объяснено, что собираются одни только обѣщанія внести подписываемую сумму, когда будетъ объявлено объ утвержденіи правительствомъ устава Народной Академіи и принятіи пожертвованій особо избраннымъ комитетомъ. Съ такими подписными листами предполагается обращаться только къ людямъ съ извѣстнымъ матеріальнымъ положеніемъ, обѣщаніе которыхъ равносильно внесенію денегъ въ банкъ. Если же подписные листы будутъ заполняться подписями лицъ, малоимущихъ или склонныхъ къ легкомысленнымъ обѣщаніямъ, то сама идея предварительной подписки потерпѣла бы несомнѣнную неудачу. Такимъ сборомъ подписей могли бы, конечно, завѣдывать какъ отдѣльные подписчики, имѣющіе солидныя общественныя связи, такъ и общества имени „Вѣстника Знанія".

Вопросъ объ основаніи въ Кіевѣ такого общества, какъ и дальнѣйшая разработка вопросовъ, связанныхъ съ осуществленіемъ Народной Академіи, были переданы въ избранныя для этого двѣ комиссіи. На ихъ обязанности лежало также выработать и проекты уставовъ.

При обсужденіи вопроса о томъ, чѣмъ ознаменовать настоящее десятилѣтіе „Вѣстника Знанія", было высказано пожеланіе, чтобы къ тому времени состоялись легализація Народной Академіи и былъ устроенъ въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія".

Въ теченіе этого перваго собесѣдованія, имѣвшаго своимъ назначеніемъ, прежде всего, конечно, распредѣлить по днямъ предметы дальнѣйшихъ собесѣдованій, установить технику разработки вопросовъ, порядокъ ихъ внесенія на обсужденіе и т. д.,—въ теченіе этого перваго дня съѣзда вопросы могли быть затрагиваемы лишь отрывочно, не систематически.

Поэтому отъ одного мы переходили къ другому очень скоро, болѣе же детальное обсужденіе, которое возможно было лишь при нѣкоторой подготовкѣ членовъ собранія,—стало-быть, послѣ включенія даннаго вопроса въ программу дня,—откладывалось на послѣдующія собесѣдованія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, который могъ бы привлечь вниманіе значительной части подписчиковъ, если бы разработка его получила дальнѣйшее развитіе, былъ вопросъ о „Вѣстникѣ Знанія", его приложеніяхъ, о „Недѣлѣ"

и ежедневной газетѣ. Предполагалось выработать на съѣздѣ анкетный листок который послѣ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ редакціи могъ бы быт отпечатанъ и разосланъ подписчикамъ, при чемъ члены съѣзда могли бы дат тутъ же отвѣты на поставленные въ немъ вопросы. Это предположеніе, какъ многія другія, къ сожалѣнію, не осуществилось вслѣдствіе преждевременнаг закрытія съѣзда.

На собраніи 12 іюня подписчикамъ было предложено высказаться по повод недостатковъ журнала, пробѣловъ въ его содержаніи и упущеній редакціи, также реформъ, если въ нихъ встрѣчается надобность.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ присутствовавшими, изъ ко торыхъ добрая половина принадлежала къ украинцамъ, было пожеланіе введе нія особаго украинскаго отдѣла. На это заявленіе я счелъ себя вынужденнымъ о вѣтить прямымъ отказомъ, такъ какъ въ требованіи особаго украинскаго отдѣ ла заключалась несомнѣнная недодуманность. Въ самомъ дѣлѣ, если украинц считаютъ себя особымъ народомъ, имѣющимъ извѣстныя права на націонал ное самоопредѣленіе,—а въ этомъ съ извѣстной точки зрѣнія имъ никто отка зать не въ правѣ,—то почему же общій журналъ, какимъ является „Вѣстник Знанія“, долженъ давать предпочтеніе украинцамъ, печатая произведенія украи ской литературы на этомъ языкѣ; почему не сдѣлать этого для поляковъ, бѣ лоруссовъ, литовцевъ и т. д.? Что тогда получилось бы изъ „Вѣстника Знанія“

Такая постановка вопроса сразу отодвинула его на задній планъ, и была вы двинута же ательность удѣленія въ „В. Зн.“ большаго вниманія украинско культурѣ, главнымъ образомъ—исторіи и литературѣ. Кое-кто высказалъ даж неудовольствіе по поводу поверхностности и неточности статей въ „Недѣлѣ“ посвященныхъ украинской литературѣ.

Защиту газеты съ этой стороны взялъ на себя С. Б. Фридъ, который ука залъ на то, что „Недѣля“, несмотря на незначительность мѣста, которое может быть удѣлено въ ней литературнымъ обзорамъ, все-таки дала въ теченіе этог года уже двѣ статьи объ украинской литературѣ, а если считать и фельетон объ одномъ изъ произведеній Винниченко, то даже и три. Отвѣчая на упрек въ неточностяхъ, вкравшихся въ его собственную статью объ украинской лит ратурѣ, С. Б. Фридъ указалъ на явную опечатку, принятую при невнимател номъ чтеніи за ошибку, и на очевидныя недоразумѣнія въ толкованіи нѣкото рыхъ мѣстъ статьи.

На этомъ, однако, мѣстѣ предсѣдатель собранія счелъ нужнымъ прекратит по этому вопросу обмѣнъ мнѣній, какъ явно переходившій въ мелочи, не имѣю щія принципіальнаго значенія.

Въ заключеніе, отвѣчая украинцамъ, я выразилъ пожеланіе, чтобы они сам посылали обзоры своей литературы, и если эти очерки будутъ интересно живо написаны, то, конечно, найдутъ мѣсто на страницахъ „Недѣли“ ил „Вѣстника Знанія“. Нашлись и желающіе давать такія обозрѣнія, но, къ сожа лѣнію, ничего до сихъ поръ достойнаго вниманія не прислано.

Вопросъ о „Недѣлѣ“ и желательныхъ въ ней реформахъ, а также мысл объ изданіи при „В. Зн.“ особой ежедневной газеты, не могли за краткость времени быть хоть сколько-нибудь разсмотрѣны.

Въ числѣ вопросовъ, назначенныхъ къ обсужденію на первомъ собрані стоялъ докладъ г-жи А. А. Бурлакъ, которая предполагала сообщить собрані свой проектъ организаціи музыкально-драматической труппы „Вѣстника Знанія которая, являясь самостоятельною секціею Кіевскаго общества „В. Зн.“ (так труппы должны были бы образоваться и въ другихъ городахъ, гдѣ организуют общества имени „В. Зн.“), ставила бы себѣ задачей популяризацію классич

Съѣздъ подписчиковъ „Вѣстника Знанія" въ Кіевѣ.

Аскольдова могила.—Видъ на Днѣпръ съ Владимірской горки.—Караимскій храмъ.—Группа подписчицъ и подписчиковъ.—Домъ Городецкаго.

скихъ произведеній міровой литературы. Этотъ докладъ не могъ быть протанъ за отсутствіемъ времени (см. ниже стр. 54—56).

Изъ несказаннаго на съѣздѣ.

Преждевременное закрытіе съѣзда не дало возможно обсудить многіе намѣченные вопросы первостепенной ваности. Изъ нихъ едва ли не самымъ важнымъ является просъ о созданіи въ каждомъ мало-мальски крупномъ цтрѣ,— а въ Кіевѣ, стало быть, тѣмъ болѣе,— идейной семьи подписчико „В. Зн.“, семьи, которая, состоя изъ разнаго рода интеллигентовъ, была одухотворена чувствомъ взаимопомощи, въ силу которой каждый готовъ всти частицу своего труда, такъ сказать, въ общую кассу: врачи, адвока техники, агрономы и пр. давали бы своимъ товарищамъ-подписчикамъ бплатные совѣты каждый по своей спеціальности; учителя помогали бы тямъ товарищей одолѣвать нѣкоторыя трудности прохожденія курса; успѣющіе учащіеся дѣлали бы то же въ отношеніи неуспѣвающихъ товарищ подписчиковъ или ихъ близкихъ и т. д. Вы можете спросить: почему тол въ отношеніи подписчиковъ, а не всѣхъ? Этотъ вопросъ возникаетъ тол вслѣдствіе недоговоренности. Конечно, хорошо помогать всякому нуждающеся. Но хватитъ ли силъ на всѣхъ, не сведется ли все къ евангельскому пвилу, къ сожалѣнію, исполняемому лишь очень рѣдкими? Хорошо, стало бы было бы задаться хоть этою цѣлью—помогать другъ другу въ средѣ се родственныхъ по духу подписчиковъ журнала.

Во время предварительныхъ разговоровъ съ кіевлянами этотъ вопрос широкомъ проведеніи будущимъ кіевскимъ обществомъ „В. Зн.“ нача взаимопомощи встрѣтилъ общее сочувствіе и не казался сколько-нибу неосуществимымъ, но во время собесѣдованія 12 іюня его пришлось коснут лишь вскользь.

Предполагалось, что подписчики-кіевляне укажутъ на идейныхъ лицъ сди адвокатовъ, врачей и др. спеціалистовъ, которыя, не состоя подписчика могли бы, однако, откликнуться на призывъ помогать совѣтомъ нашей духной семьѣ. Тѣ же изъ нихъ, которые уже принадлежатъ къ ней, вѣроятно сами не откажутся отъ участія въ этого рода взаимопомощи.

Получивъ адреса такихъ лицъ, редакція обратится къ нимъ съ просьб не отказать въ помощи. Тогда мы будемъ имѣть своихъ вооруженныхъ спеальными знаніями безкорыстныхъ, отзывчивыхъ работниковъ, къ которымъ ждый подписчикъ могъ бы безбоязненно обратиться за совѣтомъ и въ св очередь оказать товарищескую услугу.

Братское чувство, съ особенною силою охватившее всѣхъ насъ, участковъ съѣзда, проявилось и въ той области, которая обыкновенно является, т сказать, пробнымъ камнемъ истинной культурности: много есть либеральниющихъ господъ, которые не могутъ, однако, скрыть своей непріязни къ гой національности, къ инородцамъ, и только вполнѣ культурный челов умѣетъ стать выше предразсудковъ толпы и той среды, которая поддерваетъ ненависть къ угнетаемымъ національностямъ.

Одинъ изъ подписчиковъ, И. Горовскій, отвѣчая на вопросъ своихъ

менниковъ-евреевъ объ отношеніи участниковъ съѣзда къ евреямъ, пи-ъ:

Я лично, какъ еврей, очень интересовался этимъ вопросомъ не меньше, ъ общими интересами, для которыхъ я и поѣхалъ въ Кіевъ.

Я провелъ всю свою жизнь въ деревнѣ, гдѣ интеллигентнаго человѣка не цешь даже днемъ съ огнемъ; некому здѣсь думать о просвѣщеніи темнаго стьянскаго населенія, вслѣдствіе чего оно является очень воспріимчивымъ ментомъ для прививки антисемитизма, чѣмъ и пользуются читатели „Коло-а", „Русск. Знамени" и т. п.

Каждое воскресенье послѣ службы, когда обыкновенно принято читать повѣдь, нашъ священникъ старается запустить подъ кожу своего стада хоть лю антисемитической сыворотки, приготовленной „Колоколомъ" или др. по-ными изданіями. Результаты часто бываютъ очень чувствительны, что я ыталъ на себѣ. Бороться же съ этимъ зломъ безъ помощи русскихъ това-щей невозможно по той причинѣ, что къ тебѣ масса относится съ недо-іемъ, которое носитъ традиціонный характеръ.

Привыкши всю жизнь видѣть такое отношеніе со стороны преобладающаго ьшинства окружающаго меня русскаго общества, я склоненъ былъ вѣрить, все русское общество такъ же относится къ евреямъ. Но кіевскій съѣздъ дилъ меня, что я ошибался въ своемъ предположеніи, ибо почти всѣ това-щи-подписчики, которые собрались въ Кіевъ, не только—далеко не антисе-ы, но вообще люди, свободные отъ расовыхъ предразсудковъ, и, какъ мнѣ ому пришлось убѣдиться изъ личныхъ бесѣдъ и наблюденій, большинство никнуто общечеловѣческими идеями, и для него права и интересы всѣхъ й такъ же близки, какъ и личные интересы.

Я не безъ радостнаго чувства отмѣчаю этотъ отрадный фактъ, наличность раго имѣетъ мѣсто лишь благодаря распространенности „Вѣстн. Зн." ается только желать, чтобы энергичная дѣятельность дорогого всѣмъ намъ ьгельма Вильгельмовича воодушевила всѣхъ его учениковъ—подписчиковъ итателей, которые съ такой же энергіей станутъ распространять пропо-уемыя имъ идеи по всему пространству великой Россіи, и тогда идея все-аго мира, братства и взаимной любви всѣхъ народовъ не замедлитъ осуще-иться.

Приведу еще письмо крестьянина И. Во—га, къ сожалѣнію, слиш-ь большое, чтобы быть помѣщеннымъ цѣликомъ. Я долженъ былъ изъ не-ыкинуть многое, но все-таки, надѣюсь, оно сохранило свою первобытную оту, наивность и необыкновенную жажду знанія, которая заслуживаетъ его глубокаго сочувствія, а въ господахъ сатириконствующихъ интелли-ахъ она, конечно, вызоветъ улыбку сожалѣнія. Пусть!

Товарищи, друзья просвѣщенія, печальники Россіи! Я—сынъ крѣпостного тьянина, недавно я еще влачилъ на своемъ многострадальномъ тѣлѣ тулупъ, къ, лапти, недавно питался мякиннымъ хлѣбомъ, но теперь я, слава Богу, ого ожилъ, немного просвѣтился „Вѣстникомъ Знанія", немного почув-залъ пользу просвѣщенія и роковое значеніе для народа безпросвѣтной оты и невѣжества.

Я былъ въ Кіевѣ на съѣздѣ подписчиковъ „Вѣстника Знанія". Выѣхалъ я рублями и думалъ жить тамъ на нихъ 10 дней. Въ Кіевѣ я познакомился одписчиками-учителями, съ идеальнѣйшими гражданами, не пьющими, не щими. Тамъ же въ аудиторіи я хотѣлъ говорить: но мнѣ не удалось вы-

сказаться обо всемъ томъ, что волновало меня, чѣмъ я хотѣлъ подѣлиться товарищами.

Неопытность, отсутствіе необходимаго въ такихъ случаяхъ хладнокр помѣшали мнѣ высказать свои мысли вслухъ. Вотъ почему я спѣшу бы письменно высказать вамъ о крестьянскомъ просвѣщеніи, духовной ну деревни и недостаткахъ нашихъ книжныхъ, литературныхъ и общественн дѣятелей. Но я начну сначала, начну съ популярнѣйшаго „Вѣстника Зна Въ Кіевѣ я хотѣлъ говорить о великихъ заслугахъ „Вѣстника Знанія“ на просвѣщенія и пробужденія къ духовной жизни всѣхъ читателей, хотѣлъ годарить всѣхъ работниковъ „В. Зн.“ во главѣ съ редакторомъ, хотѣлъ черкнуть голосомъ энтузіаста любвеобильное и неутомимое отношеніе „В ника Знанія“, внимательно прислушивающагося къ нашимъ мыслямъ, къ т что волнуетъ всѣхъ насъ.

Я хотѣлъ говорить о значеніи будущей Народной Академіи, которая всю Россію будетъ храмомъ науки и просвѣщенія, которая явится вра темноты, невѣжества, пьянства, деспотизма, дармоѣдства и т. п., которая свои гостепріимныя стѣны приметъ всѣхъ сыновъ Россіи безъ различія на нальностей и религіозныхъ исповѣданій, которая насытитъ всѣхъ алчущи жаждущихъ духовной пищи и ко всѣмъ будетъ одинаково относиться— къ богатымъ, такъ и къ бѣднымъ.

Я вѣрю въ эту Академію, въ ея будущность.

Я вѣрю, что когда будетъ Народная Академія, когда идеи, проповѣдуе „Вѣстникомъ Знанія“, обнимутъ собою всю нашу землю, само собой разрѣш вопросы нашей соціальной жизни, сами по себѣ перестанутъ работать в куренные и пивоваренные заводы; монопольки и кабачки переродятся въ бліотеки, книжные магазины, залы для лекцій и театровъ.

„Вѣстникъ Знанія“ не замыкается отъ насъ, подобно прочимъ журнал утаивающимъ наши слезы, нашу скорбь и вопли нашей души. Никто так прислушивается къ голосу рабочихъ и крестьянъ, какъ „Вѣстникъ Знанія“.

Товарищи, не будемъ же мы простыми читателями, а будемъ объединя въ армію стремящихся къ просвѣщенію, будемъ вдохновлять В. В., бу надѣяться, что съ нимъ мы пробудимъ спящую деревню, гдѣ царитъ без свѣтная тьма, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ, гдѣ братья н въ тулупахъ, въ сермягахъ, въ лаптикахъ, гдѣ сестрицы - молодушки зимо няты куделью (льномъ), а лѣтомъ скотинкою и полевыми работами, а учи не учатся—ни читать, ни писать. Всѣ они томятся теперь духовнымъ голо и ждутъ отъ насъ помощи. Не будемъ же мы спать, не будемъ зарывать познанія и таланты, будемъ неустанно кричать о духовномъ голодѣ, бу рекламировать періодическую прессу, пользу чтенія и вредъ невѣжества. демъ кричать и кричать, гдѣ бы мы ни были, о томъ, что деревнѣ ну книги, газеты, журналы, скажемъ крестьянамъ, что существуетъ „Вѣст Знанія“, „Нива“, „Рѣчь“, „Современное Слово“, „Копейка“ и сельско-хозяйст ные журналы.

Теперь же никто въ деревнѣ ничего не знаетъ о книжномъ мірѣ; ино и купилъ кое-что, выписалъ бы кое-что, да не знаетъ, что выписать. Р больна недостаткомъ рекламы, но никто у насъ объ этомъ не думаетъ. Н надо усилить рекламу. Издателямъ надо круглый годъ имѣть по забо селъ и мѣстечекъ объявленія о своихъ изданіяхъ. Одни эти объявленія лись бы въ деревнѣ соперниками объявленіямъ трактировъ и кабаковъ.

Крестьянинъ нашъ пьетъ потому, что подъ носомъ видитъ рекламу о в и пивѣ, не читаетъ же потому, что не видитъ подъ носомъ ни рекламы о гахъ, ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ. Это—почти аксіома.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, по сытинской статистикѣ, на-щихъ покупателей книгъ имѣется въ деревнѣ всего около 70 тысячъ на ,000,000-ое русское народонаселеніе, въ числѣ котораго имѣется около 120 ліоновъ крестьянъ. Но сытинская статистика, вѣроятно, преувеличена. Я, ь крестьянинъ, питомецъ курной хаты, зная прекрасно деревню, допу-о, что изъ крестьянъ, живущихъ постоянно въ деревнѣ, вѣроятно, еще мень-покупателей.

Вѣдь, не будь въ городахъ газетъ и въ нихъ рекламы о періодической ссѣ, развѣ возможно существованіе любой газеты, любого журнала?

Говорятъ, что наша деревня бѣдна и не можетъ поэтому читать ни книгъ, журналовъ, ни газетъ. Но это вѣрно только отчасти.

Множество крестьянъ-земледѣльцевъ читали бы и выписывали бы кое-что. е помѣщичьи батраки — и тѣ имѣютъ часто рубль въ запасѣ, а безземельные езлошадные имѣютъ больше средствъ, чѣмъ другіе съ собственностью, такъ большинство ихъ — самородные ремесленники: каменщики, сапожники, тные, колесники, токари, плотники, столяры, кузнецы. Они постоянно въ еніи съ народомъ, часто бываютъ въ мѣстечкахъ на рынкахъ. Въ деревнѣ считаются передовыми представителями, какъ люди съ умомъ и „талян-и". Послѣдніе могли бы вполнѣ во время праздниковъ и въ часы досуга итать и побесѣдовать съ народомъ о прочитанномъ. Вообще же крестьяне ой остаются въ большинствѣ безъ работы за отсутствіемъ спроса на ра-я руки...

Въ Кіевѣ я хотѣлъ говорить про всероссійскій духовный голодъ, про еніе духа. Вы, навѣрно, не знаете, какъ я недавно, будучи деревенскимъ шей, томился духовнымъ голодомъ, какъ скорбно и плачевно я думалъ объ тствіи въ деревнѣ книгъ, газетъ и журналовъ.

Что даетъ деревнѣ наша духовная аристократія въ лицѣ литераторовъ, уче-ь и издателей? У насъ есть потуги и выкрики о просвѣщеніи мужика, но глубокаго интереса къ крестьянской горькой дѣйствительности. Безъ ъ, журналовъ, безъ газетъ наши деревенскія школы съ мертвыми учебни-и — все равно, что пища безъ соли, а грамотѣи ихъ — все равно, что узники юрьмѣ, томимые голодомъ.

У насъ ежегодно подсчитывается, сколько каждая область выпиваетъ и, сколько зерна, скота вывозится за границу, сколько травится, ается, топится и стрѣляется, сколько умираетъ отъ чумы, холеры, тки, сифилиса. У насъ, начиная съ Пасхи, ежегодно интересуются, въ будетъ урожай, какой доходъ можно предвидѣть отъ урожая, ю ли будетъ получить съ крестьянъ налоги и недоимки повин-ей земельныхъ. О томъ же, сколько дается крестьянину, у насъ никто едетъ статистики, кромѣ развѣ министерства народнаго просвѣщенія. У никто не интересуется, читаютъ ли крестьяне, и если читаютъ, то что и ько читаютъ. У насъ никто изъ издателей, писателей и поэтовъ не забо-и о распространеніи научныхъ брошюръ и классической родной литературы.

Наши сельско-хозяйственные журналы издаютъ много научной, годной для зни литературы, но что жъ, когда они не имѣютъ такого распространенія еламъ и мѣстечкамъ, какое имѣютъ наши лубочные издатели... Объеди-есь, товарищи, въ одно цѣлое на нивѣ духовнаго возрожденія нашего народа.

У насъ нѣтъ американскихъ Карнеги и Рокфеллеровъ, созидающихъ за свой ь цѣликомъ храмы наукъ. Сами мы слишкомъ тупы, невѣжественны и бѣдны.

Мы изъ своей 50,000-ой арміи подписчиковъ успѣли внести пока толь-коло пяти тысячъ руб. на Народную Академію. Стыдно намъ! Жер-те же на святыню хоть теперь! За три года мы легко могли бы собрать

300,000 рублей и начать это святое дѣло. Намъ пора уже выйти изъ тупи

Будемъ же стучать въ дверь, и она отверзится. Будемъ ждать, когда дѣятельности Народной Академіи многіе скажутъ: я былъ пьяница, а послѣ ... цій сталъ трезвенникомъ, я былъ развратникомъ, а сталъ нравственнымъ, я б... жестокимъ и лѣнивымъ, а сталъ гуманнымъ и трудолюбивымъ, я былъ невѣжд... а сталъ просвѣщеннымъ и ученымъ... Все это свершится только при сущес... ваніи кочующихъ лекторовъ Народной Академіи.

На кіевскомъ съѣздѣ я хотѣлъ говорить о своихъ недоумѣніяхъ, поч... наши ученые отъ деревни отворачиваются и не идутъ ее учить. Тѣ, кото... говорятъ, что крестьяне любятъ не учиться, а пить,—грубо ошибаются. Откро... мужичку духовныя школы, семинаріи, кадетскіе корпуса, какъ они открыты ... другихъ сословій и на казенный счетъ, и вы увидите, какъ изъ крестьянъ ... явятся священники, офицеры, генералы и министры. Дайте мужичку газ... журналовъ, научныхъ книжекъ, и онъ совершенно переродится. Но у н... положительно ничего мужику не дается, не показывается, кромѣ объявлені... водкѣ и пивѣ.

Объ этомъ не мѣшало бы подумать нашимъ законодателямъ, мнимы... трезвенникамъ Челышевымъ. Товарищи! Предъ нами великія задачи, будемъ ... мы ихъ рѣшать всѣми способами, будемъ кричать о пользѣ свѣта, будемъ ... священнодѣйствовать, ибо просвѣщеніе отчизны—священнодѣйствіе, кото... должно соприкасаться со скорбью, со слезами и терніями жизни.

Авторъ письма приложилъ и два написанныя имъ стихотворенія: „Гим... Народной Академіи“ и „Приди, приди желанный день“. Къ сожалѣнію, пе... тать ихъ не приходится.

Свой краткій обзоръ того немногаго, что намъ удалось сдѣлать въ теч... перваго кіевскаго съѣзда, я кончаю. Могу ли я самъ подвести итоги, и... ются ли они? Пусть на это отвѣтятъ сами читатели, пусть рѣшатъ они, сто... ли намъ собираться со всѣхъ концовъ Россіи. Я могу лишь говорить о с... емъ личномъ впечатлѣніи, и мнѣ кажется, что мы должны собираться и впр... Но для этого надо дѣятельно готовиться. Г-жа А. А. Бурлакъ въ сво... присланномъ въ редакцію докладѣ о театрахъ „Вѣстника Знанія“ выра... етъ сожалѣніе, что не пришлось прочесть его въ собраніи подписчик... и выслушать ихъ соображенія. Помѣщая извлеченіе изъ этого доклада ... „Недѣлѣ“, она высказываетъ надежду, что ко дню слѣдующаго съѣзда н... будетъ сорганизовать труппу „Вѣстника Знанія“, которая сыграетъ нема... роль для пропаганды его идей и въ дѣлѣ единенія подписчиковъ.

Я предлагаю, — пишетъ она, — въ будущемъ во всѣхъ болѣе или ме... крупныхъ городахъ, гдѣ будутъ функціонировать общества и кружки „Вѣстн... Знанія“, основать музыкально-драматическія труппы. Въ настоящее же вр... я имѣю въ виду непосредственно Кіевъ, какъ одинъ изъ центровъ, гдѣ я, с... актриса съ знакомствами и связями въ театральномъ мірѣ, могла бы быть полез...

Ознакомившись съ книгой В. Битнера „Пути самообразованія и служ... обществу“, я прихожу къ заключенію, что высказанныя тамъ мысли тол... тогда способны получить осуществленіе, когда въ нашихъ рукахъ будетъ ... существенное средство воздѣйствія живого слова на массу. Возьмемъ хотя... примѣръ нашего только отчасти состоявшагося съѣзда. Сколько говори... В. В-чемъ и подписчиками о необходимости единенія и др. хорошихъ вещахъ... мы соглашались, сочувствовали, но... ничего не дѣлали. И достаточно было р... собраться, поговорить, услышать живое слово товарищей, съѣхавшихся и...

ка, побесѣдовать съ В. В., какъ всѣ мы теперь зашевелились, готовы работь... А что было бы, если бъ съѣздъ былъ доведенъ до конца! Я не сомнѣюсь, что преждевременное его закрытіе является, прежде всего, ударомъ еву, который много бы выигралъ въ культурномъ отношеніи, если бы удась обсудить многіе изъ вопросовъ, стоявшихъ въ программѣ предполагавихся собесѣдованій. Отсюда ясно значеніе живого слова. Хорошо читать, но иъ, гдѣ надо оставить сильное впечатлѣніе, живая рѣчь несравненно дѣйствильнѣе. Многіе вопросы, многіе предметы усваиваются и воспринимаются гоздо легче, когда о нихъ слышишь изъ устъ живого человѣка, такъ какъ сая увлекательная книга все-таки сама по себѣ мертва...

Литература — предметъ, который особенно страдаетъ отъ „книжности", если съ можно выразиться; и здѣсь лучше всего примѣнять методъ сложнаго военія, когда лекторъ знакомитъ съ авторомъ, читаетъ отрывки изъ его проведеній, даетъ оцѣнку и характеристику послѣднихъ и т. д. Возвратясь домой, ушатель обдумаетъ, „переваритъ" все слышанное, а потомъ прочтетъ лекъ въ печатномъ видѣ. Тогда авторъ или произведеніе будутъ уже болѣе и менѣе усвоены. Но еще сильнѣе получается впечатлѣніе, когда мы видимъ есу на сценѣ, изъ устъ хорошо играющихъ артистовъ, въ соотвѣтственной становкѣ, при декораціяхъ, дающихъ зрительные образы...

И вотъ проектируемыя мною труппы „Вѣстника Знанія" должны въ этомъ ношеніи прійти на помощь. Онѣ будутъ нагляднымъ образомъ знакомить съ сателями драматургами. При этомъ главное вниманіе, на мой взглядъ, надо ращать на пьесы классическія, на всѣми признанныхъ корифеевъ литерары, какъ міровой, такъ и русской. Для начала, конечно, придется поступиться огимъ, какъ въ выборѣ пьесъ, такъ и въ отношеніи постановки. Но будьте покойны: мы будемъ ставить и Шекспировскаго „Юлія Цезаря", не смущаясь ндіозностью задачи. Считаясь съ техническими трудностями, придется въ вое время выбирать авторовъ менѣе сложныхъ, болѣе близкихъ намъ по ху, напр., Островскаго, Гоголя, Чехова и т. д. Такъ, послѣ небольшой вступельной лекціи о послѣднемъ, о характерѣ его творчества, пойдетъ одна изъ съ, скажемъ — „Медвѣдь"; или же — лекціи о Гоголѣ, и тутъ же — пьеса „Реоръ". При постановкѣ Ибсена, котораго „большая" публика часто вовсе не имаетъ, предварительныя объясненія, даже минуя чисто педагогическія соаженія, далеко не лишни, и такіе вечера, устраиваемые въ обществѣ „Вѣста Знанія", безусловно могутъ разсчитывать на успѣхъ.

Не стану отрицать, что для многихъ эти спектакли явятся только пріятнымъ влеченіемъ, за которымъ они отдохнутъ и отвлекутся отъ повседневной зы — но, вѣдь, и это хорошо! Для такихъ будутъ иногда ставиться пьесы болегкія, — для желающихъ же учиться и совершенствоваться будетъ подонъ репертуаръ, состоящій изъ пьесъ серьезныхъ, для слушанія которыхъ ребуется больше вниманія и подготовки.

Для труппы „Вѣстника Знанія" будутъ обязательны поѣздки въ другіе гоа на съѣзды: гдѣ-нибудь на сѣверѣ объявленъ съѣздъ — труппа отправляется амъ вмѣстѣ съ пріѣзжими и мѣстными силами даетъ спектакли для съѣхався и мѣстныхъ подписчиковъ.

Вы, читатели, можете на это возразить, что все это очень хорошо, но гдѣ взять средства для содержанія этой „своей" труппы?..

Въ свою очередь могу отвѣтить на это предполагаемое возраженіе, что я, ь актриса, стоящая близко къ театральному дѣлу, могу себя считать хорошо комой со многими сторонами театральной жизни; и я скажу, что многіе исы и актеры, даже изъ большихъ театровъ, навѣрно пойдутъ или совсѣмъ платно или же за очень небольшое вознагражденіе въ нашу труппу, такъ

какъ заинтересованы въ томъ, чтобы о нихъ, кромѣ мѣстной прессы, гово лось еще и въ столичной печати, а „Недѣля“ „Вѣстника Знанія“, вѣдь, вѣрно станетъ писать о „своей труппѣ“. Скажу даже болѣе, что я уже съ кѣмъ говорила на эту тему и получила согласіе принять участіе въ шей труппѣ. Какъ ни кратковременепъ былъ кіевскій съѣздъ „В. Зн.“, же онъ успѣлъ заинтересовать лучшую часть общества, которое теперь от сится къ нашимъ задачамъ съ несомнѣнною симпатіей. А актеры являются с ли не наиболѣе чуткою частью интеллигенціи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы будемъ давать платные спекта не только у себя, въ обществѣ „В. Зн.“, но и по приглашенію (конечно, плату) въ другихъ кружкахъ и клубахъ; такимъ образомъ, если, не давая бо шихъ доходовъ, то, во всякомъ случаѣ, окупая свои расходы,—труппа буд вносить посильную лепту въ общую братскую работу.

Если мой проектъ хоть сколько-нибудь заслуживаетъ вниманія, то я п сила бы читателей высказаться на страницахъ „Недѣли“ на эту тему. Пока я воздержусь отъ дальнѣйшихъ соображеній. Къ съѣзду я готовила большой кладъ, такъ какъ ожидала тамъ услышать немедленное о немъ мнѣніе и прин участіе въ преніяхъ; но теперь приходится ограничиться краткою замѣтк на которую я все-таки надѣюсь услышать какъ возраженія, такъ—еще больш слово сочувствія.

Когда я пишу эти строки, въ Петербургѣ идутъ представленія Старинн Театра. Ставятся пьесы Лопе-де-Вега, Кальдерона, Сервантеса. Никакихъ корацій, даже передняго занавѣса. Вся декорація сводится къ фону на з немъ планѣ и простыхъ подмосткамъ, съ незатѣйливою занавѣскою, за ко рою прячутся актеры. И, однако, избалованные петербуржцы валомъ вал въ этотъ театръ, нарасхватъ раскупая билеты.

Не имѣло ли бы смысла и будущей труппѣ „Вѣстника Знанія“, ставя клас ческія пьесы, напримѣръ, того же Лопе-де-Вега, сочиненія котораго буд даваться въ приложеніи къ „В. Зн.“ въ будущемъ году, попытаться воз новить и прежнюю постановку этихъ пьесъ? Во всякомъ случаѣ, въ пол этого говорятъ и экономическія соображенія.

Я кончаю эту главу, посвященную предметамъ, о которыхъ не удалось ворить во время съѣзда. Предполагавшіяся лекціи только отчасти мо быть возстановлены. Статьи прив.-доц. Н. П. Василенко „О кіевскомъ об ствѣ 40-хъ годовъ“ и горн. инж. І. Р. Кобецкаго о геологическомъ строеніи почвы Кіева—до сихъ поръ не получены. Что же касается лекцій проф. З кова, то авторъ могъ дать ихъ только въ сокращеніи, такъ какъ не им времени написать цѣликомъ. За это онъ извиняется передъ читателями. вина лежитъ уже не на немъ, а на тѣхъ условіяхъ, которыя помѣшали п честь эти лекціи въ Кіевѣ. Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ поблаго рить кіевскія, а также и нѣкоторыя другія провинціальныя газеты за сооб ніе свѣдѣній объ этомъ праздникѣ единенія людей, видящихъ въ зна единственный источникъ будущаго счастья людей.

В. Битнеръ.

СТАРЫЙ КІЕВЪ.

Лекція проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго для подписчиковъ „Вѣстника Знанія" во время ихъ съѣзда въ Кіевѣ въ 1911 г.

ф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Рѣдкій изъ русскихъ городовъ пережилъ такую судьбу, какъ Кіевъ: онъ процвѣталъ довольно короткое время и затѣмъ захирѣлъ на многія столѣтія. Но зато въ этотъ періодъ своего процвѣтанія, въ этотъ древнѣйшій періодъ своей исторіи, Кіевъ представлялъ собою замѣчательный типъ мірового центра: востокъ и западъ, югъ и сѣверъ обмѣнивались на кіевскихъ рынкахъ продуктами своихъ странъ.

Безспорно, положеніе на среднемъ Днѣпрѣ было первымъ условіемъ, въ силу котораго Кіевъ сталъ играть такую выдающуюся роль. Днѣпръ давалъ единственный выходъ на югъ и на сѣверъ, и онъ же представлялъ замѣчательное обство для сношеній съ отдаленнымъ востокомъ. Среди древнѣйшихъ славянихъ поселеній Кіевъ оказался единственнымъ въ этомъ отношеніи городомъ. самомъ дѣлѣ, родиной русскихъ славянъ, какъ теперь хорошо выяснено, было икарпатье. Отсюда славяне потянулись довольно узкой полосой къ среднему ѣпру, и, безспорно, причина, которая тянула русскихъ славянъ къ среднему ѣпру, именно—къ Кіеву, заключалась въ удобствѣ днѣпровскаго пути. Несоѣнно также и то, что поселенія на мѣстѣ Кіева принадлежатъ къ древнѣймъ изъ числа найденныхъ до настоящаго времени на территоріи Россіи; даже атки поселеній каменнаго вѣка по своей густотѣ какъ бы указываютъ на то, и тогда уже предѣлы нынѣшняго Кіева были значительно населены. Это ичитъ, что уже древнѣйшіе дославянскіе насельники Кіева дорожили этимъ стомъ. То обстоятельство, что къ Кіеву подходили скиѳскіе курганы, что готскія еленія охватывали Кіевъ, что римскія монеты находимы на территоріи Кіева —III в. по Р. Х.),—все это опять-таки свидѣтельствуетъ, что, каково бы ни было еленіе въ древнѣйшемъ Кіевѣ, оно, во всякомъ случаѣ, группировалось здѣсь форму поселка, имѣющаго типъ города или городковъ, и вело сношенія въ торыхъ цѣляхъ съ отдаленными странами. Но по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ,

освѣщенной большимъ количествомъ памятниковъ, къ эпохѣ, когда здѣсь дѣйствовало славянское племя, наши извѣстія о древнемъ Кіевѣ расширяю и Кіевъ представляется большимъ и важнымъ торговымъ пунктомъ. Э періодъ датируется византійскими и арабскими монетами отъ конца VII и чала VIII вѣка, а затѣмъ уже съ IX и X вѣковъ обильный рядъ письменн извѣстій говоритъ намъ о широкомъ торговомъ значеніи Кіева.

Въ періодъ ранняго европейскаго средневѣковья въ рукахъ арабовъ со доточивалась обширнѣйшая европейская, азіатская и африканская торго арабы же были двигателями науки, искусства и литературы. Въ этотъ пер міровой торговли Кіевъ занимаетъ одно изъ очень важныхъ мѣстъ, явл передаточнымъ пунктомъ арабскихъ произведеній и съ своей стороны доста арабамъ мѣха и невольниковъ. Отъ средняго Днѣпра къ арабамъ велъ пут верховьямъ Дона въ Итиль,—такой же замѣчательный торговый пунктъ въ стр хазаръ, а другой путь направлялся нѣсколько къ сѣверо-востоку и рѣкою О выходилъ на среднюю Волгу къ богатому болгарскому городу Булгарамъ. пути можно прослѣдить по расположенію на нихъ кладовъ съ арабскими м тами. Этими путями Кіевъ связывался съ важнѣйшими передаточными пунк арабской торговли. На самой территоріи Кіева неоднократно были наход обширные клады арабскихъ монетъ различной чеканки; тутъ были монеты, каненныя въ Самаркандѣ, Шашѣ, Мервѣ и другихъ городахъ Туркест Кладъ, открытый въ 1851 году, заключалъ въ себѣ отъ двухъ до т тысячъ диргемовъ; кладъ, найденный Мазепою въ 1706 году, сост изъ 2380 монетъ; были находимы и другіе менѣе крупные клады отдѣльныя монеты, не рѣдко въ связи съ кладами издѣлій изъ драгоцѣн металловъ. Размѣры кладовъ, которые для того времени представляли кру капиталы, свидѣтельствуютъ, разумѣется, о богатствѣ жителей древняго К и о широкихъ размѣрахъ восточной торговли.

Но мало того. Сами арабы бывали въ Кіевѣ, и они хорошо знали этотъ родъ, именно знали—какъ богатый торговый городъ. По словамъ Аль-Ма писателя X вѣка, арабы посѣщали столицу царя Дира, владѣвшаго обшир городами и многими странами. Аль-Истахри тоже свидѣтельствуетъ о поѣзд арабскихъ купцовъ въ городъ Куябу. По словамъ анонимнаго персидскаго сателя X-го вѣка, „куяне (Кіевъ)—ближайшій городъ руссовъ къ мусуль ству. Мѣсто благодатное и мѣстопребываніе царей. Изъ него вывозятъ раз разные мѣха и цѣнные мечи“. Наконецъ, Ибнъ-Хаукаль, описывая обш торговлю руссовъ, указываетъ на то, что кіевскіе руссы ведутъ торговл хазарами и Византіей.

Итакъ, въ глазахъ арабовъ, Кіевъ—важнѣйшій торговый центръ дре Руси. Несомнѣнно, такимъ городомъ въ ихъ глазахъ онъ былъ потому сами арабы чаще всего встрѣчались не только въ Булгарѣ или Итил также и въ далекихъ Багдадѣ, Александріи и др. городахъ именно съ кіевс купцами. Въ самомъ дѣлѣ, древніе руссы большими колоніями прожива

выхъ двухъ городахъ и заходили со своими товарами въ отдаленнѣйшіе го-
а востока. Арабскіе писатели съ большимъ интересомъ описываютъ богатства
орговую предпріимчивость этихъ высокихъ свѣтловолосыхъ язычниковъ, въ
же время пьяныхъ и „грязнѣйшихъ тварей Божіихъ“.

Параллельно съ арабской торговлей Кіевъ велъ торговлю съ Византіей и
ндинавіей. Днѣпръ являлся великимъ воднымъ путемъ,—такъ его называли въ
евности,—соединявшимъ скандинавскій сѣверъ и византійскій югъ. Предпрі-
ивые норманны большими дружинами появлялись въ Новгородѣ и Кіевѣ,
огда для военныхъ цѣлей, но чаще для торговыхъ. И тутъ Кіевъ получаетъ
венствующее значеніе передаточнаго торговаго пункта. Торговля съ Визан-
й, вѣроятно, получила обширные размѣры уже тогда, когда вошла въ силу
говля арабская. При этомъ первоначально Кіевъ поддерживалъ связи пре-
щественно съ Херсонесомъ, греческой колоніей на Таврическомъ полуостровѣ.
вѣроятно, къ IX вѣку торговыя связи переносятся въ Константинополь
самаго начала X столѣтія руссы находятся въ тѣсныхъ торговыхъ сноше-
хъ съ столицей Византіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ торговые договоры
га, Игоря и Святослава и, наконецъ, вся дѣятельность древнѣйшихъ рус-
хъ князей. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть въ каждый политиче-
й шагъ этихъ собирателей древней Руси, чтобы признать въ немъ ясно вы-
енную тенденцію направить, расширить, вообще улучшить торговыя сноше-
Въ этомъ направленіи древнѣйшіе кіевскіе князья выказываютъ замѣча-
ную предпріимчивость, иногда въ ихъ умахъ рождаются грандіозные планы.
гъ съ помощью оружія добивается ряда выгодъ въ торговлѣ и закрѣпляетъ
договоромъ. Тѣмъ не менѣе, при его преемникахъ торговля въ силу ка-
ь-то причинъ, не совсѣмъ для насъ ясныхъ, нѣсколько сокращается. Игорь
ается поправить дѣло походомъ, но неудачно. Вел. кн. Ольга отправляется въ
стантинополь для личныхъ переговоровъ съ византійскимъ императоромъ.
головѣ ея сына Святослава зарождается грандіозный планъ: разгромить на
окѣ хазаръ для того, чтобы утвердить непосредственныя сношенія Руси съ
бами, и когда этотъ проектъ, послѣ разгрома хазарской державы, оказался
ринесшимъ пользы, такъ какъ причина ослабленія торговли заключалась
аденія ея въ главномъ центрѣ — среди самихъ арабовъ, то Святославъ
аетъ о перенесеніи торговаго центра поближе къ Византіи, на Дунай. Эти
ы разбились, но интересна сама мысль, руководившая такой грандіозной
тической задачей. Подобнаго рода идеи могли возникнуть только на подго-
енной почвѣ. Но, кромѣ восточной и южной торговли, Кіевъ имѣлъ связи
ападными славянами и далѣе—съ нѣкоторыми нѣмецкими городами. „Трудно
одимыми путями“, какъ свидѣтельствуетъ одинъ средневѣковый источникъ,
ы изъ далекаго придунайскаго Регенсбурга пробирались въ Кіевъ. И здѣсь,
ападной торговлѣ, мѣха играли главную роль среди продуктовъ вывоза, и въ
нъ на нихъ кіевскіе купцы получали западныя издѣлія.

Этихъ бѣглыхъ указаній слишкомъ достаточно для того, чтобы признать за

древнимъ Кіевомъ значеніе важнѣйшаго торговаго города. Все въ немъ бы
проникнуто торговыми интересами и богатствомъ. Начать съ того, что топог
фія стараго Кіева полна указаніями на то, что здѣсь прочно осѣли различн
иноземцы, разумѣется—для торговыхъ цѣлей. Такъ, въ лѣтописи упоминаю
ворота Лядскія, находившіяся на южной сторонѣ города, а на сѣверозапад
сторонѣ находились ворота Жидовскія; очевидно, это означаетъ, что вбли
нихъ находились кварталы, гдѣ жили эти иноземцы. Интересно, что Жидовс
ворота упоминаются по близости отъ аристократической части города: гдѣ
вблизи Десятинной церкви, между нею и Златоверхимъ Михайловскимъ мо
стыремъ находился Великій Дворъ Ярослава, тутъ же по близости упоминаю
дворы нѣкоторыхъ бояръ, князей и княгинь. Кромѣ евреевъ и поляковъ, о
торыхъ говорятъ указанныя топографическія названія, Кіевъ привлекалъ и д
гихъ иноземцевъ. Недаромъ лѣтописецъ говоритъ о томъ, что здѣсь жили и
земцы „всякаго языка“. Несомнѣнно, во второй четверти XIII вѣка зд
существовалъ костелъ Св. Маріи, при которомъ въ 1230 году былъ ос
ванъ Доминиканскій монастырь. Но, по всей вѣроятности, этотъ костелъ су
ствовалъ значительно раньше. Въ Новгородской лѣтописи сохранился одинъ
мекъ, изъ котораго видно, что иноземныхъ церквей существовало нѣсколь
Говоря о нападеніи на Кіевъ въ 1192 году, она разсказываетъ, что инозем
всякаго языка затворились „въ церквахъ“. Въ самомъ дѣлѣ, интенсивная бор
которую ведутъ древне-русскіе проповѣдники, начиная съ митрополита Иларіо
противъ латинянъ, указываетъ не только на присутствіе въ городѣ нѣмцевъ,
ляковъ, но также и на то, что они здѣсь имѣли извѣстнаго рода вліяніе. Н
еще упомянуть, что въ Кіевѣ въ это время существовала армянская коло
преп. Феодосій и митр. Никифоръ касаются армянской вѣры въ своихъ пос
ніяхъ къ князьямъ, а Патерикъ Печерскій въ житіи Св. Агапита разсказыва
о врачѣ-армянинѣ и его единовѣрцахъ, жившихъ въ Кіевѣ. Мало того, въ
чалѣ XII столѣтія придворнымъ княжескимъ докторомъ былъ какой-то Пе
Сурянинъ, т. е. сиріецъ, были еще какіе-то сарацины въ Кіевѣ. Такимъ об
зомъ, восточные купцы даже въ XII вѣкѣ еще посѣщали Кіевъ. Кромѣ того
званіе одного предмѣстья на Подолѣ Козарами указываетъ на то, что зд
былъ кварталъ, населенный хазарскими купцами. Нѣтъ нужды говорить о
ѣзжихъ грекахъ: сношенія съ Византіей были весьма интенсивны. Византі
появлялись въ Кіевѣ въ цѣляхъ религіозныхъ, изъ Византіи приходили с
ремесленники и, наконецъ, торговцы. Въ Патерикѣ Печерскомъ есть одно мѣ
въ которомъ разсказывается о томъ, что изъ Константинополя, во время
менства преподобнаго Никона, пришли въ монастырь иконописцы-греки.
торъ Патерика по этому случаю замѣчаетъ, что они пришли не одни, но в
стѣ съ многими гостями, „иже бѣша оттуду путь шествовавше съ тѣми“, т
иконописцами; среди пришедшихъ были греки и обезы, т. е. восточные ку

Наконецъ, Кіевъ былъ городомъ, куда для тѣхъ же торговыхъ цѣлей
кались и русскіе купцы; нѣкоторые города имѣли здѣсь прочное становище:

мѣръ, новгородцы имѣли на Подолѣ свою божницу — церковь во имя Св. хаила.

Удобства жизни богатаго и торговаго города привлекали къ нему иностран- и русское населеніе. Кіевъ, несомнѣнно, былъ однимъ изъ населеннѣйшихъ одовъ не только древней Руси, но и вообще всего европейскаго средневѣковья. авда, для столь отдаленнаго времени трудно привести какой-нибудь числовой казатель, но вотъ одно косвенное соображеніе: во время мора 1092 года, по сказу лѣтописи, умерло за періодъ отъ Филиппова дня до Мясопуста, т. е. два съ половиною мѣсяца, 7000 человѣхъ. Такую цифру опредѣлили гробов- ки; но, разумѣется, тогда обходились и безъ ихъ услугъ. Такъ какъ, несмотря этотъ моръ, никакого запустѣнія въ Кіевѣ не чувствовалось и населеніе одолжало проявлять обычную энергію, то предполагаютъ, что населеніе ва въ то время простиралось по крайней мѣрѣ до 100.000. Дѣйстви- ьно, многіе иностранцы разныхъ періодовъ свидѣтельствуютъ о богатствѣ и ьшихъ размѣрахъ города. Мы уже знаемъ отзывы арабовъ о старомъ Кіевѣ. отзывы, несомнѣнно, говорятъ о большихъ размѣрахъ города. И западно- опейскіе писатели знали Кіевъ, какъ очень большой городъ. Такъ, напри- ръ, Дитмаръ Мерзебурскій въ своей хроникѣ, правда по слухамъ, называетъ въ очень большимъ городомъ, имѣющимъ 400 церквей, 8 рынковъ и не- стное множество народа. Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ ьеграда и лучшимъ украшеніемъ Греціи, т. е. народа греческой вѣры.

Дѣйствительно, количество церквей въ Кіевѣ было очень значительно. Су- льская лѣтопись разсказываетъ о пожарѣ города въ 1124 году и говоритъ, городъ почти весь выгорѣлъ въ два дня, при чемъ сгорѣло около 600 квей. Трудно сказать, что это были за церкви (вѣроятно, большинство изъ ь были небольшія деревянныя или даже домовыя), но во всякомъ случаѣ со- менники считаютъ число церквей не десятками, а сотнями, если даже запо- оить точность цифры, переданной лѣтописцемъ.

Въ древнѣйшій періодъ Кіевъ былъ, несомнѣнно, только торговымъ посред- омъ. Но съ теченіемъ времени въ ь развивается и промышленность. нь можетъ быть, что паденіе къ цу XI вѣка арабской торговли был й изъ причинъ, повліявшихъ н итіе промышленности въ Кіевѣ: н кѣ создались извѣстнаго рода по- ности, вкусы, которымъ должна бы- довлетворять кіевская торговля. Од- изъ средствъ удовлетворенія яви- и мѣстное производство. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ курганномъ инвентарѣ можно тить такіе предметы, которые свое происхожденіе ведутъ изъ кіевскихъ ерскихъ. Такого рода предположеніе подтверждается многими данными, на-

Рис. 1. Каменная формочка для отливки бусъ изъ стараго Кіева.

примѣръ, остатками мастерскихъ и нѣкоторыми другими. На территоріи Кі
напримѣръ, встрѣчаются формочки различнаго рода серегъ и бусъ, при т
наиболѣе распространенныхъ типовъ. Для примѣра прилагаемъ нѣкоторые
сунки такихъ каменныхъ формочекъ (рис. 1 и 2).

Не такъ давно въ усадьбѣ г. Петровскаго въ старомъ городѣ найдены б
слѣды обширныхъ мастерскихъ для выдѣлки кирпичныхъ поливныхъ плит
служившихъ для облицовки стѣнъ, церквей и даже жилыхъ зданій. Эти пли
требовали очень тщательно
сложной работы при выс
температурѣ накаливанія. Вс
чаются также слѣды мас
скихъ эмалевыхъ издѣлій и
которыхъ другихъ. Нѣкото
формы обрабатывающей про
шленности въ самомъ гор
были весьма развиты, на
указываютъ названія нѣк
рыхъ частей стараго Кіева:
чары, Кожемяки и нѣкото
друг.; здѣсь, повидимому, б
цѣлые поселки ремесленниковъ, занимавшихся однимъ и тѣмъ же ремесл

Рис. 2. Каменныя формочки для отливки подвѣсокъ и серьги-колта изъ стараго Кіева.

Вообще, было бы весьма ошибочно представлять себѣ древне-русскую
номическую жизнь въ весьма примитивныхъ очертаніяхъ. Напротивъ, она б
значительно болѣе развитой, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ XV — XVII вѣк
Жизнь вышла изъ рамокъ такъ называемаго натуральнаго хозяйства. Это
ражалось въ томъ, что производитель и потребитель составляли различныя
зяйства. Наконецъ, это выражалось и въ томъ, что можно указать на т
элементы населенія, которые занимались исключительно производствомъ как
нибудь одного продукта, пріобрѣтая въ обмѣнъ на него другіе предметы, необх
мые для жизни. Очень интересный разсказъ мы находимъ въ Печерскомъ П
рикѣ. Этотъ источникъ говоритъ объ одномъ инокѣ, который неоднократно уход
изъ монастыря и бродилъ межъ людей, питаясь портняжнымъ дѣломъ. Так
образомъ, существовалъ ремесленникъ въ собственномъ смыслѣ слова. Р
мѣется, факты подобнаго рода указываютъ намъ на болѣе высокую степень
зяйства, чѣмъ такъ называемый натуральный его періодъ.

Легко догадаться, что разъ появилось ремесло, то оно получило тотъ
рактеръ, который опредѣляется торговыми сношеніями Кіева. Ремесленник
художникъ въ древнѣйшее время почти всегда совпадаютъ въ одномъ и т
же лицѣ. Сама жизнь побуждаетъ ремесленника къ художественному творчес
Но та же жизнь опредѣляетъ вкусы самого художника и характеръ тѣхъ из
лій, которыя онъ выпускаетъ на рынки. Такъ было и въ области древнѣй
русской промышленности. Рынокъ требовалъ издѣлій, сработанныхъ въ ар

мъ или византійскомъ вкусѣ. Самъ художникъ воспитался на тѣхъ же издѣ-
къ. Отсюда понятно, что древнѣйшее русское искусство исходило изъ вос-
ныхъ или византійскихъ оригиналовъ. Первыя его пробы—это подражаніе.
нь возможно, что въ массѣ тѣхъ вещей, которыя по всѣмъ признакамъ пред-
вляютъ собой арабскія издѣлія или византійскія, есть много такого, что сра-
ано на мѣстѣ и, главнымъ образомъ, въ кіевскихъ мастерскихъ; но подоб-
о рода вещи изъ числа болѣе простыхъ, разумѣется, въ настоящее время не
ичимы. Вся древне-русская жизнь подъ вліяніемъ привозныхъ восточныхъ
ѣлій пріобрѣла восточный колоритъ. Это выражалось въ одеждѣ, особенно
украшеніяхъ, домашней утвари и т. п.

Воспитанный въ такой обстановкѣ художникъ-ремесленникъ первоначально
одилъ изъ подражанія готовымъ образцамъ. Но очень нерѣдко художникъ-
зянинъ выдаетъ себя. Его работа грубѣе, менѣе изящна, чѣмъ привозныя
ѣлія. Иногда художественное чутье или отсутствіе подходящаго образца при-
итъ художника къ воспроизведенію мѣстнаго колорита. Среди массы харак-
ныхъ примѣровъ подобнаго рода творчества укажемъ на знаменитые
и рога, найденные въ Черниговѣ. Оба рога имѣютъ очень сложный фризъ,
ованный изъ серебра. Развернутый фризъ представляетъ собой восточный
етъ — охоту. Грубость работы отличаетъ руку неискуснаго ху-
ника. Человѣческія фигуры переданы съ непомѣрно большими луками и
анами. Сюжетъ изображаетъ охоту на большихъ птицъ съ собаками. Кар-
а охоты переплетается группами драконовъ и грифоновъ. Орнаментъ пред-
вляетъ собой плетеніе изъ лилій, тождественное восточной работѣ. Итакъ,
внѣшней стороны эти рога можно было бы признать за плохую работу вос-
наго происхожденія. Но если вспомнить, что серебромъ окованъ рогъ звѣря,
вшагося тогда именно въ Поднѣпровьи, и если обратить вниманіе на
ныя одежды охотниковъ, то мѣстное происхожденіе этого произведенія ста-
 внѣ всякаго сомнѣнія. Такимъ образомъ, это мѣстный художникъ X вѣка
лся подражать арабскимъ образцамъ; онъ не былъ лишенъ нѣкотораго ху-
ественнаго чутья и, заимствовавъ орнаментъ и сюжетъ у своихъ образцовъ,
сдѣлалъ попытку изобразить тѣхъ людей, которыхъ онъ постоянно видѣлъ.
Но въ другихъ случаяхъ нѣкоторые виды ремеселъ успѣвали настолько
иться на мѣстной почвѣ, что являлись уже не случайнымъ подражаніемъ
вымъ образцамъ, но серьезной отраслью художественно-промышленной дѣя-
ности, не только достигавшей красоты и изящества, но и двигавшей впе-
данное дѣло. Таково, напримѣръ, эмалевое производство, которымъ сла-
я древній Кіевъ. Кіевскія эмали далеко не всегда уступали византійскимъ,
онкости работы и сочности красокъ. Между тѣмъ, эмалевое искусство
чается большою сложностью своихъ техническихъ пріемовъ, и развитіе его
ется поэтому хорошимъ показателемъ высокаго худежественнаго развитія
й страны. Эмалевая техника проникла на Русь изъ Византіи. Здѣсь она
вою очередь сложилась подъ давленіемъ восточныхъ вкусовъ. Византійскія

эмали замѣчательны гармоніей красокъ, чистотой и интенсивностью тоновъ русской почвѣ эмалевая техника получила еще одинъ видъ, называемый с нымъ дѣломъ. Оно заключалось въ устройствѣ ажурныхъ разводовъ или въ мѣненіи волоченой, тянутой проволоки или золотой и серебрянной нити, рою украшалась поверхность орнаментальныхъ формъ.

Такъ предъ нами выясняется еще одна особенность экономической ж стараго Кіева—его участіе въ созданіи продуктовъ производства. Очень по но, что торговая и промысловая жизнь города выражались въ широко ра томъ рыночномъ торгѣ. Передъ началомъ отправки товара въ далекія Кіевъ представлялъ собою обширную ярмарку, на которую ранней вешней в приплывали торговые люди сосѣднихъ племенъ,—по Днѣпру и его приток Отъ пріѣзжихъ кіевскіе купцы запасались лодьями, а также и товарами, и тѣмъ снаряжались караваны въ далекій путь.

Но и въ обычное время кіевское торжище представляло собою любопы зрѣлище оживленной толпы, вѣроятно, очень напоминавшее теперешніе во вые базары. Вообще въ древней Руси городской торгъ—это мѣсто, на ромъ всѣ встрѣчаются, узнаютъ новости, объявленія князя или частныхъ л присутствуютъ на судебныхъ процессахъ. Очень любопытный разсказъ о та значеніи городского торга находится въ русскомъ дополненіи описанія чудес Николая Мирликійскаго. Одинъ почитатель св. Николая отправился изъ по Днѣпру для поклоненія св. Борису и Глѣбу въ Вышгородъ; на обрат пути его жена нечаянно выронила единственнаго ихъ сына въ Днѣпръ. Р тели были въ отчаяніи и обратились къ помощи св. Николая, указывая между прочимъ, и на то обстоятельство, что съ потерею единственнаго ихъ бенка прекратится и почитаніе святого въ ихъ домѣ. Но совершилось чудо утру ребенокъ былъ найденъ на полатяхъ св. Софіи. По окончаніи заутрен трополитъ „посла проповѣдника на соборъ торгу" для того, чтобы спросить дитя находится на полатяхъ св. Софіи. Родители сейчасъ же узнали и взял бенка. Вообще съ понятіемъ города тѣсно связывалось понятіе о торгѣ, р

Древне-русское торговище было многолюднымъ и шумнымъ сборищемъ л Торгъ „снимался" (т. е. начинался) раннимъ утромъ, при чемъ воскресны также посвящались торговымъ дѣламъ. На торги приходили изъ разныхъ м а также и пріѣзжали, такъ что даже къ концу торга еще стояли здѣсь „ съ колы". На торгу было шумно, почему поэты иногда прибѣгали къ срав „слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются". Продающіе и пающіе громкимъ голосомъ убѣждали другъ друга, клялись и спорили; начинается купля, говоритъ древній проповѣдникъ, то „клятвы бываютъ и и когда грѣхъ совершится, тогда и „купля скончается и сбывается реченно мудрымъ Соломономъ, якоже межю продающимъ и купующимъ соверш грѣхъ". Такимъ образомъ, правило: „не надуешь—не продашь" было х извѣстно и тогда. Многолюдность торга давала возможность ворамъ сб краденое: они умудрялись продавать на торгу не только краденое плать

же скотъ и лошадей. Тутъ же на торгу были и представители власти. Мытки собирали торговую пошлину отъ торговцевъ и покупателей. На торгу сто-и люди съ продаваемыми ими товарами, но тутъ были и лавки, расположенія въ торговые ряды, какъ это было и позже въ московскихъ городахъ. Лав-назывались затворами. Такое названіе лавокъ указываетъ на то, что онѣли очень невелики, подобно небольшимъ монашескимъ келіямъ, куда для двиговъ затворялись монахи, или подобно позднѣйшимъ московскимъ лавкамъ затворамъ. Впрочемъ, въ позднѣйшее время употреблялось слово лавица, лав-. Лавки и затворы располагались рядами, которые носили названіе по предтамъ, составлявшимъ главный или исключительный предметъ торга. На приняхъ купцы прямо торговали изъ своихъ лодей.

Познакомившись съ внѣшностью древне-русскаго рынка, мы можемъ теперь ратиться къ характеристикѣ тѣхъ предметовъ, которые здѣсь продавались. мѣстный рынокъ свозились и приносились какъ продукты, сработанные мими горожанами, такъ и предметы иноземной или во всякомъ случаѣ призной индустріи. При зарожденіи Кіево-Печерскаго монастыря монахи скудно тались и сами себѣ зарабатывали „руками своимя дѣлахуть": они плели опытца", чулки, клобуки и „ина ручная дѣла строяща", все это они носили градъ, тамъ продавали, покупали на эти деньги жито и сами уже мололи на муку. Такимъ образомъ, „градъ" былъ мѣстомъ торга, здѣсь продава ь не только ручныя издѣлія, но и хлѣбные продукты. Отмѣтимъ прежде всего, на тогдашнемъ рынкѣ въ самомъ дѣлѣ можно было купить довольно разнообразные предметы, необходимые въ домашнемъ быту. Къ преподобному Θеодо- однажды является монастырскій экономъ и заявляетъ, что въ монастырѣ тъ денегъ, чтобы на слѣдующій день „купити, иже на ядь братіи и на ину требу". Блаженный приказалъ эконому пойти поутру въ городъ и у продавъ взять въ долгъ все, что нужно для братіи, а потомъ „отдамо долгъ той". же эти немногія извѣстія свидѣтельструютъ о томъ, что рынокъ и рыночный иходъ стараго Кіева представлялъ собою форму развитыхъ экономическихъ ошеній.

Торгъ и промыслы скопляли въ Кіевѣ значительныя богатства, привлекали дей. Когда наши древне-русскіе источники описываютъ роскошь и богатство, , безъ сомнѣнія, прежде всего имѣютъ въ виду жизнь этого стольнаго города. описанія очень любопытны, такъ какъ они воспроизводятъ колоритъ древнеской жизни. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ авторъ XII вѣка описываетъ знь богатаго человѣка. Онъ живетъ богато, ходитъ въ багряницѣ и паволокѣ, етъ тучныхъ коней-иноходцевъ, украшенныхъ золоченой сбруей, съ лащенными сѣдлами. Ему предшествуютъ рабы въ золотыхъ гривнахъ и томъ въ большомъ количествѣ; за нимъ идутъ другіе рабы въ монистахъ и учахъ. За обѣдомъ ему многіе прислуживаютъ, ему подаютъ въ сосудахъ, ванныхъ изъ злата и серебра. Обѣдъ ему готовятъ многіе повара, а другіе ы несутъ блюда на перстахъ своихъ. Другіе рабы во время обѣда „махающе

съ беязаию", т. е. машутъ вѣерами надъ нимъ. Онъ употребляетъ серебря позолоченныя чаши. Ночные пиры устраиваются съ гуслями и свирѣлями. питками для богатаго служатъ медъ, квасъ, вино, а пищею — дичь. Богат человѣку готовятъ одръ изъ поволочныхъ перинъ, когда же онъ ложится сп „и не могущю уснути, друзи ему позѣ гладять, инии по лядвіямъ тѣшать ини по плечема чишуть, инiи баютъ ему и кощунять". Другой авторъ, Дан Заточникъ, въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ богатую обстановку вельмож князей: они веселятся „многими брашны", спятъ „на мягкихъ постеляхъ п собольими одѣялами". Даже боярскіе слуги ходятъ „въ червлене сапозѣ „въ багряницѣ", боярскіе холопы носятъ „добрый портъ". На боярскомъ дв пьютъ и ѣдятъ бараньи плечи. Всѣ предаются роскоши. Даже женщины „ ничюще къ зерцалу и мажущеся румянцемъ". Между тѣмъ, богатый челов красенъ, но иногда не смысленъ: „аки паволочи тое сголовье, соломы натка Но гдѣ богатство, тамъ и бѣдность. Тотъ же авторъ даетъ штрихи внѣш вида и положенія бѣднаго человѣка. Эти штрихи не оставляютъ сомнѣнія огромной разницѣ, существовавшей между богатыми и бѣдняками. Бѣдн всѣми обиженъ. Вмѣсто богатыхъ брашенъ, онъ ѣстъ сухой хлѣбъ, а вм сладкихъ питій—теплую воду, бѣднякъ спитъ „подъ единымъ платомъ", зимній холодъ—и подъ дождемъ. Одежда его тоже очень бѣдна. Нога его об „въ лычницы" (лапти). Вообще бѣднякъ находится постоянно подъ „работн яремомъ" и „въ велицей нуждѣ".

О князьяхъ наши лѣтописи чаще говорятъ, а по богатству князей мо судить и о богатствѣ частныхъ лицъ. Уже великая княгиня Ольга жила въ менномъ теремѣ; вѣроятно, это и былъ тотъ самый „отень дворъ", въ ко ромъ Владиміръ Красное Солнышко „на дворѣ въ гридницѣ" творилъ свои менитые пиры для бояръ, гридей, сотскихъ, десятскихъ и нарочитыхъ мужей этихъ пирахъ „бяше во изобиліи отъ всего". И въ послѣдующее время на жомъ дворѣ было изобиліе всего, ибо когда въ 1068 году кіевляне разграб дворъ своего князя, то тамъ они нашли „безчисленное множество злата и се бра, кунами и бѣлью". Быть можетъ, этотъ княжой дворъ былъ тотъ самый, торый носилъ названіе Великаго Двора, такъ какъ въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ был другіе княжіе дворы. Неудивительно поэтому, что кіевскіе князья, поддер ваемые усердіемъ частныхъ лицъ, могли создавать величественныя построй особенно—церкви, и богато ихъ украшать. Уже при Ярославлѣ Владиміров Св. Софія была украшена „златомъ и сребромъ", а при его преемник Кіево-Печерская обитель украсилась церковью, поражавшею современник своимъ благолѣпіемъ и украшеніями „внѣуду и внутрьуду".

Есть еще одинъ источникъ, который блестящимъ образомъ характеризуе богатства древняго Кіева и его художественную промышленность. Это—мно численные клады и отдѣльныя находки на территоріи стараго Кіева. Пере слить все то, что здѣсь найдено—трудно, да въ этомъ и нѣтъ особенной необ

юсти. Можно иллюстрировать предшествующее изложеніе нѣсколькими наибо- характерными примѣрами.

Безспорно, самой замѣчательной находкой, которая когда-либо была сдѣ- а на кіевской территоріи, является золотая діадема, найденная въ 1889 году с. 3). Эта находка—едва ли не самая замѣчательная вообще среди русскихъ вностей. Въ настоящее время уже установлено, что эта діадема служила скимъ головнымъ украшеніемъ. Она состоитъ изъ 9 створокъ, къ которымъ вѣшенъ рядъ подвѣсокъ нь тонкой и мелкой ра- ы; подвѣски состоятъ эмалевыхъ бляшекъ и чужинъ, подвѣшенныхъ створкамъ на тонкихъ очкахъ. Вѣроятно, вся дема была нашита на кладку, въ родѣ высокой

Рис. 3. Княжеская діадема изъ кіевскаго клада, найденнаго въ 1889 г. въ усадьбѣ Гребеновскаго.

и или кокошника, и въ такомъ видѣ одѣвалась на голову. Створки, соста- ющія діадему, состоятъ изъ семи кіотцевъ и изъ двухъ створокъ по краямъ орыя имѣютъ центральной фигурой женскую головку. Всѣ кіотцы или створ- украшены византійской перегородчатой эмалью. Имена святыхъ на створ- ъ написаны греческими крупными уставными буквами красной эмали, но льеръ былъ не совсѣмъ твердъ въ греческомъ письмѣ, вслѣдствіе чего лалъ характерную ошибку, а имя апостола Павла написалъ уже славянски- буквами, за неимѣніемъ, очевидно, греческаго образца. Все это указываетъ, ду прочимъ, на національность художника, сработавшаго подобнаго рода изведеніе. По предположеніямъ очень освѣдомленнаго въ этомъ отношеніи демика Кондакова, діадема является работой середины и даже конца XII а; въ это время въ Византіи техника перегородчатой эмали находилась въ дкѣ. Между тѣмъ русское произведеніе представляетъ собою съ технической оны прекраснѣйшій образецъ. Это указываетъ на высоту развитія техники сь, на мѣстѣ, и на самостоятельность ея роста, независимо отъ судьбы это- искусства въ самой Византіи. Мало того, русскій художникъ значительно оизмѣнилъ византійскій типъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отставалъ въ пкѣ сравнительно съ византійскими образцами, но во всякомъ случаѣ пере- алъ византійскій типъ далеко не рабски. Быть можетъ, онъ не понималъ торыхъ греческихъ деталей и передавалъ ихъ по своему. Въ расположеніи товъ и красокъ художникъ также не слѣдовалъ рабски за образцомъ. Въ емъ, нѣкоторыя краски наложены превосходно; такъ, тѣлесный цвѣтъ ука- аетъ на то высокое совершенство, до котораго могли доводить русскіе ма- а эту утонченную технику. Описанная діадема—хорошій показатель разви- искусства и ремесла, а также исключительнаго богатства ея обладательницы. вотъ нѣсколько вещей болѣе обычной работы и, такъ сказать, обиходныхъ.

Такъ, однимъ изъ обычныхъ украшеній лицъ знатнаго происхожденія въ др
ней Руси были такъ называемыя шейныя гривны и цѣпи. Это были не то
украшенія въ собственномъ смыслѣ, но также и знаки отличія.

Формы шейныхъ гривенъ весьма разнообразны. Простѣйшія изъ нихъ
стояли изъ толстой витой серебряной или золотой проволоки, которая на
валась на шею (рис. 5). Затѣмъ встрѣчаются гривны, составленныя изъ то
переплетенной проволоки или изъ маленькихъ колечекъ, кольчатыя ц
(рис. 4 и 6). Но, разумѣется, самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ этого р
являются цѣпи. Насколько до сихъ поръ извѣстно, цѣпи представляютъ со
весьма замѣчательное явленіе въ исторіи нашего искусства и промышленно
Такъ, прежде всего остановимся на замѣчательной цѣпи, найденной въ кл

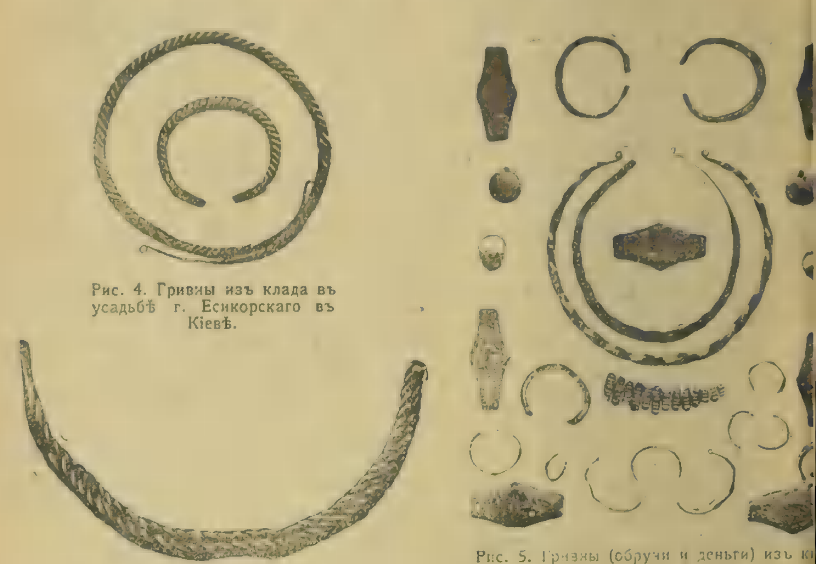

Рис. 4. Гривны изъ клада въ усадьбѣ г. Есикорскаго въ Кіевѣ.

Рис. 5. Гривны (обручи и деньги) изъ ки... скаго клада въ усадьбѣ Гребеновскаго

Рис. 6. Шейная серебряная гривна.

на Большой Житомірской улицѣ (рис. 7). Она великолѣпно сохранилась.
цѣпь состоитъ изъ 20 медальоновъ или бляшекъ, золотыхъ и украшенн
эмалью; каждый медальонъ спаянъ изъ двухъ пластинокъ, такъ что внут
ность ихъ полая. Бляшки сцѣплены другъ съ другомъ особыми шарнирам
въ двухъ мѣстахъ соединяются цѣпочками, которыя, очевидно, приходилис
плечахъ. Передняя часть цѣпи состояла изъ 12 бляшекъ. Бляшки украш
эмалированными изображеніями птицъ. Характеръ изображенныхъ здѣсь пт
явно скопированъ, по мнѣнію акад. Кондакова, съ византійскихъ оригинал
Тѣло птицъ—синяго цвѣта, т. е., очевидно, эмальеръ имѣлъ въ виду сизаго го

наментированныя бляшки имѣютъ рисунокъ въ видѣ лилейной верхушки, ь бѣлыхъ вѣточекъ съ зеленою внутренностью или же розетку изъ 4-хъ язычвъ. Самымъ замѣчательнымъ дополненіемъ къ этой цѣпи служатъ три меьона. Они найдены въ томъ же кладѣ и могли быть носимы надъ цѣпью. дальоны изображаютъ Спасителя, Божію Матерь и Іоанна Крестителя. Образъ оматери выполненъ болѣе тщательно, чѣмъ образъ Христа, а образъ Іоанна едтечи представляетъ собою хорошій византійскій типъ.

Не менѣе замѣчательна цѣпь, найденная на территоріи Михайловскаго мотыря. Она состоитъ также изъ 20 медальоновъ, соединеніе которыхъ между ою, а также и орнаментація, почти совпадаютъ съ только что описанными

Рис. 7. Цѣпь изъ клада въ Кіевѣ на Б. Житомірской ул.

Рис. 8. Цѣпь, найденная въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Михайловскаго монастыря

альонами первой цѣпи. Судя по меньшей величинѣ медальоновъ, эта цѣпь— ская (рис. 8). Сопоставленіе обѣихъ цѣпей еще разъ подтверждаетъ мѣстное исхожденіе: если эта работа—не одного и того же мастера (а это очень оятно), то, несомнѣнно, это—работа различныхъ мастеровъ, вышедшихъ изъ ой и той же школы. Сравнительно съ византійской, эта работа—болѣе гру-, соединеніе зеленаго и синяго цвѣтовъ далеко не всегда удачно. Наконецъ, ѣтимъ еще особый видъ цѣпи. Эта цѣпь замѣчательна тѣмъ, что изъ 19 сонившихся бляшекъ каждая имѣетъ особую орнаментацію. Орнаментація соитъ изъ пальметокъ, лилій, крестиковъ (рис. 9).

Въ заключеніе обзора этого рода украшеній слѣдуетъ отмѣтить, что са идея его имѣетъ восточное происхожденіе, ближайшимъ образомъ византійск Къ тому же типу обычныхъ— можно бы сказать, рыночнаго происхожденія—ук шеній принадлежатъ и такія украшенія, какъ серьги (рис. 10 и 11).

Серьги, колты, въ кіевскихъ кладахъ занимаютъ выдающуюся роль. (весьма разнообразны по своей формѣ, равнымъ образомъ—и по своему про хожденію. Кромѣ массы привозныхъ серегъ встрѣчаются и такіе типы н которые представляютъ собою продуктъ мѣстнаго производства. Такъ, вст чаются прежде всего серьги совершенно про[illegible] типа, состоящія изъ прос

Рис. 9. Цѣпь и серьги изъ клада въ усадьбѣ г. Августиневича, на Львовской улицѣ, въ Кіевѣ.

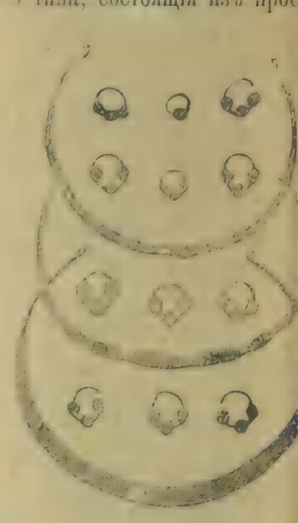

Рис. 10. Шейныя гривны и серьг

серебряной проволоки. Такого рода серьги или вдѣвались въ уши или носились надъ ушами, прикрѣпленныя къ головному убору. Разумѣется, раб такого рода серьги не представляла собой большого труда, не требовала особ искусства въ художественномъ смыслѣ. Но кіевская древность весьма бог еще особымъ типомъ серегъ, который получилъ названіе кіевскаго типа: это такъ называемыя трехшипныя серьги. Онѣ въ большомъ числѣ находятся только въ Кіевѣ, но также почти повсемѣстно среди раскопокъ и другихъ ластей. Мѣстомъ производства этихъ кіевскихъ трехшипныхъ серегъ несомнѣ былъ самъ Кіевъ и его ближайшія окрестности.

Такого рода серьги довольно часто встрѣчаются въ кладахъ вмѣстѣ витыми серебряными и золотыми браслетами.

Многочисленныя по количеству находокъ и по распространенію въ друг мѣстностяхъ кіевскія трехшипныя серьги обычно представляютъ собою се

ную дужку съ нанизанными на ней тремя ажурными шариками (рис. 12 и 13). рики очень изящны, и ажурный типъ ихъ напоминаетъ о томъ, что ремесленники, вводившіе въ употребленіе этотъ типъ серегъ, считались съ модой и сомъ современнаго имъ общества: идея ажурныхъ шариковъ безспорно ѣетъ связь съ арабесками. Трехшипныя серьги—несомнѣнно весьма древняго

Рис. 11. Серьги кіевскаго типа.

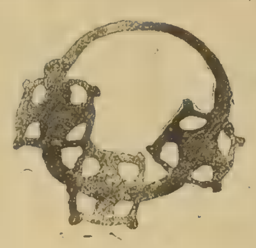

Рис. 12. Серьги кіевскаго типа.

Рис. 13. Серьги кіевскаго типа.

оисхожденія, хотя потомъ онѣ употреблялись и во весь великокняжескій ріодъ. Иногда онѣ дѣлались и изъ золота. Типичнымъ спутникомъ этихъ регъ являются витыя серебряныя или золотыя шейныя гривны. Но на ряду этими — такъ сказать, рыночными — типами серегъ встрѣчается рядъ гихъ—болѣе тонкой и сложной работы. Таковы, напримѣръ, серьги съ длинми ажурными подвѣсками, при чемъ на ажурныхъ подвѣскахъ встрѣчаются и рики. Или, напримѣръ, типъ серебряныхъ серегъ, въ основѣ котораго лежитъ ебряная бляха. На прилагаемомъ рисункѣ представленъ такой типъ серьги. шка исполнена пунктиромъ и залита сплошь чернью. Въ центрѣ бляшка дставленъ грифонъ, впрочемъ—грубой и запутанной работы. Рядомъ съ этой ьгой тутъ же представленъ и серебряный браслетъ, тоже болѣе сложнаго а, исполненный чернью (рис. 14).

Но само собою разумѣется, что самымъ замѣчательнымъ остаткомъ древнеского быта и промышленности являются серьги съ эмалевыми украшеніями игурными изображеніями. Онѣ употреблялись на югѣ въ періодъ XI—XIII вѣъ. Это—такъ называемыя серьги-колты. Этого типа серьги составлялись

изъ двухъ выпуклыхъ спаянныхъ и украшенныхъ эмалями щитковъ; въ верх[…] части щитка дѣлалась выемка, надъ которой укрѣплялась дужка; подъ верх[…]

Рис. 14. Серебряный, съ чернью, браслетъ и серебряная съ чернью же серьга.

Рис. 15. Серьга-колтъ.

дужкой находится узкая щель, позволяющая вкладывать внутрь щитка что-ли[…] мягкое, напримѣръ, хлопокъ, напитанный душистымъ масломъ. Эта серьга […] продѣвалась въ ухо, но носилась около уха подъ волосами, такъ что душ[…]

Рис. 16. Серьги-колты и бусы.

Рис. 17. Серьги-колты и скобочки изъ золотыхъ пластинъ.

волосы. Изображенія на серьгѣ въ видѣ птицъ съ человѣческими голова[…] являются преобладающими (рис. 15). Весьма любопытно происхожденіе это[…] типа серегъ. Находимыя въ кіевскихъ кладахъ серьги представляютъ собо[…]

скую работу, но эта русская работа имѣетъ византійскій источникъ. Въ свою редь, прототипомъ и русскаго и византійскаго типа являются сирійскія изія. Эти сирійскія издѣлія совершили довольно длинный путь прежде, нежели али въ Поднѣпровье. Именно такого типа серьги изъ Сиріи сначала перешли коптамъ въ Египетъ и въ Малую Азію, оттуда въ Византію и затѣмъ уже мастерскія кіевскихъ художниковъ (рис. 16 и 17).

Здѣсь же мы остановимся еще на нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-руссо головного и отчасти шейнаго убора. Эти особенности были уже частью дставлены на рисункахъ. Такъ, одной изъ любопытныхъ формъ головного и сти шейнаго убора являются низки изъ серебряныхъ золоченыхъ подвѣсъ бляшекъ въ формѣ лилій; эти бляшки нанизываются на шнуръ, раздѣлен серебряными бусами. Нанизанныя такимъ образомъ, онѣ образуютъ моо или повязку, которая носилась на лбу. Образцы такихъ украшеній, предленныхъ на рисункѣ, найдены были, напримѣръ, въ кладѣ въ усадьбѣ

Рис. 18. Витой браслетъ.

Рис. 19. Эмалевая скобочка.

кова и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ (рис. 18). Весьма интересно происденіе этихъ повязокъ. Оно связано съ бытомъ и искусствомъ Византіи. Поаго рода повязки здѣсь носили названіе κρινφια, отъ слова кринъ— я. Въ византійскій обиходъ орнаментъ изъ крина (полевая лилія огненнаго та или халкедонская красная лилія) зашелъ изъ Сиріи и Палестины, гдѣ ъ полевой цвѣтокъ покрываетъ пустыри, придороги и руины. Употребленіе ка, составленнаго изъ бляшекъ въ формѣ крина, любопытно еще и тѣмъ, оно послужило въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи прототипомъ всякаго рода очныхъ украшеній, даже просто верхнихъ фризовъ, вѣнчиковъ для оконъ и т. п.

Неменьшій интересъ представляютъ собою наборы золотыхъ и частью эмалеъ скобокъ (рис. 19), которыя были найдены въ кладѣ Михайловскаго монастыря 7 года, въ кладѣ въ усадьбѣ Лѣскова, и наконецъ, въ кладѣ на Большой омірской улицѣ. Назначеніе этихъ скобочекъ заключалось въ томъ, чтобы ать, охватывать косу на головѣ. Между прочимъ, замѣтимъ, что идея поаго головного убора имѣетъ также далекое восточное происхожденіе.

Такъ, слѣдовательно, обзоръ даже немногихъ предметовъ изъ кладовъ ать хорошимъ подтвержденіемъ сказаннаго о богатствѣ жителей древняго а и о развитіи въ немъ мѣстной промышленности.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ КІЕВА.

Лекція Н. Д. Полонской для подписчиковъ „Вѣстника Знанія" во время ихъ съѣ[зда] въ Кіевѣ въ 1911 г.

Въ настоящее время вопросъ о состояніи торговли и промышленности др[ев]няго Кіева становится на болѣе опредѣленную и прочную почву: не тол[ько] письменные источники, но и многочисленныя случайныя находки, а такж[е] результаты спеціальныхъ изысканій подтверждаютъ, что въ великокняжес[кій] періодъ Кіевъ игралъ крупную роль въ культурной жизни страны. Естеств[ен]нымъ слѣдствіемъ благосостоянія города, съ одной стороны, и внѣшнимъ по[ка]зателемъ этого благосостоянія, съ другой, являются обыкновенно памятн[ики] монументальнаго искусства: дворцы, храмы, общественныя зданія, дома частн[ыхъ] лицъ.

Для разсматриваемой нами эпохи, т. е. X—XII вв., особо важное знач[еніе] имѣютъ храмы, во-первыхъ, по тому выдающемуся мѣсту, которое занимали хра[мы] въ то время въ жизни людей: на той стадіи культуры, на какой находил[ись] наши предки, когда только что принятое христіанство захватывало всю ду[шу], стремясь дать отвѣтъ на всѣ пробуждавшіеся духовные запросы, естестве[нно], что въ храмъ несъ человѣкъ все, что было у него лучшаго, и готовъ бы[лъ] отдать на украшеніе его въ жертву только что познанному Богу весь с[вой] избытокъ. При такомъ положеніи храмъ былъ не только мѣстомъ религіозна[го] поклоненія,—нѣтъ, онъ былъ и единственнымъ, если можно такъ выразит[ься,] музеемъ и давалъ удовлетвореніе не только религіозному, но и эстетическо[му] чувству. Поэтому-то для изученія этой эпохи храмы даютъ такой богаый [и] ничѣмъ незамѣнимый матеріалъ. Во-вторыхъ, церковныя древности являю[тся] единственными сохранившимися хоть отчасти до нашихъ дней, памятниками м[о]нументальнаго искусства, по которымъ мы можемъ познакомиться съ основны[ми] чертами древне-русскаго искусства.

Но раньше, чѣмъ говорить о памятникахъ старины, намъ кажется нели[ш]нимъ напомнить въ общихъ чертахъ общій планъ древняго Кіева.

Городъ состоялъ изъ двухъ большихъ частей: верхняго города и нижня[го] или Подола, названіе котораго сохранилось и до нашихъ дней. Онъ находи[лся] у подошвы высокой горы на низкомъ и болотистомъ берегу притока Днѣп[ра]

чайны. Притокъ Почайны, Глубочица, вытекавшій изъ глубокаго оврага кду высокими горами, раздѣлялъ нижній городъ на двѣ части. Дальше, за доломъ, лежало обширное болотистое пространство, носившее названіе Оболи, сохранившееся и до сихъ поръ и орошавшееся притокомъ Почайны гомлью.

Нижній городъ отъ верхняго отдѣляли высокія обрывистыя горы, перезанныя глубокими обрывами: Уздыхальница, позже называвшаяся Кисезкой (теперь на ней расположенъ Флоровскій женскій монастырь), Скавика, которой по преданію находилась могила Олега, (иначе она называется Щекоцей), и другія.

Весь Подолъ былъ огражденъ общимъ земляннымъ валомъ, но этой защиты сто оказывалось недостаточно.

Подолъ представлялъ собой своеобразную картину: насколько верхній го ръ былъ, такъ сказать, аристократической частью города, настолько нижній тъ демократической; въ верхнемъ находились дворецъ князя, дома воеводъ яцкихъ, старшихъ дружинниковъ князя, съ принятіемъ христіанства — епипа, въ нижнемъ же жило исключительно торговое и промышленное населеніе, только славянское, но и иноземное: греки, арабы, армяне, фряги-генуэзцы, еціанцы, латины, „быстроногіе даны“, евреи, хозары. По имени послѣднихъ ывалось цѣлое предмѣстье—„Козары“. Здѣсь кипѣла торговая жизнь, такъ съ на Подолѣ была главная пристань, гдѣ разгружались суда, шедшія съ вера, „изъ варягъ“, и съ юга,„изъ грековъ“; здѣсь же находился самый ьшой рынокъ въ г. Кіевѣ—„торговище“, гдѣ совершался оживленный торгъ.

Два крутыхъ подъема вели изъ нижняго города въ верхній: одинъ, менѣе той, по долинѣ рѣки Кіянки, другой, болѣе крутой, называемый „Боричовъ озъ“—приблизительно на мѣстѣ теперешняго Андреевскаго спуска.

Верхній городъ, или собственно Кіевъ, былъ первоначально очень невеликъ, анималъ пространство земли между Андреевской церковью и большой Житоской улицей. Зато мѣсто это было великолѣпно укрѣплено самой природой, по тѣмъ временамъ это много значило. Крутые обрывы отдѣляли его отъ дола на востокѣ, глубокій оврагъ отдѣлялъ отъ горы Уздыхальницы на сѣверѣ западѣ находился тоже оврагъ, а на югѣ—крутые обрывистые берега ручья Кресника. Кромѣ того городъ былъ окруженъ землянымъ валомъ, часть котораго ранилась до сихъ поръ. Она входитъ въ садъ г. Петровскаго, усадьба ко аго граничитъ съ усадьбой Десятинной церкви; здѣсь ясно виденъ этотъ окій земляной валъ, съ котораго открывается рѣдкій по широтѣ и красотѣ ъ на Вышгородъ и Заднѣпровье. Изъ города вело нѣсколько воротъ; одни нихъ находились на мѣстѣ скрещенія Б. Владимірской и Б. Житомірской цъ и выходили на мостъ черезъ оврагъ.

Дальше, за этими оврагами, Кіевъ былъ окруженъ дремучими лѣсами, въ орые князья ѣздили на охоту. Лѣсъ, покрывавшій правый берегъ Крещакаго ручья, носилъ названіе „Перевѣсища“.

При Ярославѣ городъ значительно увеличился: съ запада была присое
нена большая часть, называвшаяся Горою, и обнесена прочнымъ землянь
валомъ съ высокимъ частоколомъ; теперь граница Кіева доходила до Б. П
вальной улицы, или Ярославова вала. Въ этомъ валѣ были устроены въ тр
мѣстахъ ворота: на сѣверѣ, около Львовской площади—Жидовскія, на ю
на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается Софійская улица,—Лядскія, и на западѣ
Золотыя, названныя такъ отъ золоченыхъ главокъ Благовѣщенской церк
построенной надъ воротами. Частица этихъ воротъ сохранилась и до сихъ п
(рис. 1). Въ центрѣ этой части города Ярославъ построилъ храмъ св. Соф
почему вся мѣстность стала называться Софійской.

Рис. 1. Видъ Золотыхъ воротъ въ Кіевѣ въ серединѣ XIX в.

Позже, при Святополкѣ, была присоединена еще небольшая часть, къ
отъ стараго Кіева, и тоже обнесена валомъ. По имени построеннаго въ цент
ея Михайловскаго монастыря она называется Михайловской.

Но князья не довольствовались своими городскими теремами, и съ давн
временъ въ живописныхъ окрестностяхъ Кіева появляются загородные тере
или дворы, въ которыхъ князья или постоянно жили, или пріѣзжали только
время охоты. Такъ, извѣстно, что у Ольги былъ дворъ за Перевѣсищемъ,
Угорской возвышенности, приблизительно на мѣстѣ теперешняго Никольск
монастыря на Печерскѣ. У Владиміра Св. было излюбленное село Бересто
еще дальше за Угорской возвышенностью, около теперешней Печерской лав
Къ сѣверу отъ Кіева, за горами Уздыхальницей и Скавикой, на высокихъ гор
находился загородный теремъ князей Ольговичей Черниговскихъ, гдѣ въ
стоящее время построены корпуса Кирилловскаго богоугоднаго заведе
Всегдашніе соперники Ольговичей, князья Мономаховичи имѣли свой дво

нѣе Кіева, надъ Выдубецкимъ монастыремъ, которому они всегда оказывали держку и помощь, на мѣстѣ теперешняго Свято-Троицкаго монастыря.

Къ сожалѣнію, для изслѣдователя стараго Кіева въ настоящее время остаъ отъ прошлаго почти одни только названія, такъ что не всегда можно даже съ ренностью утверждать, гдѣ именно находился тотъ или иной пунктъ. А между ъ, еще въ началѣ XIX в. во многихъ частяхъ города были видны развалины ній, оставались древніе валы и укрѣпленія, но съ ростомъ города и новыми планировками улицъ погибли и эти послѣдніе остатки. Отъ граждан-хъ построекъ древняго города не сохранилось ничего; раскопки, произведенныя усадьбѣ кн. Трубецкой—на углу Трехсвятительской и Б. Владимірской улицъ, по всѣмъ даннымъ находился Княжъ дворъ, обнаружили, дѣйствительно, іе-то фундаменты довольно большого каменнаго зданія, имѣвшіе восьми-льную форму; тогда же проф. В. Б. Антоновичъ и др. признали ихъ остат-и княжескаго терема. Раскопки В. В. Хвойки въ усадьбѣ г. Петровскаго лѣ Десятинной церкви, о которой мы уже упоминали, тоже обнаружили части даментовъ какихъ-то построекъ, но здѣсь не удалось даже опредѣлить и на постройки. Судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ городѣ было нѣсколько жескихъ теремовъ, но ихъ пока не удалось открыть.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ древними храмами; конечно, большое ло ихъ совершенно забыто и, вѣроятно, никогда не будетъ открыто, но же до насъ дошло нѣсколько храмовъ въ болѣе или менѣе сохранномъ дѣ. Кромѣ того, въ этомъ отношеніи значительную помощь оказываютъ рас-ики, произведенныя въ послѣднее время; такъ, четыре года тому назадъ и снова изслѣдованы развалины древней Десятинной церкви, и окончательно ановленъ ея планъ и нѣкоторыя детали убранства. Въ прошломъ году со-шенно случайно—при земляныхъ работахъ въ усадьбѣ Софійскаго собора и открыты фундаменты очень древней постройки; дальнѣйшія изслѣдованія ановили, что это,—фундаментъ старинной церкви по всѣмъ даннымъ—XI в., мѣрами своими превышавшей Десятинную и Софійскую. Кладка стѣнъ, харак-ная для XI в., а также размѣры и мѣстоположеніе ея—противъ западнаго ада Софійскаго собора—служатъ достаточнымъ основаніемъ для предположенія, это—неизвѣстная до сихъ поръ церковь св. Георгія, построенная Ярославомъ рымъ въ честь своего святого „предъ вратами св. Софіи“. Наконецъ, въ же время В. В. Хвойка произвелъ раскопки въ мѣстечкѣ Бѣлгородкѣ, въ в. отъ Кіева, гдѣ прежде находился городъ Бѣлгородъ, любимый Влади-омъ Св. и такъ часто упоминавшійся на первыхъ страницахъ русской оріи, сначала—какъ пригородъ Кіева, а потомъ и какъ самостоятельный льный городъ; тамъ были открыты развалины роскошнаго храма XII в. Эти копки дали очень много новаго, яркими примѣрами подтвердивъ уже извѣст-, и мы позволимъ себѣ не разъ обратиться за сравненіями къ нимъ, такъ ъ Бѣлгородъ, тѣсно связанный въ своей культурной и политической жизни Кіевомъ, не могъ отличаться отъ него и въ своемъ искусствѣ.

Раньше, чѣмъ говорить объ особенностяхъ церковнаго строительства Кі
я считаю нужнымъ напомнить въ самыхъ общихъ чертахъ исторію Кіевск
храмовъ.

Появляются у насъ церкви очень рано: такъ, еще въ договорѣ 945
Игоря съ греками говорится, что для присяги „христіанскую Русь водиша
церковь святаго Иліи, яже есть надъ ручьемъ концѣ Пасыньцѣ бесѣды н
заре", то есть на Подолѣ. Далѣе, по преданію, княгиня Ольга построила по в
вращеніи изъ Византіи храмъ св. Софіи, деревянный, около дѣтинца. Но ус
новить точно мѣстоположеніе этихъ церквей трудно.

Со временъ Владиміра въ Кіевѣ строятся новые храмы; въ 988 г.
строитъ деревянную церковь во имя своего святого Василія на княжемъ дво
на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ низвергнутый Перунъ. Предполагаютъ, что
церковь стояла надъ Боричевымъ взвозомъ, т. е. приблизительно на мѣ
современной Андреевской церкви. Въ началѣ XIII в. на мѣстѣ этой дерев
ной церкви была построена новая, во имя Воздвиженія Креста Господня,
которой тоже ничего не осталось. Въ 989 г. Владиміръ заложилъ великол
ную каменную церковь во имя Успенія Богородицы; для украшенія и воз
постройки ея были имъ вызваны греки, и онъ не щадилъ издержекъ, чт
соорудить дѣйствительно величественный памятникъ. Въ этотъ храмъ отд
онъ греческіе сосуды и иконы, привезенные изъ Корсуня, и приказалъ деся
часть княжескихъ доходовъ опредѣлить на содержаніе храма, почему онъ
сталъ называться Десятиннымъ. Онъ былъ отдѣланъ мраморомъ, фресками,
заиками, и въ немъ были погребены въ саркофагахъ изъ мрамара и шиф
самъ Св. Владиміръ и княгиня Анна, сюда же были перенесены мощи св. Ол
и прахъ братьевъ Владиміра, Олега и Ярополка, надъ которыми, по жела
Ярослава, было совершено крещеніе.

Вскорѣ послѣ смерти Владиміра храмъ этотъ пострадалъ отъ пожара и бы
возстановленъ Ярославомъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей,
сколько увеличилъ его и измѣнилъ первоначальный планъ. Послѣ того
дважды подвергался разоренію со стороны русскихъ князей: Мстислава, с
Андрея Боголюбскаго, въ 1169 в., и Рюрика Ростиславича въ 1203 г., а
1240 г. окончательно рухнулъ, не выдержавъ тяжести кіевлянъ, вмѣстѣ
своимъ имуществомъ скрывшихся на хорахъ, или каморахъ, отъ татаръ. То
погибло много людей; раскопки г. Хвойки въ усадьбѣ г. Петровскаго, за ал
ремъ Десятинной церкви, обнаружили большихъ размѣровъ братскую моги
въ которой, въ общей кучѣ, были свалены тѣла погибшихъ мужчинъ, ж
щинъ, дѣтей, при чемъ многіе младенцы погибли, видимо, еще въ утробѣ
тери. Подъ ними, на днѣ могилы былъ положенъ рѣдкій по красотѣ запресто
ный крестъ византійской работы (рис. 2).

Долгое время простояла въ развалинахъ Десятинная церковь, пока въ
рединѣ XVII в. кіевскій митрополитъ Петръ Могила не построилъ на ея мѣ
новой маленькой деревянной церкви во имя св. Николая, прислонивъ ее

лѣвшей стѣнѣ Десятинной. Въ 1758 г. эта церковь была возобновлена зна-
итой кн. Натальей Долгорукой, инокиней Нектаріей кіевскаго Флоровскаго
астыря.

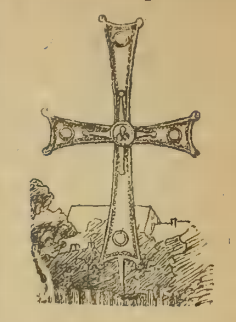

Рис. 2. Крестъ изъ Братской могилы близъ Десятинной церкви.

Въ 1824 г. митрополитъ кіевскійЕвгеній произвелъ ра-
пки, обнаружившія фундаменты древняго храма и много
ковной утвари, а въ 1842 г. помѣщикъ Курской губ.
Анненковъ на свой счетъ построилъ храмъ во имя
енія Божіей Матери, который стоитъ и до сихъ поръ.
была крайне печальная идея: построенный имъ
мъ, во вкусѣ середины XIX в., ничѣмъ не напоми-
тъ прежняго Десятиннаго храма и только скрываетъ
ъ своими стѣнами развалины и фундаменты этого
ятника. Съ южной стороны въ стѣну его вдѣланы
ни съ греческой надписью, уцѣлѣвшіе отъ древняго
ма, но, кажется, подобраны эти камни неправильно,
ъ какъ прочитать надпись нельзя.

Есть указанія, что при Владимірѣ святомъ въ Кіевѣ были и еще церкви,
о нихъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Вѣроятно, число ихъ было оченъ велико;
ъ, по сильно преувеличенному свидѣтельству лѣтописца, въ 1017 г. въ Кіевѣ
ыло нѣсколько сотъ церквей, а, по словамъ Дитмара Мерзебургскаго, въ
18 г., при взятіи Кіева Болеславомъ Храбрымъ, здѣсь было 400 церквей.
ечно, довѣрять этимъ свидѣтельствамъ нельзя, но они цѣнны тѣмъ, что по-
ываютъ, какое впечатлѣніе производилъ Кіевъ на современниковъ.

При Ярославѣ число храмовъ еще болѣе возрастаетъ. Въ 1037 г. онъ
оитъ на мѣстѣ побѣды надъ половцами, послѣ которой они, по словамъ лѣ-
иси, „побѣгоша розна и прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни", храмъ во имя
мудрости Божіей, или св. Софіи. Этотъ храмъ, построенный византійскими
терами, представлялъ собой одно изъ лучшихъ произведеній этого искусства.
словамъ католическаго епископа Верещинскаго, „храмъ этотъ не имѣлъ
ы. Не только самое зданіе храма было возведено изъ камня, похожаго на
цедонъ, но и внутри, вмѣсто живописи красками, былъ украшенъ мозаикой.
рху онъ увѣнчанъ двѣнадцатью куполами, а тринадцатый, на подобіе фо-
я, высится надъ срединой церкви. Весьма многіе согласны, что въ цѣлой
опѣ нѣтъ храмовъ, которые бы по драгоцѣнности и изяществу украшеній
или выше константинопольскаго и кіевскаго".

Свѣтлый, съ открытыми портиками, или галлереями вокругъ, полный сол-
ыхъ лучей, въ которыхъ играли и переливались мозаика и позолота, онъ
о походилъ на современный намъ мрачный соборъ съ темными перехо-
и, по которымъ днемъ трудно пройти незнающему человѣку безъ свѣчи
. 3 и 4).

Много разъ разрушаемый пожарами и русскими князьями,—тѣми же, кото-
громили и Десятинный храмъ,—и татарами, Софійскій соборъ все же досто-

ялъ до конца XVI в., такъ что въ немъ даже совершались богослуженія, н
этого времени онъ впадаетъ въ полное запустѣніе и становится „помѣщен

Рис. 3. Гравюра XVII в., представляющая видъ Софійскаго собора въ Кіевѣ.

для богатаго скота, лошадей, собакъ и свиней“. Потомъ онъ попадаетъ въ р

Рис. 4. Наружный видъ Кіево-Софійскаго собора

уніатовъ, которые,
лучивъ его полура
шеннымъ, доконч
это дѣло, сорвавъ
него мраморную об
цовку и часть м
яки. Такъ стоялъ
фійскій соборъ до
редины XVII в., ко
митрополитъ Петръ
гила реставриров
его. Но возстанов
пострадавшія отъ в
мени части собора,
не измѣнялъ его
ружнаго вида. Въ
ступившія затѣмъ времена „руины“ соборъ снова приходитъ въ за
стѣніе и въ началѣ XVIII в. снова реставрируется благодаря стараніі

а Мазепы и митрополита Варлаама Ясинскаго. При этой реста- окончательно былъ измѣненъ древній видъ собора: вмѣсто двухъ башенъ адной стороны были надстроены купола, выведенъ съ западной стороны вѣтствующаго стиля фронтонъ, посводныя крыши заложены, возведена но ь высокимъ чердакомъ, подъ которымъ не видны были древніе купола, п оены придѣлы. Внутри забѣлены были фрески и мозаика. Въ настоящемъ комъ соборѣ только съ трудомъ можно выдѣлить древнія части, а именно: точной стороны только среднее алтарное полукружіе и по два полукружія дой стороны его остались отъ древней постройки (рис. 5).

Рис. 5. Алтарная, древнѣйшая часть Софійскаго собора.

Рис. 6. Алтарныя полукружія Михайловскаго собора.

XIX в., по приказанію Императора Николая I, была произведена новая рація внутренности собора, порученная академику Солнцеву, были открыты ъ слоя штукатурки мозаика и фрески, но многія изъ нихъ уже погибли емени, другія же пострадали отъ неумѣлой реставраціи и незнанія руко- ей ея: такъ, напримѣръ, семейство князя Ярослава на одной изъ стѣнъ было принято за св. Софію, Вѣру, Надежду и Любовь, и соотвѣтственно ыли дорисованы фигуры. Вообще при реставраціи собора руководились ко желаніемъ возстановить то, что есть, но и дополнить исчезнувшія что нерѣдко приводило къ ошибкамъ.

стройкой Софійскаго собора не ограничивается строительная дѣятельность ва: какъ уже упоминалось, онъ строитъ церковь надъ Золотыми воро- отомъ основываетъ Ириневскій монастырь „недалече отъ св. Софіи";

на углу Б. Владимірской и Ирининскаго переулка были открыты развалины го сооруженія. Выбранный изъ нихъ древній кирпичъ былъ сложенъ въ неб шой памятникъ, который стоитъ и теперь. Кромѣ того онъ строитъ Екат нинскую церковь, мѣстоположеніе которой точно неизвѣстно, а въ 1051 уже упомянутый выше Георгіевскій монастырь.

При Ярославлѣ, а особенно—при преемникахъ его, въ Кіевѣ выростаетъ монастырей, при чемъ большинство изъ нихъ основываются при ближай участіи членовъ княжескаго дома: такъ, князь Изяславъ-Димитрій строитъ митріевскій монастырь и отдѣлываетъ его съ большой роскошью (онъ къ востоку отъ ограды Михайловскаго монастыря). Отъ него сохранились то двѣ шиферныя доски, вдѣланныя теперь въ южную стѣну Михайловскаго хр Князь Святополкъ-Михаилъ строитъ Михайловскій монастырь и украшаетъ тоже съ большимъ великолѣпіемъ. Храмъ этого монастыря тоже подверг большимъ передѣлкамъ, и съ наружной стороны отъ прежняго уцѣлѣли то алтарныя полукружія (рис. 6).

Въ той же оградѣ находился долгое время и женскій Михайловскій м стырь. Всеволодъ строитъ къ югу отъ Кіева, на томъ мѣстѣ, гдѣ по пред выплывалъ, или „выдыбалъ“, пущенный внизъ по Днѣпру Перунъ, Выдубе монастырь съ храмомъ св. Михаила; отъ послѣдняго тоже немного сохр лось, только сѣверная и и часть южной стѣны, при чемъ самъ храмъ глу ушелъ въ землю, а реставраторы не стали выкапывать эту землю.

Въ то же время возникаютъ и монастыри, основанные самими инок такъ, въ концѣ XI в. уже существуетъ Печерскій монастырь, позже называе Кіево-Печерской Лаврой. Здѣсь въ 1073 г. строится Великая соборная цер призванными изъ Византіи мастерами, и вскорѣ пристраивается къ ней „у на палати восходятъ“, т. е. около лѣстницы, ведущей на хоры, мален придѣлъ во имя Іоанна Предтечи. Ничего не осталось отъ Великой Лавр церкви послѣ нѣсколькихъ пожаровъ, а главное—татарскаго нашествія 124(когда вся Печерская обитель была обращена въ груду развалинъ; и то чудомъ уцѣлѣла почти въ полной неприкосновенности эта маленькая Предте ская церковь, которую можно теперь разсматривать какъ чудную изящную дель древнихъ кіевскихъ храмовъ. Въ XV в. кн. Симеонъ Олельковичъ фундаментѣ древней церкви построилъ новую Великую Лаврскую церковь, она была разрушена Менгли-Гиреемъ и только въ началѣ XVI в. возстанов кн. Константиномъ Острожскимъ. Петръ Могила украсилъ ее и пристроилъ южной стороны новый придѣлъ для симметріи съ Предтеченскимъ, а въ кс XVII в. она была снова перестроена Мазепой и еще расширена. Современ видъ получила она только послѣ пожара 1718 г., отъ котораго сильно пос дало ея внутреннее убранство. Есть въ Лаврѣ еще одна старая и хорошо хранившаяся церковь: это—Троицкая церковь надъ св. Воротами, постр ная въ 1106 г. черниговскимъ княземъ Святополкомъ-Николаемъ, промѣнявш

бранный мечъ на посохъ лаврскаго привратника и святою жизнью стяжав-ь прозвище Святоши.

Почти въ одно время съ Печерскою обителью основываются на теперешнемъ рскѣ монастыри Германичъ и Стефаничъ, въ старомъ городѣ—Янчинъ ресвскій, основанный дочерью князя Всеволода Янкой гдѣ-то недалеко отъ тинной церкви, и Федоровскій, или „Отній“, основанный Мстиславомъ, сы-. Владиміра Мономаха (мѣстоположеніе его не ясно). Въ концѣ XII в. а князя Всеволода - Кирилла Черниговскаго основываетъ храмъ и мона-ь во имя св. Кирилла возлѣ двора Ольговичей, за Подоломъ. Храмъ этотъ анился и до сихъ поръ, но внѣшній видъ его сильно пострадалъ: къ нему ыло, правда, сдѣлано пристроекъ, но все же возведена неподходящая крыша ысокимъ чердакомъ и высокій фронтонъ (рис. 7 и 8).

с. 7. Восточный фасадъ Кирилловской церкви (древній).

Рис. 8. Западный фасадъ Кирилловской церкви.

аковы главныя церви Кіева X—XII вв. Хотя изъ нихъ очень немногія дошли съ, но все же можно въ общихъ чертахъ возстановить картину церковнаго тельства этой эпохи.

ервое, что бросается въ глаза въ постройкѣ этой эпохи, это—кладка . Тогда какъ въ наше время главнымъ матеріаломъ, изъ котораго возво-стѣны, служитъ кирпичъ, который только скрѣпляется цементомъ, въ по-

стройкахъ великокняжеской эпохи, можно сказать, стѣны выводились изъ од
только цемента, правда—необыкновенно прочнаго, такъ что и теперь зас
съ трудомъ пробиваетъ его. Кирпичъ употреблялся очень большой, особенн
эпоху Владиміра св., почти квадратный, тонкій, при чемъ въ составъ его
дило много постороннихъ примѣсей: кварцъ, ракушки, мелкіе камешки и
Въ постройкахъ Ярослава и его преемниковъ кирпичъ употребляется б
толстый, продолговатый и худшей выдѣлки.

Этотъ тонкій квадратный кирпичъ клался, главнымъ образомъ, для
чтобы не дать стѣнѣ изъ цемента неравномѣрно осѣдать, почему его бо
клали при закругленіи стѣнъ и на соединеніяхъ. На стѣнахъ Софійскаго со

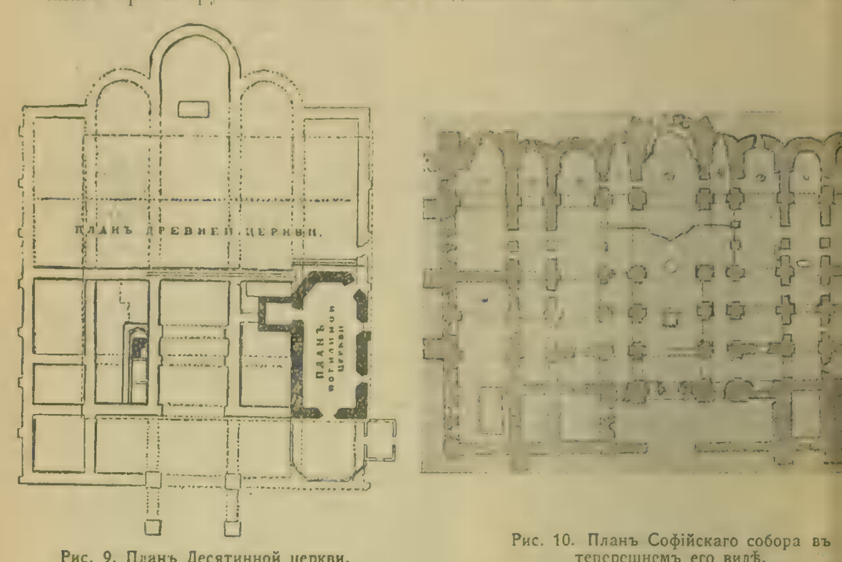

Рис. 9. Планъ Десятинной церкви.

Рис. 10. Планъ Софійскаго собора въ теперешнемъ его видѣ.

видно, что иногда въ стѣнахъ дѣлались прокладки изъ большихъ плитъ
наго шифера: до сихъ поръ внутри собора виденъ такой поясъ изъ ши
Кромѣ кирпича, въ стѣны клались иногда цѣлые камни: гранитъ, валуны,
придать большую прочность постройкѣ. Прослѣдить этотъ способъ кладки
можно въ Кіевѣ на остаткахъ Золотыхъ воротъ и на развалинахъ Геор
скаго собора „предъ вратами“, тѣмъ болѣе, что послѣднія, вѣроятно, не б
засыпаны землей, а на мѣстѣ храма будетъ разбитъ небольшой скверъ.

Такъ какъ первыми нашими строителями были греки, то вполнѣ естест
что первые кіевскіе храмы строились по планамъ византійскимъ. Планъ
въ общемъ, представляетъ удлиненный четырехугольникъ, раздѣленный сто
на три продольныя части—корабли, или нефы; на четырехъ восточныхъ

ъ, образующихъ наверху при соединеніи другъ съ другомъ четыре арки, оится барабанъ купола.

Каждый нефъ съ восточной стороны заканчивался полукружіемъ или абси-, средній служилъ алтаремъ, а боковыя иногда являлись не придѣлами, а конникомъ и жертвенникомъ. Въ этомъ планѣ съ теченіемъ времени произо- небольшое измѣненіе (рис. 9 и 10): тогда какъ въ древнѣйшихъ храмахъ, на- мѣръ, Десятинномъ, Со- скомъ, Михайловскомъ, дняя абсида выдается еко впередъ сравни- ьно съ боковыми, въ амахъ послѣдующаго мени замѣчается, что разница все болѣе ьшается, и въ по- йкахъ XII в. всѣ три иды почти равны; въ ествѣ примѣра можетъ кить планъ церкви 6 г. на Святыхъ воро- въ Лаврѣ или церкви 7 г. въ Бѣлгородѣ . 11). Такой же планъ мъ и въ храмахъ слѣ- щей эпохи — Влади- -Суздальскихъ.

Рис. 11. Планъ храма XII в. въ Бѣлгородѣ.

Съ западной стороны а устраивался обшир- нартексъ, или па- ь. Такъ было въ тинномъ храмѣ и др. Иногда паперть въ видѣ невысокой открытой гал- и, или портика, окружала храмъ съ трехъ сторонъ, какъ было въ Софій- ъ соборѣ. Особенностью русскихъ церквей, отличающей ихъ отъ визан- кихъ, были башни, или вежи,—одна или двѣ, съ западной стороны, по мъ зданія. Въ нихъ устраивались винтовыя лѣстницы на хоры, шедшія во- ь столба, служившаго опорой и центромъ всей постройки. Назначеніе ь башенъ неясно: быть можетъ, онѣ служили переходомъ къ княжескому му, что возможно предположить относительно вежъ Софійскаго собора, такъ роспись ихъ не имѣетъ ничего церковнаго; возможно и то, что онѣ пред- ачались для сторожевыхъ цѣлей. Подобныя вежи были во многихъ кіев- ь храмахъ; долгое время существовали онѣ въ Софійскомъ соборѣ, но, уже указывалось выше, при реставраціи Мазепою были перестроены въ

обыкновенные купола. Такія же вежи были въ Михайловской церкви Выдубецк монастыря, въ церкви Спаса на Берестовѣ и въ новооткрытомъ Георгіевскс храмѣ.

Съ внѣшней стороны храмы имѣли обычно пять куп ловъ полусферичес формы. Внутреннимъ столбамъ соотвѣтствовали снаружи выступы, или пилястр раздѣлявшіе стѣну храма на отдѣльныя доли. Наверху пилястры сходил образуя глухія арки. Покрытіе храма соотвѣтствовало этимъ аркамъ и б посводнымъ, т. е. волнообразнымъ. Крылись храмы свинцомъ, а иногда ребрились или золотились. Окна въ храмахъ дѣлались высокія, полукругл но не широкія. Умѣло сдѣланный раскосъ въ толщи стѣны дѣлалъ то, что пропускали много свѣта. Наверху, въ барабанахъ куполовъ, вставлялись пус глиняные горшки, или голосники.

Внутреннее убранство храмовъ было необыкновенно роскошно, особенно если строили храмы князья въ память какого-либо важнаго событія: искус мастера выписывались изъ Византіи, изъ разныхъ мѣстъ привозили др цѣнные матеріалы, мраморъ, порфиръ, яшму и т. д., иногда для обслужива храма создавалась тутъ же около него спеціальная мастерская.

Наиболѣе дорогимъ украшеніемъ храма служила обыкновенно мозаика. искусство, пришедшее къ намъ изъ Византіи, привилось у насъ подъ на ніемъ „мусіи". Техника его состоитъ въ слѣдующемъ: въ незасохшемъ цеме покрывающемъ стѣну, укрѣплялись маленькіе кубики изъ камня или сте видной массы—смальты. Иногда между двумя пластинками такой смальты вк дывался листикъ золота. Изъ этихъ кубиковъ составлялись цѣлыя карти Первоначально мозаичное производство было исключительно дѣломъ визан скихъ мастеровъ, но позже появляются и мѣстные мозаисты, хотя работа значительно уступала византійской. Мусіей были украшены многіе кіев храмы: она была въ Десятинной, въ Великой Лаврской церкви, въ Дмитріевск монастырѣ и многихъ другихъ, но отъ нея сохранились только отдѣльные павшіе кубики, въ соборахъ же Софійскомъ и Михайловскомъ она сохранил довольно хорошо.

Мозаика Софійскаго собора особенно интересна—и не только по своимъ дожественнымъ достоинствамъ, но и потому, что въ общемъ планѣ ея и тр товкѣ сюжетовъ отлично выразилась византійская традиція, усвоенная виз тійскимъ искусствомъ къ X в. и перешедшая къ намъ. Въ это время уже о чательно отлилась, такъ сказать, та схема, по которой располагались въ хр священныя изображенія,—схема, полная глубокаго смысла. Каждое изображ не только должно было изображать то или другое священное событіе или или иного святого, но являлось въ то же время символомъ чего-то болѣе от ченнаго. По этой схемѣ все въ храмѣ должно было ознаменовать связь цер небесной съ церковью земною, и всѣ изображенія направляли тѣлесные и ховные взоры вѣрующихъ къ Престолу Бога Вседержителя. Съ ростомъ идеи измѣняется и первоначальный планъ росписи храма: помѣщавшійся пре

естоломъ образъ Христа Спасителя поднимается теперь все выше и утвер-
тся въ куполѣ храма, куда обращаются взоры присутствующихъ на бого-
еніи. Тамъ окружаютъ Его всѣ силы небесныя, ангелы и архангелы, ниж-
щаются апостолы и пророки. Изображеніе Божіей Матери, какъ Предстательe
за грѣшныхъ людей предъ Престоломъ Божіимъ, помѣщается въ алтарѣ
естоломъ.

мѣстѣ съ тѣмъ утрачивается первоначальная простота въ изображеніи,
твенная первымъ вѣкамъ христіанства, когда каждый вѣрующій чувство-
близость Бога, исчезаетъ, такъ сказать, интимность богослуженія первыхъ
енъ. Все болѣе и болѣе упрочивается представленіе о Богѣ, какъ о Царѣ
сномъ, и сообразно съ этимъ и въ изображеніяхъ Спасителя и Божіей Ма-
подчеркивается именно эта черта. Они изображаются съ атрибутами свѣт-
власти византійскихъ императоровъ, въ пурпурѣ, который могли носить
о члены императорскаго дома, на пышныхъ престолахъ. Ангелы и святые
ѣтственно изображаются, какъ ближайшіе придворные чины, окружающіе
ратора. Всѣ эти черты византійскаго искусства этой эпохи какъ нельзя
е нашли мѣсто въ Софійскомъ соборѣ, мозаичная и фресковая роспись ко-
го сразу поражаетъ своей необыкновенной цѣльностью и законченностью.

ъ алтарной абсидѣ находятся мозаичныя изображенія въ три яруса; самый
ій составляютъ святители и устроители церкви земной: св. Епифаній, Кли-
, папа Римскій, Григорій Богословъ, Николай Чудотворецъ, Лаврентій,
лій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій и Григорій Чудотворецъ.
ожалѣнію, не всѣ эти великолѣпно исполненныя фигуры уцѣлѣли: съ лѣвой
ны онѣ видны по поясъ, съ правой—еще меньше, по плечи.

ыше надъ ними находится мозаичное изображеніе Таинства Евхаристіи въ
оригинальной трактовкѣ. Посреди изображенъ престолъ, покрытый пар-
ъ пурпурнымъ верхомъ и золотыми листьями. Надъ нимъ—мраморный
ій на четырехъ колонкахъ, но одна изъ нихъ, обращенная къ зрителямъ, не
ована. На престолѣ лежатъ дискосъ, лжица, крестъ, звѣздица и копіе.
уживаютъ ангелы въ видѣ иподіаконовъ съ рипидами въ рукахъ, въ
ыхъ стихаряхъ. По обѣимъ сторонамъ престола изображенъ дважды Іисусъ
осъ, подающій съ правой стороны обѣими руками потиръ съ виномъ, а
вой—тоже обѣими руками—хлѣбъ. Съ обѣихъ сторонъ къ Нему подходятъ
трично по шести апостоловъ съ преклоненными главами и протянутыми
тельно руками. Выступаютъ они по три одинаково, что придаетъ картинѣ
орую условность, но рѣзкія глубокія складки одеждъ, подъ которыми точно
паетъ живое тѣло, придаютъ всей картинѣ характеръ стремительнаго дви-
впередъ и тѣмъ скрадываютъ общую условность композиціи (рис. 12 и 13).
ыше надъ Таинствомъ Евхаристіи находится колоссальная фигура Божіей
и съ молитвенно поднятыми руками, такъ называемая „Оранта", рельефно
ающая на золотомъ полѣ алтарной абсиды и какъ бы висящая въ воз-
Она первая бросается въ глаза каждому входящему въ храмъ и является

въ немъ и художественнымъ и духовнымъ средоточіемъ. Она служитъ з образомъ Божіей Матери, и въ то же время символомъ земной церкви, молящейся за вѣрныхъ. На это указываетъ и греческая надпись надъ нею: „Богъ

Рис. 12. Мозаическое изображеніе Таинства Евхаристіи въ Софійскомъ соборѣ.

Рис. 13. Средняя часть мозаичной Евхаристіи.

посредѣ ея, и не подвижется. Поможетъ ей Богъ день и день“. Подобн

Рис. 14. Образъ Богородицы „Нерушимой стѣны“.

Рис. 15. Внутренній видъ Кіево-Софійск собора „Нерушимая стѣна“.

изображенія были во многихъ византійскихъ храмахъ, начиная съ VI в., нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ Кавказа, напримѣръ, Гелатскомъ, а также

храмѣ Спаса на Нередицѣ, но тамъ въ лонѣ Ея, на груди, изображенъ Спаситель.

Этотъ образъ удивительно хорошъ и по рисунку, и по исполненію; фотографія не можетъ передать всей красоты и гармоничности его частей, такъ какъ онъ помѣщается въ сильно выгнутой нишѣ. Вся фигура, лицо съ нѣсколько строгими и суровыми чертами, чужды сухости и схематичности, отличающихъ иконопись болѣе поздней поры. Она проскальзываетъ только въ излишней дробности складокъ широкихъ одеждъ. Одѣта Она въ широкую нижнюю одежду—хитонъ, голубого цвѣта, подпоясанный золотымъ поясомъ, изъ-подъ котораго виситъ платъ съ бахромою. Поверхъ хитона наброшенъ пурпурный плащъ, или мафорій, покрывающій всю голову и плечи и широкой мантіей спускающійся сзади. На головѣ и на плечахъ на немъ вышиты бѣлые кресты. На ногахъ пурпурная обувь, какую носили члены императорскаго дома. Подножіемъ служитъ деревянный помостъ, украшенный драгоцѣнными камнями, употреблявшійся при торжественныхъ пріемахъ императора (рис. 14).

Всѣ эти мозаичныя произведенія сохранились очень хорошо, исключая перваго яруса, и вся эта стѣна извѣстна въ народѣ подъ названіемъ „Нерушимой стѣны“ (рис. 15).

Выше, надъ алтарной нишей, на тріумфальной аркѣ, находятся три медальона съ изображеніями Іисуса Христа, посреди Божіей Матери и Іоанна Крестителя по сторонамъ, что называется Деисусъ, или Моленіе (рис. 16).

Рис. 16. Мозаичное изображеніе «Деисуса».

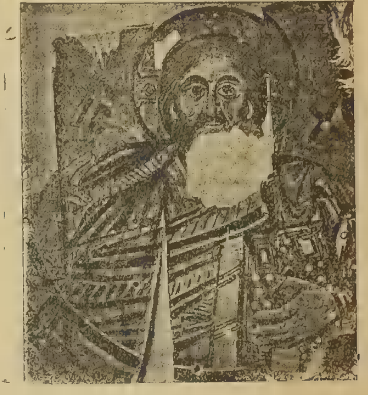

Рис. 17. Образъ Спасителя въ куполѣ Софійскаго собора.

Еще выше, надъ тріумфальной аркой, помѣщенъ медальонъ съ Іисусомъ Христомъ въ образѣ Эммануила, юнаго учителя, со свиткомъ въ рукахъ, что представляетъ очень рѣдкій примѣръ въ византійской иконографіи этой поры.

Въ четырехъ парусахъ, образуемыхъ при соединеніи барабана купола съ арками храма, были крупныя на весь ростъ мозаичныя же изображенія четырехъ Евангелистовъ, изъ которыхъ сохранился одинъ только апостолъ Маркъ, пред-

ставленный въ широкой одеждѣ, со свиткомъ въ одной рукѣ и съ тростнико-вымъ перомъ въ другой.

Въ центрѣ купола, куда съ молитвой обращались взоры предстоящихъ, куда указывали поднятыя руки Богородицы, находится колоссальное изображені Спасителя въ славѣ, окруженнаго ангелами. Огромное по размѣрамъ и нѣсколько грубое по компановкѣ изображеніе это должно было давать впечатлѣні силы, величія, могущества. Спаситель представленъ облеченнымъ въ лилово пурпурный хитонъ и голубой гиматій, ложившіеся множествомъ складокъ. Одн рука Его держитъ Евангеліе, другая же сложена для трехперстнаго благословенія.

Лицо Спасителя строго, сурово, свѣтло-русые волосы раздѣлены проборомъ на двѣ стороны и прямо спускаются на плечи. Дугообразно приподнятыя бров и мелкія морщины на лицѣ придаютъ ему еще болѣе строгій и старообразны видъ. Сравненіе этого образа съ другими византійскими изображеніями Спасителя указываетъ, что здѣсь воспроизведенъ одинъ изъ очень древнихъ типов византійской иконографіи (рис. 17).

Четыре ангела окружали престолъ Спасителя, но изъ нихъ сохранилас только одна мозаичная фигура ангела. Голубой хитонъ его украшенъ золотом и каменьями, поверхъ него надѣтъ „лоръ", широкій шарфъ изъ золотой парчи

Рис. 18. Мозаичный образъ Архангела.

Рис. 19. Мозаичное изображеніе Благовѣщенія.

который, нѣсколько разъ перекрещиваясь, покрываетъ его грудь и плечи, а свободный конецъ перекидывается черезъ лѣвую руку. Эта рука держитъ пурпурно знамя съ надписью: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ". Волосы его стянуты матерчатой діадемой. Правильное лицо его представляетъ одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній византійскаго искусства (рис. 18).

Кромѣ этихъ мозаикъ сохранились еще нѣкоторыя на тріумфальной аркѣ: справой стороны ея изображена фигура Божіей Матери съ клубкомъ пурпурной шерсти въ рукахъ, въ видѣ юной и скромной дѣвушки, стоящей съ опущенной головой. Съ лѣвой стороны—фигура архангела Гавріила, съ краснымъ жезломъ въ рукѣ, въ бѣломъ хитонѣ и гиматіи, благовѣствующаго Дѣвѣ Маріи. Эта очень интересная и рѣдко встрѣчающаяся композиція Благовѣщенія интересна, во-первыхъ, тѣмъ, что здѣсь мы видимъ эти двѣ фигуры, раздѣленныя всей шириной арки, во-вторыхъ же—тѣми чертами, которыя свойственны были болѣе древней иконографіи: такъ, вся сцена написана согласно апокрифическому Евангелію Іакова, по которому ангелъ явился къ Дѣвѣ Маріи въ то время, когда она пряла пурпурную шерсть для храма. Затѣмъ, здѣсь ясно видна разница въ изображеніи ангела въ куполѣ и архангела Гавріила: на послѣднемъ нѣтъ ничего драгоцѣннаго, ничего указывающаго на близость къ императорскому престолу; онъ облеченъ въ простой ветхозавѣтный хитонъ, какъ изображали ангеловъ въ первыхъ произведеніяхъ христіанскаго искусства. Сама фигура его полна экспрессіи и стремительнаго движенія, особенно по сравненію съ неподвижной спокойной фигурой Маріи (рис. 19).

Сохранилось и еще нѣсколько мозаичныхъ медальоновъ; всего ихъ уцѣлѣло изъ сорока пятнадцать изображающихъ мучениковъ съ мученическими вѣнцами. Они размѣщены въ аркахъ, поддерживающихъ куполъ.

Изъ другихъ кіевскихъ храмовъ мозаики сохранились въ храмѣ Михайловскаго монастыря, тоже въ алтарѣ, но здѣсь онѣ уцѣлѣли не всѣ. Лучше всего сохранилось Таинство Евхаристіи, хотя и здѣсь много мѣстъ попорчено и подмазано красками.

Рис. 20. Тайная Вечеря. Мозаика Михайловскаго монастыря.

Таинство представлено здѣсь, видимо, подъ сильнымъ вліяніемъ мозаики Софійскаго собора, тоже въ обстановкѣ алтаря; разница—въ томъ, что надъ престоломъ нѣтъ киворія, но зато передъ нимъ находится невысокая алтарная преграда, замѣнявшая въ византійскихъ храмахъ иконостасъ. Здѣсь такъ же Спаситель изображенъ дважды, и такъ же къ нему симметрично подходятъ по шести апостоловъ съ каждой стороны, и такъ же прислуживаютъ ангелы съ рипидами, но общая техника стоитъ неизмѣримо ниже, нежели въ только что опи-

санной картинѣ Софійскаго собора. Краски тусклы, сѣры, фигуры непропорціо-нальны, безжизненны, подъ складками безпорядочно падающихъ одеждъ не чу-ствуется тѣла. Возможно, что эти мозаики исполнялись не византійцами, а уж-ихъ мѣстными учениками, на что отчасти указываетъ и надпись на славянском-языкѣ (рис. 20). Еще хуже сохранилось мозаичное изображеніе первомученик-Стефана и св. Димитрія.

Болѣе распространеннымъ способомъ росписи храмовъ, (вѣроятно, потом-что она была проще и дешевле) была фресковая живопись. Такъ называется ро-пись стѣнъ по еще не просохшей штукатуркѣ особыми красками, при чемъ "на-чала острымъ предметомъ обозначались контуры фигуръ, а потомъ уже он-расписывались особыми красками.

Особенно много фресковой живописи было въ Софійскомъ соборѣ, но бол-шею частью она погибла—частью отъ времени, сырости, частью же подъ штук-туркою, которой стѣны были покрыты при Петрѣ Могилѣ, а еще болѣе—отъ н-умѣлой реставраціи 1848 г. То же, что осталось, подмалевано, а мѣстами-переписано заново. Неприкосновеннымъ остался только придѣлъ во имя с-Георгія, согласно желанію, выраженному императоромъ Николаемъ I. Здѣ-хороши св. Георгій передъ отцомъ (рис. 21), мученіе св. Георгія—м-ченикъ погруженъ въ кучу горячихъ углей, а два прислужника, въ восточно-одѣяніи, подбрасываютъ лопатами уголь (рис. 22). Въ сценѣ: Георгій и цари-Александра—послѣдняя фигура переписана наново.

Рис. 21. Великомученикъ Георгій передъ отцомъ.

Рис. 22. Мученія Великомученика Георгія.

Изъ фресокъ другихъ придѣловъ очень интересныя находимъ въ придѣ-Іоакима и Анны. Всѣ они нарисованы весьма тщательно, съ массою аксессу-ровъ и подробностей. Особенно хороши — Рождество Богородиц-(рис. 23), врученіе Богородицѣ пурпура (рис. 24), введеніе Ея во храмъ, п-чемъ въ этой сценѣ одновременно представлены два момента: встрѣча Ея пе-восвященникомъ и далѣе—Марія же, сидящая на ступенькахъ храма и прот-гивающая руку за пищей, которую приноситъ ей голубь (рис. 25). Благовѣщ-

іе представляетъ ангела Господня и Дѣву Марію въ тотъ моментъ, когда она зачерпывала воду изъ колодца (рис. 26).

Рис. 23. Рождество Богородицы.

Рис. 24. Врученіе пурпура и шерсти Богородицѣ.

Изъ фресокъ, украшающихъ среднюю часть храма, очень хороша также

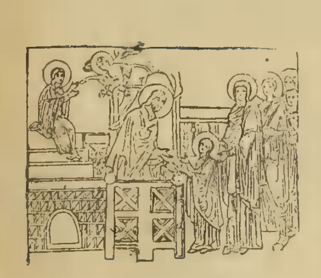

Рис. 25. Введеніе вс храмъ.

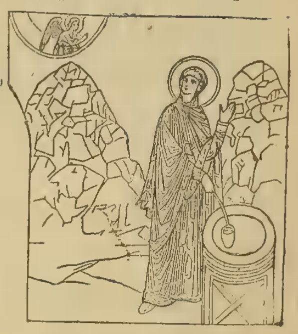

Рис. 26. Благовѣщеніе.

реска, изображающая цѣлованіе Елизаветы (рис. 27) въ обстановкѣ условнаго

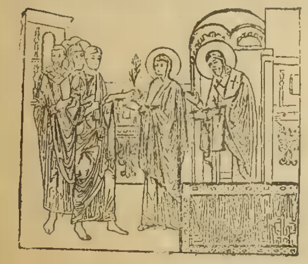

Рис. 27. Обрученіе Дѣвы Маріи.

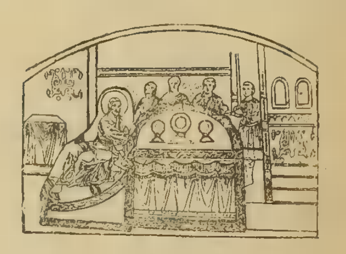

Рис. 28. Вечеря въ Эммаусѣ.

ма, со служанкой, выглядывающей изъ-за драпировки, а также необыкновенно

сложныя по композиціи, съ множествомъ участвующихъ лицъ —Христосъ пере Каіафой , раздирающимъ на себѣ ризы, Распятіе, Вечеря въ Эммаусѣ, гдѣ Хр стосъ и ученики возлежатъ за трапезой (рис. 28), и Тайная вечеря. Двѣ п слѣднія картины скомпанованы какъ бы по одному образцу. Изъ сценъ, илл стрирующихъ Ветхій Завѣтъ, интересны три отрока въ пещи огненной (рис. 2 въ видѣ симметрической пирамиды, верхъ которой представляетъ ангелъ, охр

Рис. 29. Три отрока въ пещи.

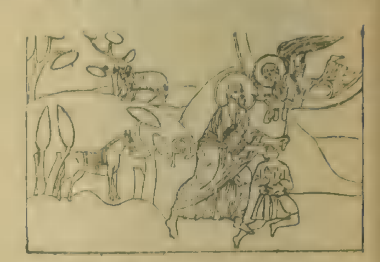
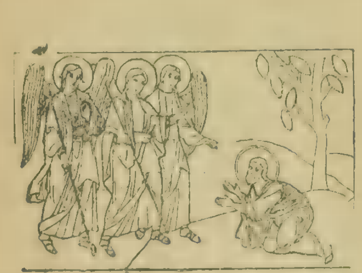

Рис. 30. Жертвоприношеніе Исаака.

няющій ихъ съ распростертыми крыльями (сбоку видна въ окнѣ фигура Наву доносора, наблюдающаго за ходомъ пытки), жертвоприношеніе Исаака (рис. 3 и три странника у Авраама (рис. 31).

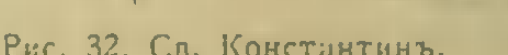

Рис. 31. Три странника у Авраама. Рис. 32. Св. Константинъ. Св. Елена. Св. Іула

Кромѣ этихъ фресокъ, здѣсь было немало и единоличныхъ; изъ нихъ х роши ошибочно названныя св. Константиномъ, Еленой и Іуліаномъ: здѣ представлены фигуры въ императорскомъ и патриціанскомъ уборахъ (рис. 3 Уже упоминалось выше о неправильно понятыхъ и передѣланныхъ фреска изображавшихъ членовъ княжеской семьи.

Этихъ единоличныхъ фресокъ въ Софійскомъ соборѣ очень много; видим старались не оставить нигдѣ нерасписаннымъ ни одного мѣста, что бы вполнѣ возможно, если вспомнимъ, что соборъ былъ прежде свѣтлый.

Говоря о росписи собора, нельзя обойти молчаніемъ въ высшей степени ин-
ресныя фрески, украшающія лѣстницы вежъ. Сообразно съ тѣмъ, что эти
жи не были частью самаго храма, а имѣли свое особое назначеніе, онѣ и

Рис. 33. Украшеніе Кіево-Софійскаго собора. Охота на звѣрей и четыре цирковыя квадриги.

ли расписаны свѣтскими сценами, не имѣющими ничего общаго съ церковью.
ѣсь, примѣняясь къ узкому, тѣс-
му мѣсту, роспись покрываетъ по-
і всѣ стѣны и сводъ (рис. 33). Глав-
мъ сюжетомъ служатъ цирковыя пред-
вленія Византіи: здѣсь мы видимъ
ки зрителей, конюшни, откуда выѣз-
ютъ запряженныя колесницы, при
мъ надъ каждой колесницей видны
чки партіи, къ которой она принадле-
тъ. Среди зрителей особое вниманіе
жно обратить на византійскаго импера-
а и императрицу, окруженныхъ своей
той (рис. 34). Тутъ же видны и цирко-
гимнасты и фокусники (рис. 35), раз-

Рис. 34. Фреска лѣстницъ Софійскаго собора.

кающіе въ промежутки между конными ристаніями публику. Очень интересны
ски, изображающія мало извѣстный у насъ обычай святочнаго карнавала:

здѣсь изображены практиковавшіяся въ Византіи коляды, ряженые, со звѣриными головами и т. д. Кромѣ того на лѣстницахъ видимъ нѣсколько сценъ охоты на барса и другихъ звѣрей. Въ этихъ сценахъ обращаютъ вниманіе деревья

Рис. 35. Фокусники и гимнасты. Фреска лѣстницы Софійскаго собора.

по рисунку совершенно тождественныя съ тѣми, которыя оживляютъ пейзажи въ сценахъ жертвоприношенія Исаака и другихъ сценахъ Ветхаго Завѣта въ средней части храма (рис. 36).

Рис. 36. Охота на волка.

Рис. 37. Фреска Кирилловской церкви. Св. Кириллъ учитъ въ соборѣ.

И эта роспись лѣстницъ не менѣе ярко, чѣмъ мозаики и фрески самог храма, указываетъ на весьма тѣсную связь съ византійскимъ искусствомъ: ни одна изъ изображенныхъ здѣсь бытовыхъ сценъ не взята изъ мѣстной жизни

ой. кіевской, такъ какъ послѣдняя была совершенно чужда мастеру, который только Византію.

е менѣе интересны хорошо сохранившіяся фрески въ Кирилловской цера Подолѣ. Въ алтарѣ ея находятся большія картины: Кириллъ учитъ вѣ (рис. 37), Кириллъ проповѣдуетъ вѣру Кириллъ учитъ царя (рис. 38) оторыя другія сцены изъ жизни этого святителя. Здѣсь особенно хороши енія царя: императоръ Феодосій изображенъ въ красныхъ сафьянсапогахъ, въ парчевой одеждѣ и въ императорской стеммѣ съ драгоцѣнкамнями на головѣ. На другой (св. Кириллъ учитъ въ соборѣ)—тотъ же аторъ въ пурпуровомъ далматикѣ съ лоромъ на плечахъ. За его трономъ прислужники въ восточныхъ одѣяніяхъ. На обѣихъ святитель изобравъ епископскомъ облаченіи. На первой изъ этихъ фресокъ интересна обстановка: комната, рода киворія надъ мѣстомъ императора. По техникѣ эти фрески значительно уступаютъ фрескамъ Софійскаго собора, и нѣкоторые изслѣдователи предполагаютъ, что это—работа уже мѣстныхъ мастеровъ.

38. Фреска Кирилловской церкви. Св. Кириллъ учитъ царя.

Рис. 39. Шиферная доска въ кіевской Софіи.

ыли фрески и въ другихъ храмахъ: въ Михайловскомъ, Великой Лаврцеркви, въ Десятинной и другихъ, но отъ нихъ ничего не уцѣлѣло, кромѣ ьныхъ кусочковъ-завитковъ орнаментовъ, частей лицъ и т. д. Упоминалось храмѣ XII в. въ Бѣлгородкѣ, своею роскошью поразившемъ современникаисца, который пишетъ про него: „красотою же и величествомъ и прочимъ еніемъ всѣмъ вдивь удобрена, по приточнику глаголющему: „вся добра бленная моя и порока нѣсть въ тебѣ“. Среди обломковъ фресокъ этого шнаго храма попадалось немало фресокъ, покрытыхъ сусальнымъ золо- Насколько извѣстно намъ, подобныя фрески еще не были находимы въ ахъ XII в.

нутреннее убранство не ограничивалось только мозаиками и фресковой сью: въ большомъ количествѣ употреблялись также привозный мраморъ гія цѣнныя породы, въ томъ числѣ—красный шиферъ (съ р. Овруча). Храмы

украшались мраморными колоннами: можно предполагать, что камнемъ обли-
вался карнизъ стѣнъ. Кромѣ того, въ тѣ времена еще не употреблялись вы-
иконостасы, совершенно закрывающіе алтарь, на которыхъ можно помѣ-
нѣсколько ярусовъ образовъ, какъ мы видимъ въ позднѣйшихъ храмахъ. А
оставался совершенно открытымъ, и потому въ алтарной нишѣ и на алта-
столбахъ размѣщались тѣ изображенія, которыя теперь находятся на иконо-
Отъ церкви отдѣляла алтарь только невысокая алтарная ограда съ низен-
же царскими вратами, какъ это хорошо видно на мозаичной картинѣ Таи-
Евхаристіи въ Михайловскомъ монастырѣ. Въ тѣ моменты, когда дѣйствіе,
исходящее въ алтарѣ, не должно быть видимо вѣрующимъ, задергивалась дл-
шелковая завѣса, отъ одного столба до другого.

Въ Софійскомъ соборѣ сохранилось довольно много красныхъ шифе-
плитъ, служившихъ, вѣроятно, балюстрадой амвона, съ фантастически пр-
ливымъ византійскимъ орнаментомъ въ видѣ плетенки съ розетками и ге-
дическими орлами (рис. 39). Обломки мрамора въ большомъ количествѣ
находимы и при раскопкахъ другихъ кіевскихъ храмовъ. Можно предпол-
что, кромѣ мрамора, для облицовки стѣнъ употреблялись и поливныя плит-
большомъ количествѣ и очень разнообразныхъ типовъ попадавшіяся въ Б-
родскомъ храмѣ, а также и во Владиміро-Волынскомъ—той же эпохи. Онѣ
одноцвѣтныя въ видѣ треугольниковъ, ромбиковъ и квадратиковъ и болѣе

Рис. 40. Поливныя плитки изъ храма въ Бѣлгородкѣ

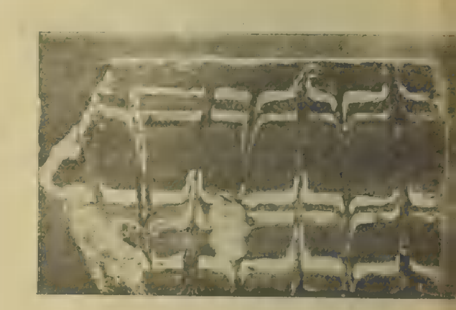

Рис. 41. Плитка изъ Бѣлгородка.

чудливой формы съ узорами въ видѣ пальметъ, травъ и геометрическихъ фи-
выполненныхъ поливой другихъ цвѣтовъ (рис. 40, 41, 42). Подобныя же п-
встрѣтились и въ Десятинной церкви и въ Георгіевской „предъ враты“
43), но послѣднія уступали бѣлгородскимъ въ техникѣ и изяществѣ.

Нельзя не упомянуть еще о своеобразныхъ памятникахъ искусства, на-
щихся въ нашихъ древнихъ храмахъ, именно—о мраморныхъ гробницахъ, или
кофагахъ. Самой красивой и оригинальной, безспорно, является гробница из-

мрамора, стоящая въ жертвенникѣ Софійскаго собора и приписываемая лаву Мудрому. Она имѣетъ высокую двускатную крышу и вся сплошь по-

Рис. 42. Плитка изъ Бѣлгородка.

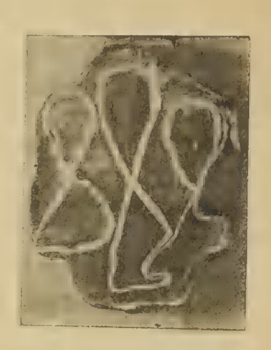

Рис. 43. Плитка изъ храма Св. Георгія въ Кіевѣ.

и барельефами. Часть этихъ украшеній имѣетъ символическій характеръ:

Рис. 44. Гробница Ярослава въ Софійскомъ соборѣ

, мы видимъ здѣсь лозу виноградную съ гроздями, обвивающую крестъ, рыбъ, кихъ птицъ; другія же имѣютъ только декоративное значеніе: розетки, листья

жканта и т. д. (рис. 44). Очень красива также гробница, найденная въ Д тинной церкви: она—изъ краснаго шифера, съ двускатной крышей, и укра орнаментомъ въ видѣ круговъ и равноконечныхъ крестовъ. Высказывались п положенія, что въ ней была погребена кн. Ольга или жена Владиміра, св. Анна (рис. 45).

Судя по письменнымъ даннымъ, подобныхъ гробницъ должно быть нем но остальныя не сохранились до нашего времени.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ особенности, которыя представляютъ церковныя древности X—XII вв. Суммируя сказанное, мы видимъ, что х эти строились по византійскому плану, но нѣсколько видоизмѣняють

Рис. 45. Мраморная гробница изъ Десятинной церкви.

основной планъ различными мѣстными добавленіями: напримѣръ, появля одна или двѣ вежи по угламъ съ западной стороны. Далѣе съ теченіемъ мени планъ этотъ претерпѣваетъ новыя измѣненія: сравниваются абсид укорачивается вообще длина храма, приближаясь къ квадрату, что и д гается въ храмахъ послѣдующей эпохи въ Владиміро-Суздальской землѣ. Вм съ тѣмъ кіевскіе храмы этого времени поражаютъ необыкновенной стройнос строгой пропорціональностью частей. Наконецъ, внутреннее убранство хра поражало своимъ великолѣпіемъ; достаточно напомнить хотя бы о т въ сколькихъ кіевскихъ церквахъ были мозаичныя иконы, въ высшей пени цѣнныя и требовавшія опытныхъ мастеровъ, или же о грудахъ обломк колоннъ и капителей изъ привознаго дорогого мрамора. Не говоря о красо

ществѣ этой отдѣлки, сопоставимъ самую цѣнность ея сравнительно съ об- ї житейской обстановкой того времени и сравнимъ съ нашимъ временемъ; сравненіе окажется не въ пользу послѣдняго.

Наступившая съ XIII в. для Кіева смутная пора является печальнымъ пе- ромъ и для церковнаго строительства. Здѣсь не мѣсто выяснять политическія кономическія причины этого упадка Кіева, но яркимъ внѣшнимъ выразите- ъ его является то обстоятельство, что за три вѣка въ Кіевѣ не только не дается ни одного храма, хоть сколько-нибудь напоминающаго великолѣпіемъ тройки предшествовавшихъ временъ, но и прежніе храмы приходятъ все въ ьшій упадокъ. Въ груду развалинъ превращается Великая Лаврская цер- ь, „безпокровнымъ" стоитъ Софійскій соборъ, разрушается Десятинный мъ. И только съ половины XVII в. въ Кіевѣ появляются снова „боголюбцы", орые поднимаютъ изъ развалинъ прежнія святыни и созидаютъ новые храмы. вое мѣсто среди нихъ безспорно принадлежитъ митрополиту кіевскому Петру гилѣ. Онъ реставрировалъ Софійскій соборъ, Великую Лаврскую церковь, ковь Спаса на Берестовѣ, Васильевскую, Михайловскій монастырь, построилъ ковь у стѣны Десятинной; ему же принадлежитъ цѣлый рядъ другихъ по- рекъ и реставрацій.

Слѣдующій подъемъ строительной дѣятельности падаетъ на время гетманства Кіевѣ Мазепы, т. е. на самый конецъ XVII и начало XVIII в. Великій голюбецъ не изъ одного рвенія и усердія къ дѣлу вѣры созидалъ храмы: на ждомъ изъ нихъ помѣщался гербъ гетмана, и такимъ образомъ увѣковѣчи- ось его имя. Въ это время развивается и достигаетъ полнаго расцвѣта но- ї стиль, принесенный изъ Западной Европы, барокко, печать котораго ле- ъ не только на всѣхъ ново-созданныхъ храмахъ, но и на реставрирован- ъ и перестроенныхъ. Этотъ стиль мало гармонировалъ съ тѣми традиціями, орыя создались въ кіевскомъ русско-византійскомъ искусствѣ, такомъ стомъ, и въ то же время величественномъ и гармоничномъ. Стиль барокко— ъ сказать, парадный, импозантный, прекрасно подходящій для дворцовъ, обще- енныхъ зданій, но слишкомъ холодный и тяжелый для православнаго ма. Въ немъ нѣтъ той гармоніи частей, которая такъ плѣняетъ въ визан- кихъ храмахъ. Высокія голыя стѣны съ немногими окнами высоко надъ лей, высокіе барабаны куполовъ мало связаны внутренней связью съ рос- но декорированными щитами западныхъ фронтоновъ и боковыхъ дверей, льно украшенныхъ различнаго рода скульптурой, которой прежде совсѣмъ не о мѣста въ храмѣ. На этихъ щитахъ мы видимъ всю роскошь декорацій ля: смѣющихся амуровъ, переплетающіяся гирлянды розъ и причудливо на- шенныя драпировки,—и весь такой щитъ, безъ малѣйшаго измѣненія, можетъ ъ перенесенъ изъ храма на порталъ любого общественнаго зданія или част- о дома. Внутренней идеи, согласованія формы съ содержаніемъ здѣсь нѣтъ. дожникъ просто пользуется мѣстомъ и творитъ въ силу своей потребности рить.

Типичными образцами храмовъ этого стиля въ Кіевѣ можно считат строенные Мазепой Никольскій соборъ на Печерскѣ—теперь Военно-Никол (рис. 46)—и Богоявленскую церковь Братскаго монастыря на Подолѣ. Эти х очень похожи другъ на друга, хотя первый болѣе величественъ, и въ отдѣлк больше изящества и вкуса. Западный фронтонъ Богоявленскаго храма укра

Рис. 46. Никольскій военный соборъ въ Кіевѣ.

роскошно декорированнымъ щитомъ съ гирляндами цвѣтовъ и херувимами наве боковыя окна западной стѣны очень красиво задрапированы наброшенной бы матеріей (рис. 47). Сѣверная и южная двери тоже красиво декориро колонками, обвитыми виноградной лозой, и гирляндами цвѣтовъ, среди котор наверху два херувима или амура держатъ большую корону (рис. 48). же мотивъ видимъ и въ Никольскомъ соборѣ, но здѣсь и детали запад щита съ колонками, обвитыми виноградной лозой, и боковыя окна въ ра

полураспускающихся листьевъ аканта въ стилѣ возрожденія гораздо изящ- (рис. 49 и 51). Но еще красивѣе въ этомъ соборѣ сѣверныя и южныя двери: ь мы видимъ тѣ же колонки, обвитыя лозой, тѣхъ же херувимовъ съ коронами, а всемъ исполненіи лежитъ отпечатокъ удивительной граціи и изящества 50).

Очень похожъ на эти соборы и пристроенный Мазепой западный фасадъ кой Лаврской церкви (тотъ же щитъ между двумя высокими башнями-

іс. 47. Порталъ Богоявленскаго храма Братскаго монастыря.

Рис. 48. Южная дверь Богоявленскаго собора Братскаго монастыря

лами, тѣ же декораціи въ видѣ листьевъ аканта и гирляндъ). Здѣсь очень ива декорація оконъ и дверей въ видѣ драпировки изъ матерій (рис. 52). Такой же характеръ имѣетъ и западный фасадъ реставрированнаго Мазепой Со- каго собора, но здѣсь нѣтъ лѣпныхъ украшеній, и вообще отдѣлка его проще. Въ этомъ же стилѣ перестраивается церковь Михайловскаго монастыря . 53), и воздвигается очень красивая по своей отдѣлкѣ колокольня Софійскаго ра, сначала имѣвшая три яруса,—только въ серединѣ XIX в. былъ над- енъ на ней четвертый ярусъ. Она вся сплошь покрыта непрерывнымъ орна- омъ въ видѣ плоскаго барельефа очень красиваго рисунка (рис. 54).

Въ серединѣ XVIII в. строится очень красивая колокольня въ Кирилловъ монастырѣ; въ ней особенно хороши детали оконъ и дверей въ видѣ вѣ-

ночковъ и гирляндъ (рис. 55 и 56). Говоря о памятникахъ этого стиля, обойти молчаніемъ также и ворота Софійскаго собора, выходящія на Ст

Рис. 49. Западный порталъ Никольскаго собора.

Рис. 50. Южная дверь Никольскаго собора.

Рис. 51. Деталь окна западнаго фасада Никольскаго собора.

Рис. 52. Орнаментъ двери Великой Лаврской церкви.

кій переулокъ и, къ сожалѣнію, мало извѣстныя публикѣ. А между тѣмъ это — удивительно красивый и характерный для стиля барокко памятникъ (рис. 57). Есть въ Кіевѣ еще одинъ великолѣпный образецъ произведеній этого стиля:

Рис. 53. Западный фасадъ храма Михайловскаго монастыря.

Рис. 54. Колокольня Софійскаго собора.

Рис. 55. Колокольня Кирилловскаго монастыря.

Рис. 56. Деталь колокольни Кирилловскаго монастыря.

это—памятникъ кн. Константину Острожскому, извѣстному ревнителю православія въ этомъ краѣ, находящійся въ великой Лаврской церкви, внутри ея, у западной стѣны. Въ настоящее время онъ заслоненъ ракой, и съ большимъ трудомъ можно разсмотрѣть отдѣльныя части его. Князь представленъ лежащимъ на ложѣ въ рыцарскомъ одѣяніи, надъ нимъ—щитъ съ воинскими атрибутами (рис. 58).

Въ храмахъ этого времени обращаютъ вниманіе на себя замѣчательно красивой работы иконостасы: особенно хороши они въ новомъ Выдубецкомъ храмѣ, построенномъ въ концѣ XVII в., въ Никольскомъ соборѣ и въ одномъ изъ придѣловъ Софійскаго собора; всѣ эти три иконостаса имѣютъ много общаго: въ нихъ видимъ прекрасную ажурную рѣзьбу по дереву, покрытую позолотой. Основной мотивъ ея—та же виноградная лоза, которая, причудливо переплетаясь, составляетъ сплошной орнаментъ, въ которомъ даже трудно сразу схватить этотъ основной рисунокъ.

Рис. 57. Ворота Софійскаго собора.

Рис. 58. Памятникъ князю Константину Острожскому.

Очень оригинальный видъ имѣетъ иконостасъ Срѣтенскаго, прежде—Предтеченскаго, придѣла въ Софійскомъ соборѣ: онъ представляетъ удачное соединеніе живописи и рѣзьбы по дереву, которыя какъ бы дополняютъ одна другую. Сюжетомъ верхней части иконостаса служитъ библейское сказаніе о жезлѣ Іессея, выросшемъ изъ его бедра. Фигура лежащаго Іессея нарисована масляными красками, развѣсистое же дерево изображено ажурной рѣзьбой (рис. 59).

Здѣсь очень красивы царскія врата, представляющія ту же виноградную лозу, которую мы видѣли на колонкахъ дверей Богоявленской церкви и Никольскаго собора. Этотъ же мотивъ, но еще болѣе развитой, въ видѣ буйной лозы, обремененной тяжелыми гроздьями, мы видимъ на царскихъ вратахъ Благовѣщенскаго придѣла большого Выдубецкаго собора (рис. 60 и 61), а такъ же и на царскихъ вратахъ Никольскаго собора. Здѣсь изгибы лозы, причудливо переплетаясь, образуютъ сплошной орнаментъ, не оставляющій ни одного мѣста незаполненнымъ и при томъ столь запутанный, что сразу трудно различить схему основного рисунка (рис. 62).

Рис. 59. Иконостасъ Срѣтенскаго придѣла Софійскаго собора.

На этомъ можно закончить разсмотрѣніе церковныхъ древностей Кіева, такъ какъ послѣдующіе храмы уже не представляютъ ничего характернаго, мѣстнаго, а являются образцами тѣхъ же типовъ построекъ, которые мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, да и къ тому же они слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ.

Рис. 60. Храмъ Выдубецкаго монастыря.

Окидывая общимъ взглядомъ все сказанное въ нашемъ, конечно, слишкомъ краткомъ обзорѣ, нельзя не признать, что кіевскіе храмы заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія, являясь хранилищами драгоцѣнныхъ памятниковъ искусс

изъ которыхъ каждый могъ бы служить предметомъ гордости цѣлыхъ поколѣні Дѣйствительно, они представляютъ собой живую лѣтопись русскаго искусст на протяженіи цѣлаго девятисотлѣтія, и невольно душу наполняетъ чувство к кого-то неяснаго піэтета, благоговѣнія, когда мы видимъ эти потемнѣвшія фрес и эти мозаики, надъ которыми пролетѣли вѣка и къ которымъ съ мольбой надеждой приходило столько поколѣній.

Рис. 61. Царскія врата Благовѣщенскаго придѣла Выдубецкаго собора.

Рис. 62. Царскія врата Никольскаго собора.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ, не только среди специалистов но и въ широкой публикѣ, замѣчается пробужденіе интереса къ родной старин и чѣмъ болѣе онъ будетъ расти, чѣмъ больше будетъ развиваться любовь нашей древности, тѣмъ дороже и ближе станутъ для насъ памятники стара Кіева, колыбели не только нашей гражданственности, но и русскаго искусств

Н. Д. Полонская.

ПРОФ. К. Ѳ. ЖАКОВЪ *).

Міровая грусть и пессимизмъ нашего времени.

роф. К. Ѳ. Жаковъ.

Человѣкъ долго жилъ въ гармоніи съ природой. Онъ не отдѣлялъ себя отъ нея. Онъ постепенно окружилъ себя царствомъ духовъ, надъ которымъ властвовалъ или вступалъ въ соглашеніе при помощи молитвенныхъ пѣснопѣній и жертвоприношеній. Такимъ путемъ подымался по лѣстницѣ эволюціи, развивалъ свои силы.

Онъ пережилъ анимизмъ и политеизмъ и поднялся до монотеизма. Евреи и индусы достигли скорѣе другихъ народовъ этой высшей стадіи.

Индусы выработали образъ идеальнаго бога—Брамы.

Брама „даетъ жизнь и силу", думали они; „сами боги изываютъ на себя его благословленіе. Безсмертіе и смерть суть лишь тѣни его".

„Когда не было ни смерти, ни безсмертія, одно недвижимое вѣтромъ дыало".

Однако, ученіе индусовъ было скорѣе пантеизмомъ, чѣмъ монотеизмомъ.)! если бы я былъ множествомъ!" сказалъ Брама, и возникъ міръ. Міръ лился изъ него, но онъ остался еще въ себѣ.

Душа безсмертна, по ученію браманизма. Каждый добродѣтельный и почный шагъ—силы природы, образуютъ связь причинъ и слѣдствій (карму). эти, старцы, бѣдняки и больные должны быть господами на землѣ.

Откуда же возникла міровая тоска, разъ природа и человѣкъ—дѣло творства Брамы? Гдѣ причина великаго протеста человѣка противъ ударовъ дьбы? Разочарованіе въ дѣлахъ Брамы породило міровую грусть.

Это разочарованіе, безвыходность человѣка, его сплошное страданіе яснѣе ярче всего выразилъ буддизмъ.

Основателемъ его былъ Сидъ-Харта (Шакія-Муни), сынъ короля центральй Индіи за 600 лѣтъ до Р. Хр.

---

*) Настоящая статья, какъ и слѣдующія за нею, представляетъ лишь конектъ лекцій, которыя долженъ былъ прочитать проф. К. Жаковъ на съѣздѣ . Зн.". Возстановленіе этихъ лекцій въ полномъ видѣ оказалось для автора возможнымъ... Ред.

Онъ былъ пораженъ трагедіей жизни и несоотвѣтствіемъ положенія человѣка съ оптимистическимъ ученіемъ браманизма.

29 лѣтъ отъ роду сдѣлался аскетомъ и проповѣдывалъ „четыре высшія истины:“

а) Жизнь—страданіе, ощущеніе—чувство, чувство возникаетъ отъ формы, форма— отъ пониманія, причина пониманія—понятіе, понятіе—слѣдствіе незнанія иллюзіи. Все—иллюзія.

б) Желаніе—причина страданія. Все —составное, внутри всякое существо пусто.

в) Путь уничтоженія иллюзіи—нирвана (прекращеніе или отсутствіе дыханія). Нирвана—предѣлъ круговорота жизни. Это—или неподвижное или ничто.

г) Отказъ отъ желаній и уничтоженіе въ себѣ всѣхъ порывовъ и стремленій—путь къ нирванѣ.

Пути къ спасенію: 1) правильные взгляды; 2) правильныя цѣли; 3) правильныя рѣчи; 4) правильные поступки; 5) правильная жизнь; 6) правильныя усилія; 7) правильныя мысли; 8) правильное созерцаніе.

Дѣло мудреца—такъ жить, чтобы никогда болѣе не возрождаться.

Безконечное страданіе и отчаяніе—въ основаніи буддизма, и онъ выработалъ аскетическіе пути спасенія. Впослѣдствіи индусы снова пришли къ оптимизму при помощи религіи проявляющагося и непроявленнаго Бога. Это—послѣдующій браманизмъ. Частный или слитый переходъ отъ первичнаго оптимизма къ высшей формѣ его черезъ пессимизмъ, или это—нѣкоторое единообразіе въ жизни всѣхъ народовъ? Да, это—нѣкій законъ исторіи. Оптимизмъ гомеровскаго лучезарнаго политеизма, располагавшаго своихъ боговъ на Олимпѣ, гдѣ нѣтъ ни мятелей, ни зимы, гдѣ не льется дождь хладоносный, этотъ оптимизмъ къ V вѣку пошатнулся подъ вліяніемъ софистики и борьбы философскихъ школъ. Трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида показываютъ намъ, что греки были не далеки отъ ученія о „нирванѣ“.

Боговъ нѣтъ, міромъ управляетъ или темный рокъ, или бездушныя стихіи огонь, воздухъ, вода, земля. „Высшія причины были превращены въ низшія“

Но Греція и Европа спасены были отъ буддизма ученіемъ Сократа и Платона. Сократъ призналъ, испытуя себя и другихъ, два принципа: общій разумъ во всѣхъ людяхъ и Божество, проникающее природу. Платонъ вознесся до ученія объ идеяхъ.

Въ нематеріальномъ мірѣ, въ „умномъ мѣстѣ“, „за хребтомъ неба“ находятся первообразы всѣхъ вещей, и надъ ними возвышается солнце бытія—Благо. Нашъ міръ—только отраженіе этого царства идей.

Ученіе Платона и послѣдующихъ платониковъ вмѣстѣ съ образомъ Іисуса изъ Назарета, на котораго міръ взглянулъ, какъ на воплощеніе идей Платона въ человѣческомъ образѣ,это сложное ученіе спасло Европу и дало ей иное направленіе культуры. Оптимизмъ занебесный восторжествовалъ надъ пессимизмомъ.

И этотъ высшій оптимизмъ въ сочетаніи съ первичнымъ дов[illegible] жизни некультурныхъ въ тѣ времена германскихъ и романскихъ [illegible]

развивался далѣе,выражаясь въ различныхъ цѣнностяхъ европейскихъ культуръ.

Онъ поднялся въ XVII вѣкѣ до своего апогея въ философіи Лейбница, признававшаго, что міръ есть выраженіе предустановленной гармоніи, что душа безсмертна, что зло есть только несовершенство индивидуальнаго и конечнаго существа, самъ же міръ въ цѣломъ—добро, что разумъ можетъ познать всѣ секреты бытія.

Въ XVII вѣкѣ исчерпался платоновскій оптимизмъ.

И два факта—французская революція и „критика чистаго разума“ Канта—показали міру, что тоска жизни неодолима, что наша воля не свободна, что нашъ разумъ ничего не знаетъ, кромѣ феноменовъ міра и законовъ, а Богъ, безсмертіе души, свобода воли—-предметы химерической метафизики.

Европа направилась послѣ этого къ „нирванѣ“.

Если мы живемъ въ царствѣ призраковъ, если Божество навсегда скрыто отъ насъ за пространствомъ, за временемъ, за закономъ причинности, то въ этомъ эфемерномъ мірѣ ничего хорошаго не можетъ быть.

Темныя хотѣнія управляютъ нами, разумъ—лишь игрушка ея. Темная, ненасытная, непересѣкаемая воля—сущность всего.

Движеніе падающаго камня—дѣло этой воли, зубы и желудокъ человѣка—органы этой ненасытной, жестокой воли. Вотъ почему каждый человѣкъ говоритъ: „все для меня и ничего для другихъ“. Эти мысли высказалъ Шопенгауэръ.

Философскій пессимизмъ водрузилъ свое знамя. Слѣдовательно, всѣ наши стремленія къ счастью иллюзорны.

Иллюзія-то, что будемъ счастливы мы въ нашей личной жизни, иллюзія, что мы будемъ счастливы на небѣ, иллюзіи, что грядущая соціальная община будетъ счастлива. Соціологическій пессимизмъ Гартмана—неизбѣжное слѣдствіе ученія Канта и Шопенгауэра.

Значитъ, оправданія жизни нѣтъ. Нравственный пессимизмъ Достоевскаго—дальнѣйшій выводъ.

То, что считаемъ источникомъ счастья,—любовь—есть только причина все возможныхъ страданій.

Эмоціональный пессимизмъ Мопассана логически вытекаетъ изъ положенія, что міръ—царство незначительныхъ, темныхъ призраковъ. Остается обратиться снова къ Діонису и въ музыкѣ, черпать усладу и забвеніѳ, проникаясь черезъ звуки „первичнымъ горемъ и первичной радостью бытія“. Такъ долженъ былъ отнестись Ницше къ искусству Діониса. Не театръ ли насъ спасетъ?

Не ошибся ли Сократъ? Не заигралъ ли онъ на лирѣ самъ передъ смертью въ тюрьмѣ, слагая гимны Аполлону?

Извѣстно, что философскія системы Кнута Гамсуна, Метерлинка, особенно Шопенгауэра, пользуются большой популярностью. Причина этого лежитъ не столько въ болѣе или менѣе оригинальномъ освѣщеніи метафизическихъ проблемъ, которыя мало понятны и доступны большой публикѣ, сколько въ

пессимистическомъ направленіи философовъ. Каждый изъ насъ переживалъ или переживаетъ пору оптимизма, но въ большинствѣ случаевъ пессимизмъ намъ ближе и понятнѣе, ибо въ каждой отдѣльной жизни горестей, страданій, ненужнаго и безсмысленнаго опыта больше, чѣмъ радостей и счастья. Отрицательныя состоянія многочисленнѣе и острѣе, чѣмъ положительныя. „Счастье,—замѣтилъ кто-то изъ современныхъ писателей,—какъ и здоровье замѣчаютъ только тогда, когда они утрачены, а о горѣ, о поразившемъ насъ ударѣ отъ жизни или судьбы такъ не скажешь. Пессимизмъ заразителенъ, пессимизмъ увлекателенъ. Стоитъ только припомнить Байрона и полосу байронизма, которая такъ ярко и шумно прошла по нашей литературѣ. Но байронизмъ не есть только литературное явленіе, и у насъ на Руси не былъ лишь слѣпымъ подражаніемъ западно-европейскимъ образцамъ. Ранняя разочарованность, мрачный взглядъ на вещи, скука и тоска, недовѣріе къ жизни и счастью, страданія отъ неудовлетворенности и безсмыслицы жизни —это все наши родныя, кровныя черты. Если въ красивой солнечной Элладѣ, среди прекрасной природы, красивыхъ и изящныхъ людей, при свободной и интересной общественной и политической жизни такіе мрачные люди, какъ Гераклитъ, составляли исключеніе, то у насъ на нашей необозримой равнинѣ, подъ сѣрымъ небомъ, подъ гнетомъ невѣжества, бѣдности, безтолковщины вездѣ и во всемъ, пессимизмъ — явленіе глубокое и массовое. Безспорнымъ доказательствомъ этого служитъ наша современная литература, властители нашихъ думъ: Чеховъ, Андреевъ, „Сборники Знанія“ и т. п. Въ послѣдніе тяжелые годы все наше общество прониклось пессимизмомъ, столь безусловнымъ и ужаснымъ, что, казалось, некуда было идти далѣе. Выростая умственно и нравственно отчасти подъ вліяніемъ западныхъ идей, отчасти подъ вліяніемъ могучаго, смѣлаго и горячаго слова собственныхъ учителей и руководителей, общество наше, проснувшись отъ долгаго и тяжелаго сна, взглянуло карательными глазами на окружающую родную дѣйствительность и ужаснулось. Въ столицахъ и большихъ городахъ—хищничество, произволъ, царство формъ, бумагъ и чиновниковъ, съ одной стороны; развратъ, болѣзни, насилія, съ другой; въ провинціи—хроническія голодовки, ужасающая бѣдность и невѣжество, безправіе, дикость, карты, пьянство и т. д. и т. д. Развѣ это не благопріятная почва для пессимизма? Искать исхода въ работѣ, въ борьбѣ съ этими многочисленными бѣдами, но за это частенько били въ голову сверху, жалили и кололи въ ноги снизу. И нашъ интеллигентъ или забивался въ „футляръ“, робко поглядывая, „какъ бы чего не вышло“, или стоналъ и рыдалъ надъ неудавшеюся жизнью, топя ее въ пьянствѣ или уничтожая своей рукой или, чаще всего, становился просто „хмурымъ человѣкомъ“, вялымъ, соннымъ и скучнымъ, влача скучную, нудную жизнь на горе себѣ, на тоску и другимъ. Пессимизмъ, какъ настроеніе, есть явленіе древнее, какъ сама жизнь; пессимизмъ, какъ міровоззрѣніе, основанное на фактахъ, подкрѣпленное логикой, моложе, быть можетъ, животной жизни, но возникъ и развивался вмѣстѣ съ сознаніемъ. Элементы пессимистическаго воззрѣнія на бытіе встрѣчаемъ мы въ литературѣ

авно, но, къ сожалѣнію, я не могу здѣсь подробно и обстоятельно развить сторію пессимизма въ литературѣ, ибо за недостаткомъ времени я не могъ оспользоваться громаднымъ матеріаломъ по этому вопросу. Скажу только, что оказательствомъ связи между пессимизмомъ и сознаніемъ можетъ служить ысль объ этомъ одного изъ нашихъ глубоковѣрующихъ, талантливѣйшихъ знаоковъ человѣческаго сердца: я разумѣю Достоевскаго и позволяю себѣ припомнить одну главу изъ его „Дневника писателя". Тамъ онъ приводитъ разжденіе одного самоубійцы, который говоритъ такъ: „Въ самомъ дѣлѣ: какое раво имѣетъ эта природа производить меня на свѣтъ вслѣдствіе какихъ-то имъ своихъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу с о н а л ъ: какое право она имѣла производить меня безъ моей воли на то, меня—знающаго? сознающаго, стало быть, страдающаго, но я не хочу страдать; бо для чего бы я согласился страдать? Природа черезъ сознаніе мое возвѣщаетъ мнѣ о какой-то гармоніи въ цѣломъ. Человѣческое сознаніе надѣлало зъ этого возвѣщенія религій. Она говоритъ мнѣ, что я хоть и знаю вполнѣ, то въ „гармоніи цѣлаго" участвовать не могу и никогда не буду, да и не йму ея вовсе, что она такое значитъ, но что я все-таки долженъ подчиниться тому возвѣщенію, долженъ смириться, принять страданіе въ виду гармоніи въ ѣломъ и согласиться жить. Но, если выбирать сознательно, то ужъ, разумѣется, скорѣе пожелаю быть счастливымъ лишь въ то мгновеніе, пока я существую, до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла послѣ того, какъ я ничтожусь. Пусть ужъ лучше былъ бы я созданъ, какъ всѣ животныя, т. е. ивущимъ, но не сознающимъ себя разумно: сознаніе же мое есть именно не рмонія, а дисгармонія, ибо съ нимъ я несчастливъ. Посмотрите: кто счаливъ на свѣтѣ и какіе люди соглашаются жить? Какъ разъ тѣ, которые похожи животныхъ и ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію ихъ соанія. Они соглашаются жить охотно, но именно подъ условіемъ жить, какъ ивотныя, т.-е. пить, ѣсть, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей. Возратъ мнѣ, что можно устроиться и устроить гнѣздо на основаніяхъ разумныхъ, научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ, а не грабежомъ, какъ было донынѣ. усть; а я спрошу: для чего устраиваться и употреблять столько стараній устроься въ обществѣ людей праведно, разумно и нравственно? Все—что мнѣ мотъ отвѣтить на это: „чтобъ получить наслажденіе". Да, если бы я былъ цвѣкъ или корова, я бы и получилъ наслажденіе. Но задавая себѣ, какъ и терь, безпрерывно вопросы, я не могу быть счастливъ даже и при самомъ высемъ и непосредственномъ счастьи любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это можетъ быть уничтожено, и я, и е это счастье, и вся любовь, и все человѣчество обратилось въ ничто, въ ежній хаосъ. Планета наша не вѣчна, и человѣчеству срокъ—такой же мигъ, къ и мнѣ. И хоть это почему-то тамъ и необходимо, по какимъ-то тамъ всельнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой ысли заключается какое-то величайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко

оскорбительное и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаг И, наконецъ, если предположить эту сказку объ устроенномъ на землѣ челов кѣ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ,—возможною, то ужъ одна мысл томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ коснымъ законамъ истязать человѣка тысячелѣтія прежде, чѣмъ довести его до этого счастья, од мысль объ этомъ невыносимо возмутительна. Далѣе той же природѣ, допуст шей человѣка наконецъ-то до счастья, почему-то необходимо обратить все завтра въ нуль, несмотря на все страданіе, которымъ заплатило человѣчест за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого отъ меня и моего созн нія, какъ скрыла она отъ коровы; невольно приходитъ въ голову чрез чайно забавная и невыносимо грустная мысль: ну что, если человѣкъ былъ щенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобъ только посмотрѣть, уж вется ли подобное существо на землѣ или нѣтъ!" Послѣ этого разсужденія рой Достоевскаго взялъ револьверъ и застрѣлился, и нужно сказать, что и разсужденіе и его выводъ отличаются несомнѣнной логичностью. Къ такому выводу приводитъ пессимизмъ и Шопенгауера и Гартмана, хотя, обладая, дол но быть, большей біологической силой, они не убили себя, а отнесли необхо мость самоубійства на счетъ будущаго, когда, по мнѣнію Гартмана, всѣ л сознаютъ эту необходимость и одновременно прервутъ жалкую цѣпь явлен перейдя къ высшему безличному существованію въ абсолютѣ.

Статья Достоевскаго, хотя и возбудила вопросы, но среди людей о бенно близкихъ писателю, да еще какой-то священникъ ополчился противъ го, обвиняя его въ атеизмѣ и безнравственности. Тогда такое явленіе было лѣе характерно для матеріализма, чѣмъ для пессимизма, ибо тогдашнее русс общество не скучало, не отчаивалось въ жизни. Всколыхнувшія и обновив русскую жизнь реформы Александра II давали много дѣла желающимъ ра тать; тогда работали мировые посредники, интеллигенты увлекались народо „опрощались", проповѣдывали, собирались въ кружки *). Тогда были въ р цвѣтѣ своей славы пѣвецъ любви и свободы Тургеневъ, проповѣдникъ прав и счастья въ Богѣ и природѣ Толстой, страстный защитникъ „униженныхъ оскорбленныхъ", прозирающій въ самую таинственную глубь человѣческой ши Достоевскій и многіе другіе, которые съ несравненною силою твор ской мысли и могучаго слова раскрывали предъ нами красоту и правду жи реальной, ощутимой, земной. Тогда „Приговоръ" самоубійцы Достоевскаг „Поэма Ивана Карамазова о великомъ Инквизиторѣ" прогудѣли ка великопостный звонъ среди карнавала, но не увели за собою бьющую ключо жизнь и не встрѣтили такого сочувствія, какимъ пользуются въ наше вре беллетристы Чеховъ, Андреевъ, Юшкевичъ и др. „Теперь жизнь, — ка выражался Ибсенъ,—лежитъ распростертая на смертномъ ложѣ". Чело чество за свою многовѣковую работу, за свои долгія страданія устало, извѣр

---

*) Тогда жили Инсаровы, Елены, Соломины и т. д.

ь въ прежнихъ идеалахъ, обманулось во многихъ своихъ упованіяхъ... При-
въ къ возрожденію, къ юности, къ здоровому счастью рождается во всѣхъ
опейскихъ литературахъ; но человѣчество возродится и вернетъ свою юность
скоро. У насъ, въ Россіи, причинъ для пессимизма больше, чѣмъ нужно.
ше мы уже отчасти упоминали, что реакція 80-хъ годовъ принизила и обез-
ила русское общество. Борцы и пѣвцы недавняго прошлаго сложили, „по незави-
щимъ отъ редакціи обстоятельствамъ", свои перья и шпаги; титаны мысли и
ва одинъ за другимъ сходили въ могилу подъ печальный, похоронный трезвонъ
ирающей жизни, а ихъ соратники или продали свои боевые доспѣхи,
і запѣли невиннымъ голосомъ о веснѣ, о Богѣ, о правдѣ Его на не-
и проч., или, наконецъ, болѣе неугомонные оказались „въ мрачныхъ пропа-
хъ земли". Жизнь медленно умирала. Густой, непроницаемый туманъ оку-
ъ русскую землю, онъ повисъ надъ столицей, широкою пеленой
кинулся надъ нашей провинціей, смиряя земства, смиряя крестьянъ.
рною, хищною птицей насѣло безвременье и на всю нашу школу въ видѣ пре-
вутой толстовской системы. Вмѣсто прежнихъ смѣлыхъ, горячихъ и славныхъ
демиковъ въ плащѣ и семинаристовъ въ желтой шали чинно шли въ универси-
ъ чистенькіе и розовые юноши въ новенькихъ мундирчикахъ, разсуждая по
огѣ о спортѣ, о балетѣ, о попойкѣ въ модномъ ресторанѣ; въ средней шко-
усердно зубрили классиковъ, какъ лучшее средство противъ свободомыслія;
исключались гимназисты старшихъ классовъ, если попадались въ театрѣ.
низшей школѣ за земскими учителями присматривали; и понастроили цер-
вно-приходскихъ школъ, гдѣ обученіе велось бы въ строго-религіозномъ духѣ.
рократическій режимъ, какъ спрутъ, впился въ государственное тѣло и по-
ѣдствомъ циркуляровъ, отношеній, донесеній, предложеній и т. п. лишалъ это
ло живыхъ силъ. Лучшей почвы для недовольства, негодованія, тоски мысля-
хъ, наблюдающихъ и страдающихъ людей не могло быть, нельзя и приду-
ть. И вотъ въ эпоху всеобщаго разложенія, всеобщаго мрака и унынія раз-
ется тихій и свѣтлый голосъ тоскующей, прекрасной души. Къ этому голосу
щество прислушивается, прислушивается чутко, ибо пѣвецъ пѣлъ о знакомой
родной всѣмъ „широкой безконечной равнинѣ", о снѣжныхъ вьюгахъ, о
ердитомъ, воющемъ вѣтрѣ", объ одинокихъ несчастныхъ людяхъ, безсильныхъ,
зпомощныхъ, неразумныхъ, о царящей кругомъ лжи и пошлости, о тинѣ, за-
сывающей дурное и хорошее, и т. д. и т. д. Онъ пѣлъ о такомъ родномъ,
изкомъ, мучительно-понятномъ, и пѣснью своей „ударилъ по сердцамъ съ не-
домою силой". Онъ, нашъ покойный, незабвенный писатель, раскрылъ намъ
оимъ неподражаемымъ талантомъ нашу жизнь, онъ обнажилъ предъ
ми нашу душу, онъ угадалъ наши чувства, онъ воспринялъ всю скорбь и
ѣ страданія своей родины, и всю исторію нашего безвременья запечатлѣлъ
ъ своимъ краткимъ и выразительнымъ словомъ.

Время наше было хмурое, скучное, какъ мы это пытались доказать, песси-
измъ уже овладѣлъ обществомъ, и Чеховъ былъ роднымъ сыномъ нашего

времени. Онъ сталъ любимымъ писателемъ, ибо понялъ основной моти современной жизни, т. е. пессимистическое настроеніе общества, и въ мно численныхъ и разнообразныхъ типахъ своихъ художественно воспроизв этотъ пессимизмъ, онъ далъ ему свое объясненіе, свое толкованіе. Теп попытаемся показать, что Чеховъ былъ, дѣйствительно, пессимисть безусловномъ смыслѣ этого слова. Пессимизмъ, по нашему мнѣнію, мож быть трояхаго рода: 1) философскій, когда въ основѣ міровоззрѣнія леж отрицаніе смысла жизни; 2) соціально-психологическій, когда утверждают доказываютъ, что нѣтъ правды на землѣ и не можетъ быть ея, ибо челов плохъ и какъ часть общества, и не менѣе плохъ внѣ общества, какъ инди дуумъ; 3) индивидуально-біологическій, когда человѣкъ не хочетъ призн возможности счастья на землѣ, возможности наслажденія, не противорѣчащ его сознанію и нравственному чувству.

Смысла нѣтъ въ природѣ, слѣдовательно,—господствуетъ слѣпая, неразумн воля, правды нѣтъ, слѣдовательно—разумъ и нравственное чувство не имѣю вліянія на жизнь слѣпой воли; жизнь—сплошное страданіе. Жизнь наша е страданіе. Такимъ образомъ, это опредѣленіе пессимизма подходитъ по Шопенгауэровское опредѣленіе. Мнѣ кажется, не нужно долго и пространно , казывать, что Чеховъ—пессимистъ въ соціально-психологическомъ смыслѣ, онъ не вѣритъ въ человѣческую личность, въ ея активность, въ ея силу мощь, въ ея вліятельную роль въ жизни. У него повсюду жизнь, это таинствс ное, грозное, стихійное собирательное, дѣлаетъ человѣка, а не то, какъ говор самоувѣренные и сильные римляне, что человѣкъ suae fortunae faber est. героп не знаютъ, что дѣлать, какъ дѣлать и, наконецъ, для чего дѣлать. одинъ изъ нихъ не вышелъ на свѣтлую дорогу осмысленнаго труда съ горяч вѣрой въ лучшее будущее, съ любовью къ жизни и живущему. Всѣ они к чаютъ—или какъ самоубійца Достоевскаго, или, еще хуже, оставляютъ се жизнь тѣла, похоронивъ навсегда душу (Іонычъ). Если у него и встрѣчают добрые, милые, умные, хорошіе люди, то разумъ ихъ не имѣетъ ни малѣйш власти подъ проявленіями слѣпой воли къ жизни, и вслѣдствіе этого они стр даютъ. Но если бы даже разумъ и вліялъ на волю, если бы и возможно бы представить человѣка съ гармонически развитыми свойствами разума, чувст и воли, то надъ нимъ все равно тяготѣетъ непонятная вѣчная тайна смерти безумія или болѣзней, не справляющихся ни съ моральными достоин ами че вѣка, ни съ соціальными причинами. Такъ себѣ, приходятъ эт стихійн ужасы, неизвѣстно откуда, и уходятъ на нѣкоторое время, невѣдомо куда, хвативши свои жертвы съ собою. „Смысла нѣтъ въ жизни“, хочетъ сказа внезапнымъ появленіемъ этихъ бѣдствій на аренѣ жизни художникъ. Объ это онъ говоритъ и еще яснѣе: „Надо не жить, надо слиться въ одно съ этой р кошной степью, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорош („Степь“). Блаженство, по его мнѣнію,—въ небытіи, въ раствореніи своего л наго *я* въ безконечной природѣ не ясное ли это доказательство глубочайш

ессимизма писателя, приближают... его къ Шопенгауэру, Гартману и будди-змъ? Кромѣ того, должно з... ..ь, что и по индивидуально-біологической, сли можно такъ выразиться, организаціи своей Чеховъ былъ предрасположенъ ь пессимизму. Онъ былъ слабаго, болѣзненнаго сложенія, онъ умеръ отъ хотки, отличался странными на нашъ взглядъ мыслями въ простомъ домаш-емъ быту, въ своей частной жизни; и эти данныя, по нашему мнѣнію, подго-вляли и усиливали его пессимистическое воззрѣніе на жизнь и людей. Другой миръ нашего времени, въ короткое время пріобрѣвшій шумную и широкую звѣстность, относится, по свойствамъ своего таланта, къ тѣмъ же выразите-мъ нашего сумрачнаго безвременья, какъ и Чеховъ. Въ своемъ пессимизмѣ еонидъ Андреевъ идетъ еще дальше Чехова. Это—изобразитель ужаса жизни, зобразитель, хотя односторонній и иногда вычурный, но сильный и страстный. ь безпощадною жестокостью онъ срываетъ красивое покрывало съ жизни и голяетъ всѣ ея язвы, всѣ ея уродства. Подобно французу, объявившему банкротство науки", онъ смѣло и зловѣще объявляетъ банкротство всего го, что составляетъ цѣнность и смыслъ жизни. Любовь, нѣжное, поэти-еское, возвышенно бережное отношеніе одного человѣка къ другому — ишь легкая, прозрачная дымка, которая разлетается при первомъ прикосно-еніи грубой и жестокой дѣйствительности и увлекаетъ озвѣрѣвшаго юношу „Бездну", черную, глубокую и страшную. Вѣра въ мысль, въ торжество и рава разума нахально поругана безуміемъ, и нѣтъ границы между свѣтлой, ржествующей, острой человѣческой ...лью и сумасшествіемъ (докторъ Кер-енцовъ). Вѣра въ Бога, вѣра въ чудо и милость поругана и ниспровергнута жизни о. Василія Ѳивейскаго. Материнство, родительскія чувства осмѣяны, езчещены жестокой и косной природой, давшей матери, страстно ждущей ебенка, идіота, взамѣнъ отнятаго этою же безсмысленной слѣпой стихіей. еловѣкъ—слабое, несчастное, отчасти смѣшное, отчасти жалкое, безсильное и еразумное существо, которое тоже неизвѣстная, жестокая и насмѣшливая, инственная и хищная жизнь ломаетъ и крутитъ, бросая его изъ одной бездны другую. Господа! доказывать наличность пессимизма здѣсь—значитъ ло-иться въ открытую дверь. По мрачности настроенія и глубокому пессимистиче-ому взгляду на жизнь, взгляду, не находящему исхода, можно присоединить де Юшкевича. Его повѣсти „Ита Гайне" и „Наши сестры"—сплошной вопль аса жизни. Тутъ ужъ остается только сказать устами героини въ „Чайкѣ": холодно, холодно, пусто, пусто, страшно, страшно, страшно!"

Возможна ли жизнь на землѣ при такомъ глубокомъ и крайнемъ песси-измѣ? Если бы пессимизмъ охватилъ всего человѣка, отравилъ его разумъ, овалъ волю, леденилъ чувства, проникъ въ его организмъ до послѣдней лѣточки, человѣкъ, конечно, не могъ бы существовать: онъ умеръ бы, не ждаясь всеобщаго возвращенія къ Абсолюту; но въ каждомъ, самомъ отчаян-мъ пессимизмѣ есть гдѣ-то въ тайникахъ души любовь къ бытію, какъ бы зотрадно оно ни было, въ каждомъ сердцѣ тлѣетъ эта случайно или намѣ

ренно зароненная природой маленькая, но горячая искра, которая, вопр разуму, наперекоръ логикѣ, обстоятельствамъ, средѣ и т. п., горитъ въ че вѣкѣ, заставляя его жить и мыслить и страдать... Искорка эта во мно великихъ и мощныхъ сердцахъ горитъ яркимъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ, з къ себѣ все измученное, обездоленное, отчаявшееся, согрѣвая его и утѣш Благодаря этому возможенъ исходъ изъ пессимизма; возможны стали бо или менѣе научно, болѣе или менѣе разумно обоснованныя ученія оптимисти скаго характера. Я коснусь этихъ ученій вкратцѣ, предоставляя честь подробнаго и обстоятельнаго изложенія болѣе меня убѣжденнымъ и крас рѣчивымъ оптимистамъ нашего кружка. Не говоря о древнихъ философа учившихъ о первопричинѣ, первозиждителѣ и о царствѣ чистыхъ и прекр ныхъ идей (Аристотель, Платонъ), мы можемъ остановиться на Коперникѣ философіи, т. е. Иммануилѣ Кантѣ. Изъ міра феноменальнаго, міра явле гдѣ все является лишь актомъ моего сознанія, и гдѣ ничего нѣтъ помимо знанія, философъ устремляетъ нашъ тоскующій отъ призрачности міра умъ другой, сверхчувственный, сверхопытный міръ, въ царство нуменовъ, бла даря которому и наша жизнь и наша дѣятельность получаютъ смыслъ и цѣ ность. Существуетъ законъ нравственности, требующій чего-то безусловно цѣ наго. Всеобщность и необходимость нравственнаго закона доказываетъ, этотъ нравственный законъ вытекаетъ не изъ чего иного, какъ изъ сам разума. Въ связи съ необходимостью нравственнаго закона постулатами практ ческаго разума являются признаніе свободы воли, признаніе Бога и призна безсмертія души. Безсмертіе души и религіозное чувство являются основны положеніями и всего нравственнаго ученія Достоевскаго. Онъ говоритъ, „безъ вѣры въ свою душу и ея безсмертіе бытіе человѣка немыслимо, н естественно и невыносимо". „Высшіе типы царятъ на землѣ—замѣчаетъ о въ своемъ „Дневникѣ",—и всегда царили, и кончалось тѣмъ всегда, что ними шли, когда восполнялся срокъ, милліоны людей". Высшіе типы—тѣ, торые признаютъ высшій смыслъ жизни въ любви къ людямъ, къ Богу, выполненіи нравственнаго закона. Этотъ смыслъ жизни можно постигнуть, вѣ въ безсмертіе души человѣческой. „Идея о безсмертіи—это сама жизнь, жив жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истиннаго и прави наго сознанія для человѣчества",—собственныя слова Достоевскаго.

Жанъ-Жакъ Руссо видитъ исходъ изъ пессимизма въ непосредственно чувствѣ человѣка, которое должно замѣнить для него выводы холоднаго разу Отъ природы, по его мнѣнію, человѣкъ былъ невиненъ и добръ и вперв сдѣлался плохимъ въ обществѣ. Рефлексія, культура, эгоизмъ—нѣчто нее ственное. Въ общественномъ состояніи господствовало состраданіе и невин себялюбіе, которое было испорчено разумомъ до чувства эгоизма. Размышляю человѣкъ есть выродившееся животное. Науки и театры дѣлаютъ насъ несча ными. Противъ всеобщаго измельчанія и унынія нужно ждать помощи толь

ъ возврата къ природѣ, отъ согласнаго съ природой воспитанія и отъ со-
іаснаго съ природой государства.

Люди науки вѣрятъ, что глубокое и всестороннее знаніе природы и чело-
ѣка даетъ лѣкарство отъ міровой скорби.

Ницше полагаетъ, что сверхчеловѣкъ выше пессимизма: онъ въ себѣ
момъ несетъ смыслъ и цѣль жизни, „дорогой скорби идя къ самому себѣ“.

„Трудъ—источникъ здоровья, блага, наслажденія. Трудитесь неустанно и
дро!“ восклицалъ покойный Золя во Франціи и широкой кистью изображалъ
хватывающую, бодрящую силу разумнаго, полезнаго для другихъ труда.

„Любите“—проповѣдуетъ Толстой. Въ дѣятельной любви къ людямъ, въ
плой вѣрѣ въ Бога, въ любви къ правдѣ и нравственному закону найдете
римиреніе съ жизнью и счастье. При усиліи воли можно стать мудрымъ, т. е.
оральнымъ человѣкомъ, который ни надъ кѣмъ не властвуетъ, а старается
змѣнить жизнь по направленію добра и правды. Эта мудрость признаетъ и
льтуру и науку, если онѣ служатъ морали. Здѣсь видимъ мы мысль, что
азумъ имѣетъ вліяніе на волю.

Какъ бы тамъ ни было, въ заключеніе мы должны повторить, что въ
аждомъ изъ насъ незамѣтно тлѣетъ или ярко горитъ искра любви къ жизни,
ікъ таковой. А ея смыслъ, ея цѣль, ея содержаніе принадлежитъ не только
ерхчеловѣку, а и просто человѣку. Пусть каждый ищетъ свою дорогу, не
гашая своего духа, и стремится къ тому или иному благу по своему вкусу, по
воему желанію, по свойствамъ своей психо-физіологической организаціи.
орогъ безконечно много, и, соблюдая только одинъ принципъ уваженія къ
ужой жизни, можно, оставаясь моральнымъ, идти къ счастью. Предъ нами вся
рекрасная природа, предъ нами весь широкій свѣтлый міръ, и молодость, и
рдая свобода, и Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ. Дайте свободу потребностямъ
еловѣческаго духа, дайте свободу науки, свободу искусства, свободу слова,
вободу личности. Самая широкая терпимость, самая широкая свобода духу—
отъ, по моему мнѣнію, дорога къ счастью.

Дыханіе древней тоски повѣяло надъ Европой и не только повѣяло: мы ею
ивемъ, только она одна занимаетъ насъ въ философіи и въ поэзіи.

Гдѣ спасеніе? Рыба гніетъ прежде всего съ головы. Если не отвергнемъ мы
илософію абсолютнаго незнанія, то кончимъ мы абсолютнымъ небытіемъ. Теорія
ознанія Канта должна быть отвергнута. Если мы этого не сдѣлаемъ, если мы
удемъ ее пропагандировать, то потомки, обратясь къ намъ, скажутъ горькія
ова Смердякова: „Вы убійца, а я лишь слуга Личарда“.

И эта теорія познанія отвергается эволюціонной теоріей знанія, основанной
а Аристотелѣ, Спенсерѣ, Гегелѣ и на наукахъ. Науки должны приблизиться
ъ Гегелю, а Гегель—къ наукамъ. Познаніе ведетъ насъ къ вещамъ въ себѣ
къ Божеству. Міръ—не темная воля, а цѣлесообразное цѣлое, стремящееся
еализовать предвѣчное Благо.

Не мѣсто здѣсь развивать мнѣ эту теорію, подтверждаемую астрономіей,

біологіей, логикой, этикой, соціологіей. Міръ есть динамическая пирамид Внизу—пространство, время, матерія, психика; вверху —логическое, эстетич ское, моральное, а въ вышинѣ пламенная любовь—всѣхъ къ единому и едина ко всѣмъ. Эволюціонная философія, эволюціонная религія—всѣ существенн главы развивающагося высшаго оптимизма. Кто проникнется имъ, тотъ скажет

О человѣкъ! Ты прекрасенъ, если не отдѣляешься отъ природы, если чу ствуешь въ себѣ потенціалъ—Бога, Онъ въ тебѣ, и ты въ немъ! Ты великъ на своей родинѣ живешь, свѣтлое небо надъ тобою, и излило оно тебѣ бе смертіе. Иди впередъ, твори,—оглянись кругомъ: цѣпенѣетъ вся природа, о умираетъ и ждетъ твоего вѣщаго слова съ горы высоты, дабы воспрянуть д жизни. Скажи и дай правду камнямъ, растенію, животнымъ, и рай будетъ в твоей душѣ, никого не бойся ты, кромѣ Бога своего, и онъ въ тебѣ, и ты въ нем

Поэзія Аполлона и Діониса.

Существуетъ ли законъ въ исторіи литературы? Если мы видимъ, что в въ матеріальномъ и въ психическомъ мірѣ подлежитъ закону эволюціи, то на полагать, что и область поэзіи, творческой фантазіи подчиняется этому закон Дѣйствительно, можно доказать, разсматривая произведенія художниковъ сло всѣхъ вѣковъ, что здѣсь наблюдается законъ ритма, чередованія поэзіи Апо лона, поэзіи оптимизма, съ творчествомъ, характеризующимъ поэзію страдающа бога Діониса, при чемъ видимъ, что за первичнымъ оптимизмомъ въ поэз слѣдуетъ эпоха паденія Аполлона, а за ней новый подъемъ свѣтлаго настро нія въ художественномъ творчествѣ. Этотъ ритмъ можно прослѣдить въ истор поэзіи Индіи, Греціи и Европы.

Въ началѣ исторіи Индіи мы видимъ свѣтоносную поэзію первичнаго Апо лона въ Ведахъ. Гимны, посвященные небеснымъ и земнымъ богамъ, дыша радостью и надеждой, какъ, напр., пѣсни, посвященныя богамъ зари. „Всег юная, всегда новая заря возрождается подобная легкой дѣвѣ. О, богиня, т подходишь къ мѣсту жертвоприношенія твердо и съ улыбкой, ты идешь вп реди, съ обнаженной грудью, подобно дѣвицѣ, которую омыла мать, ты бл стаешь красою тѣла“. Такого же характера гимны другимъ богамъ.

Однако же, въ Индіи съ теченіемъ вѣковъ измѣняется характеръ поэзі постепенно на сцену выступаетъ страданіе. Mahabharata уже не имѣетъ т безпечной радости, а „Сакунтала“, твореніе индійскаго Шекспира, Калидас выражаетъ печаль и полна глубокой трагедіи; только впослѣдствіи въ бр минской религіозной литературѣ снова выступаетъ довѣріе „непроявленному и „проявляющемуся“ Богу. Особливо ярко выступаетъ эволюціонная волна в великой книгѣ евреевъ—въ Библіи. Въ первыхъ главахъ—оптимизмъ. „В началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля была безводна и пуста, и ду носился надъ водами“.

За тѣмъ идетъ величественное повѣствованіе о шестидневномъ твореніи в

маго міра, и Богъ находилъ, что все—добро. Даже изгнаніе изъ рая описыется мягкими чертами, повѣствуется, что Богъ одѣлъ первыхъ людей въ кожныя одежды.

Но, читая дальше Библію, мы видимъ, что печаль и горе умножаются. оска становится невыносимою, міровою, безысходною въ книгѣ Іова и въ ророчествахъ Іереміи. Іовъ говоритъ: „погибни день, въ который я родился, и очь та, когда было сказано: родился человѣкъ“. Іеремія говоритъ: „проклятъ еловѣкъ, который сказалъ моему отцу, что родился у него сынъ“.

Здѣсь передъ нами—поэзія страдающаго земного бога.

Но вотъ дальше мы читаемъ Евангеліе, посланія апостоловъ и затѣмъ ткровеніе. Въ откровеніи Іоанна передъ нами—величественная небесная поэзія, оэзія вторичнаго „Аполлона“. Тамъ говорится, что нѣкогда сойдетъ съ неба овый Іерусалимъ, гдѣ храма не будетъ, ибо тамъ самъ Богъ свѣтитъ всѣмъ... ысшее утѣшеніе открывается сердцу человѣка.

Въ Библіи раскрытъ законъ литературы, чередованіе Аполлона и Діониса, и ослѣдующая волна поднимаетъ гребень выше предыдущей. Не то же ли само идимъ мы въ поэзіи грековъ? На зарѣ греческой культуры изумленнымъ взорамъ изслѣдователя предстаютъ двѣ великія поэмы Гомера: „Иліада“ и „Одисся“, которыя, несмотря на ихъ многообразное содержаніе, проникнуты оптимизмомъ, довѣріемъ къ блаженнымъ богамъ, любящимъ людей, восторгомъ и страстной любовью къ земнымъ наслажденіямъ, къ сіянію солнца.

Ничего нѣтъ лучше земной жизни, ибо тамъ въ Аидѣ нѣтъ солнца: тамъ арствуетъ мрачная Персефона. Здѣсь воспѣваются герои, любящіе отечество и аву, и хитрости „въ бѣдахъ постояннаго“ Одиссея. Все дышитъ здѣсь оптимизмомъ и фатализмомъ народа, чувствующаго почву подъ ногами.

И, однако, эта поэзія смѣняется трагедіями Эсхила, Софокла и Эврипида, ъ этихъ трагедіяхъ воочію—Діонисъ въ лицѣ Прометея, Эдипа, Язона и др. окъ властвуетъ надъ міромъ, и дикія страсти дѣлаютъ жизнь невыносимой Медея). Особливо грустенъ образъ Эврипида, на челѣ его читаемъ мы міровую оску. Сократъ, а за нимъ Платонъ, спасаютъ міръ. Платонъ вознесся мыслью до дей въ „занебесномъ царствѣ“ и тѣмъ создалъ поэзію вторичнаго Аполлона.

Вся послѣдующая поэзія Европы—сложное сплетеніе первичнаго Аполлона, ародныхъ сказаній съ платоно-христіанскими идеями. Оптимизмъ Европы раетъ до XVII вѣка. Сантиментализмъ Жанъ-Жака Руссо, Дефо и послѣдущій (Гольдшмита, Стерна и др.) были отраженіемъ двойного Аполлона, первичнаго и вторичнаго.

Въ XVIII вѣкѣ почва поколебалась.

Два явленія—французская революція и философія Канта—уничтожили корни ароднаго оптимизма и довѣріе къ идеямъ Платона, и наступило царство Діониса. апрасно Шатобріанъ и Наполеонъ хотѣли вернуть человѣчество къ старымъ деаламъ, также тщетны были попытки Новалиса, Тика и др. возродить „христіанскую“ поэзію. Въ твореніяхъ Байрона, Леопарди и др. чувствуемъ

дыханіе древней тоски. Діонисъ восторжествовалъ, какъ герой въ твореніяхъ поэтовъ. Леопарди въ лицѣ азіатскаго пастуха оплакиваетъ жизнь человѣка. Пастухъ глядитъ на луну и спрашиваетъ, какая цѣль ея блужданія по небеснымъ полямъ, и кого она ищетъ безпрерывно въ темныхъ земныхъ долинахъ: Безцѣльно и безрезультатно блужданіе человѣка по земнымъ равнинамъ.

Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій борются и не преодолѣваютъ мировой тоски, и только послѣдній спасаетъ себя въ религіи, находитъ выходъ изъ противорѣчій жизни въ поступкахъ и мысляхъ Алеши Карамазова и старца Зосимы. Тутъ видимъ снова возвратъ къ идеямъ Платона. Можно было бы доказать, если бы намъ дозволило время, что этотъ ритмъ повторился въ поэзіи Россіи. Современная литература—поэзія Діониса (Андреевъ, Сологубъ и др.). Гдѣ же вторичный Аполлонъ? Послѣднія произведенія Толстого („Хозяинъ и работникъ“, „Воскресеніе“, „Сказки“) указываютъ пути къ вторичному Аполлону, онъ выражается во всеміpной сказкѣ, проникнутой эволюціонной философіей и довѣріемъ къ правдѣ, заключающейся въ развитіи личности.

Искусство есть зараженіе къ добру. Содержаніе его—разнообразіе повседневной жизни, заключающей нравственныя идеи и величіе раскрывающагося потенціала міра и духа. Къ этому мы должны идти, если не погибнемъ прежде времени, не давъ плода всѣхъ предыдущихъ усилій великихъ мыслителей и поэтовъ.

Чему учитъ мыслящихъ людей астрономія?

Небо—золотая книга судебъ: читая листы этой книги, мы видимъ прошедшее и будущее земли и человѣка. Попутно наука о небѣ уясняетъ также характеръ человѣческаго знанія, его происхожденіе и значеніе.

Такъ какъ первый вопросъ, который возникаетъ при созиданіи міровоззрѣнія на основаніи астрономіи, состоитъ въ томъ, имѣетъ ли значеніе міропониманіе, опирающееся на опытъ и на индуктивную логику, то мы и разсмотримъ, чему учитъ та же астраномія въ области теоріи познанія.

Познаніе получается изъ ощущеній, представленій и понятій. Система ощущеній, представленій, связанныхъ понятіемъ единства, есть видимый міръ; онъ имѣетъ извѣстные предѣлы; горизонтъ и небесный сводъ—его границы. Если бы не было земли подъ ногами, то вселенная предстала бы намъ какъ голубой эллипсоидъ, внутренняя поверхность котораго усѣяна звѣздами. Астрономія доказываетъ намъ, что это—иллюзія. На самомъ дѣлѣ Вселенная не имѣетъ границъ, а маленькія звѣздочки—это огромныя міровыя тѣла, величины, которыхъ мы не можемъ представить вслѣдствіе ограниченности нашего воображенія. Но числа, какъ символы, краснорѣчиво говорятъ о величіи міра. Слѣдовательно, первое положеніе, къ которому приводитъ насъ астрономія,—это: „міръ не таковъ, какъ кажется“. Онъ кажется конечнымъ, на самомъ дѣлѣ онъ безконеченъ; онъ кажется вещественнымъ, на самомъ дѣлѣ онъ энергетиченъ, какъ увидимъ мы ниже. Если доступное зрѣнію и осязанію мы назовемъ явленіемъ, то до-

ны сказать, что астрономія на основаніи явленій познаетъ вещи—міровыя ла—и сущность ихъ—энергію.

Такимъ образомъ, астрономія заставляетъ классифицировать всѣ предметы ра на явленія, вещи и „вещи въ себѣ". Что явленія и вещи познаваемы, это евидно, но астрономія докажетъ, какъ увидимъ ниже, что и „вещи въ себѣ" знаваемы. Всѣ эти виды знанія, однако, не даны человѣку изначала, позна- е онъ постепенно пріобрѣтаетъ, приспособляясь разумомъ къ великой и много- разной дѣйствительности, отъ несовершеннаго онъ идетъ къ совершенному. сторія астрономіи это вполнѣ подтверждаетъ.

Особенно въ этомъ случаѣ любопытна исторія воззрѣній на строеніе Все- нной, взятой въ цѣломъ.

Ни одно изъ этихъ воззрѣній не было абсолютной нелѣпостью; съ другой ороны, ни одна изъ современныхъ теорій о видимомъ мірѣ не отличается абсо- тной вѣрностью; но за то исторія астрономіи показываетъ, какъ относи- льное знаніе все же, въ предѣлѣ, идетъ къ абсолютному. Теорія Птоломея зложенная въ Альмагестѣ), полагавшая землю за центръ міра и заставлявшая ѣ планеты и звѣзды двигаться около земли, часто по очень причудливымъ ивымъ путямъ (планеты по эпицикламъ), не была совершенно нелѣпою, по- му что птоломеевское воззрѣніе констатировало видимое, относительное дви- еніе небесныхъ свѣтилъ. Не только Коперникъ, но и Кеплеръ еще не знали объ тинномъ движеніи „неподвижныхъ" звѣздъ. Взгляды Уильяма Гершеля впервые вѣтили звѣздное море: вся система звѣздъ, видимая нами, вмѣстѣ съ млечнымъ темъ, имѣетъ, по его мнѣнію, видъ чечевицы (двояковыпуклаго стекла).

Изъ нынѣшнихъ ученыхъ Прокторъ думаетъ, что наша вселенная ѣетъ видъ спирали. Но, несомнѣнно, и это—не послѣднее слово астрономіи. къ мысль человѣческая идетъ къ идеальному знанію черезъ безчисленное ножество перемѣнныхъ величинъ, стремящихся къ предѣлу. Этимъ указываетъ трономія на характеръ человѣческой науки.

Въ наши дни найдены уже не только законы планетныхъ движеній (ко- рые были формулированы Кеплеромъ и обобщены Ньютономъ), но и законы иженія звѣздъ.

Спрашивается, какъ мы должны прочесть прошедшее и будущее земли и че- вѣка, изучая звѣздное небо. Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы жны утвердить нашъ методъ, который является индуктивнымъ. Индуктивный тодъ, состоящій изъ сочетанія опыта и гипотезы, гарантируетъ ли познаніе тины? Вѣдь, въ наши дни еще есть много людей, которые индукцію не счи- ютъ абсолютно надежнымъ путемъ, ведущимъ къ истинѣ. Здѣсь велико со- ѣніе, недаромъ же въ Америкѣ возникло цѣлое логическое движеніе, зывающееся прагматизмомъ, который цѣнитъ познаніе съ точки зрѣнія цѣле- образности и выводовъ, а не по существу, ибо полагается, что существо не ступно.

Теорія вѣроятности и теорема Якова Бернулли должны утвердить прочность

индуктивнаго метода. Если я брошу монету десять разъ, то мое знаніе, что по-
лучится пять рѣшетокъ и пять орловъ, только вѣроятное, но отнюдь не досто
вѣрное. Но если я буду бросать монету безконечное число разъ, то мое знаніе
что столько будетъ рѣшетокъ, сколько и орловъ,—при безконечно повторя
ющемся опытѣ приближается къ достовѣрности. Отсюда, при знаніи, что всяка
индукція есть вѣроятность, я могу сказать, что если наши гипотезы подтвер
ждаются безконечнымъ числомъ фактовъ, то онѣ суть вѣроятности, идущія к
абсолютному знанію.

Законъ тяготѣнія, законъ сохраненія энергіи—суть законы, подтверждаемы
всѣми фактами неба и земли. Въ термодинамикѣ доходитъ человѣкъ до абсо
лютнаго знанія, когда говоритъ, что міръ есть энергія, подчиненная двумъ за
конамъ термодинамики. Разъ такъ можно истолковывать индуктивный методъ
то мы можемъ съ вѣроятностью, идущей къ достовѣрности, прочесть страниц
звѣздной книги и провидѣть грядущее земли и человѣка.

Какіе прежде всего феномены поражаютъ насъ на небѣ? Тамъ видимъ мы
солнца различнаго блеска и цвѣта: солнца бѣлыя, солнца [illegible], солнц
красныя, солнца темныя. Спектральный анализъ показываетъ намъ, что хими
ческій составъ очень различенъ у этихъ солнцъ. Бѣлыя солнца состоятъ бол
шей частью изъ водорода; желтыя, какъ наше солнце, имѣютъ на поверхност
различные металлы; наконецъ, красныя солнца имѣютъ еще болѣе сложный со
ставъ, съ наибольшимъ числомъ элементовъ и химическихъ ихъ соединеній.

Темныя солнца суть планеты. Разсматривая всѣ эти свѣтила, мы видим
различные возрасты солнцъ, передъ нами великая страница эволюціи: туман
ная матерія, сгущаясь, образуетъ солнце бѣлое, которое затѣмъ, пережив
всѣ возрасты, темнѣетъ. Такова же, конечно, исторія нашего солнца. Ту
уже видимъ мы въ намекахъ грядущее нашей земли.

Кромѣ солнцъ, созерцаемъ мы на небесномъ сводѣ туманныя пятна (въ со
звѣздіяхъ Андромеды, Тельца, Оріона, Гончихъ собакъ и т. д.). Однѣ из
этихъ туманныхъ матерій оказались звѣздными кучами, другія—простыми мал
структурными туманностями. Послѣднія состоятъ изъ водорода или [illegible] бо
лѣе простыхъ веществъ—протоводорода и протогелія. Изъ этихъ-то туманно
стей возникли звѣзды-солнца.

Невольно является предположеніе, что и химическіе элементы суть криста
лизованныя тѣла изъ единой первичной матеріи.

Все небо объемлетъ широкая, таинственная полоса млечнаго пути, состо
щая изъ огромнаго количества звѣздъ, невидимыхъ раздѣльно простымъ гл
зомъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, звѣзды въ млечномъ пути болѣе сгущен
чѣмъ солнца внутри млечнаго пути, и тамъ, на окраинахъ нашей Вселенно
больше вѣроятности и возможности для столкновеній солнцъ, чѣмъ внутри сп
ралеобразной Вселенной, какъ будто нѣкій разумъ устроилъ рѣдкою среду солн
внутри, дабы на планетахъ, спокойно движущихся около солнца, возник
жизнь, а въ жизни—мысль и нравственный порядокъ

Однако, среди солнцъ внутри млечнаго пути есть тенденція сблизиться. Такъ, ...га, бѣлая звѣзда, приближается къ нашему солнцу; наше солнце, съ другой ...роны, идетъ къ созвѣздію Геркулеса.

Изъ послѣдняго доклада Poisson'а въ парижскомъ астрономическомъ обществѣ ...дно, что многіе наблюдатели констатируютъ тотъ фактъ, что всѣ звѣзды стре...тся къ двумъ точкамъ: одна изъ этихъ точекъ—въ созвѣздіи Павлина, другая— ... созвѣздіи Большого Пса, какъ будто наша видимая Вселенная—большой ...липсоидъ съ двумя фокусами, и всѣ звѣзды стремятся къ этимъ фокусамъ. ...къ же очевидно, что планеты становятся все тяжелѣе отъ паденія метеоровъ ...лунъ; движеніе нашей луны ускоряется въ 10.000 лѣтъ на діаметръ луны; ...леніе происходитъ такъ, какъ будто приближается луна къ землѣ.

Конечно, возможно, что „ускореніе“ луны происходитъ отъ удлиненія сутокъ, ...е же общій ходъ міра таковъ, что сила тяготѣнія безпрерывно дѣйствуетъ, ... уменьшаясь, тогда какъ центробѣжная сила можетъ уменьшаться отъ все...зможнаго вида столкновеній большихъ міровыхъ тѣлъ съ „космической пылью“.

Но въ природѣ замѣчается не только сгущеніе вещества, но и осложненія ...). Явленія диссоціаціи матеріи (лучи радія, катодные лучи, X-лучи) пока...ваютъ, что матерія можетъ превратиться въ то, что уже не есть матерія: ...ѣдовательно, и возникла матерія изъ того, что уже не есть матерія. Синтезъ ...нятія матеріи и силы приводитъ насъ къ понятію „энергіи“. Положеніе, что ...щность матеріи есть энергія, уничтожаетъ всѣ антиноміи въ ученіи о матеріи ...апр., вопросъ о безконечной дѣлимости ея).

Не есть ли энергія „вещь въ себѣ“? Процессъ міровой не состоитъ ли въ ...ложненіи энергіи и въ увеличеніи цѣнности ея? Если отвлечься отъ всѣхъ ...бъективныхъ ощущеній, которыми мы покрываемъ истинную дѣйствительность, ...браясь приспособиться къ ней, то мы доходимъ до познанія міровой энергіи, ...торую мыслимъ уже какъ объективную реальность, и дѣло философіи такъ ...нимать эту реальность, чтобы она уже не нуждалась для своего существованія ... другой реальности. Энергія міра подчиняется двумъ законамъ: закону сохра...нія энергіи и закону метаморфозы энергіи. Второй законъ говоритъ о томъ, ...о всѣ виды энергіи имѣютъ тенденцію превратиться въ теплоту, а послѣдняя ...зсѣивается въ пространствѣ, т. е. міръ идетъ къ покою и къ смерти. Астро...мія, геологія, біологія и др. рисуютъ намъ картину того, какъ міръ, идя къ ...ерти, восходитъ къ жизни, что въ „матеріальномъ“ раскрывается психиче...ое, а въ психическомъ—логическое, эстетическое и моральное. Слѣдовательно, ...а же идетъ Вселенная? Къ раскрытію всѣхъ своихъ цѣнностей при помощи ...ожненія веществъ и развитія психическаго. Дальнѣйшій анализъ показываетъ ...ъ, что пространство и время не суть энергіи, тѣмъ болѣе — психическое и ...ическое. Пространство и время хотя не суть энергія, но связаны съ ней ...ленно: во всѣхъ механическихъ формулахъ разстояніе и отрывокъ времени ...ъ извѣстные коэффиціенты. Психическое, хотя не слилось съ матеріальнымъ, ...и не раздѣлилось. Мало того, психическое развивается при помощи зако-

новъ сочетанія простѣйшихъ переживаній и отношеній ихъ между собою. В материальномъ мірѣ тоже видимъ случаи синтеза веществъ и силъ.

Динамика матеріальной жизни гомологична съ динамикой психической.

Это приводитъ насъ къ двумъ важнымъ соображеніямъ:

1) въ основаніи матеріальной энергіи и психической энергіи лежитъ од начало; 2) зная и читая исторіи Вселенной въ судьбахъ свѣтилъ, мы можем на основаніи гомологичности прочесть исторію психическаго, логическаго моральнаго, т. е. создать исторію „нравственной природы".

Основаніемъ всѣхъ видовъ энергіи (матеріальной и психической) может быть не что иное, какъ дѣйствующее начало, которое уже не матеріально и н психично, а существуетъ потенціально и можетъ быть и матеріальнымъ и псих ческимъ при своей реализаціи. Такимъ образомъ, мы индуктивнымъ путемъ при ходимъ къ заключенію, что сущность всего—неисчерпывающійся потенціал который въ природѣ выражается какъ механика, въ развитіи души—какъ си стема психическихъ законовъ, въ развитіи разума—какъ логика, т. е. потен ціалъ пралогиченъ, а механика, психическіе законы и логика суть частные случа пралогичности потенціала.

Такъ какъ міръ, идя къ смерти, восходитъ къ высшей, болѣе цѣнно жизни, то нужно признать, что потенціалъ—благъ, онъ есть „вещь в себѣ". Если вѣрны положенія астрономіи, физики и другихъ наукъ, то вѣрн и это заключеніе. Тотъ, кто ищетъ монизма, долженъ придти къ мысл о потенціалѣ, иначе міръ предстанетъ, какъ нѣчто раздѣльное, т. е. онъ уви дитъ пространство, время, матерію, силу, психическое, логическое и т. д. и н усмотритъ единаго начала въ нихъ. А констатировавъ потенціалъ, увидимъ в стадіи неба жизнь этого динамическаго начала, и тогда жизнь судебъ, т. звѣздное небо, нарисуетъ ему прошлое и будущее жизни матеріи и духа. П допущеніи потенціала исторія неба и человѣчества есть только раскрытіе м теріальныхъ и духовныхъ цѣнностей, и такъ какъ потенціалъ обнаруживае высшее при наличности низшаго, то самое высшее еще остается въ немъ н выраженнымъ (это—царство идейПлатона). При этой точкѣ зрѣнія мы пойме изначальное состояніе природы (оно потенціально) и конечное, которое состои въ гармоническомъ соотношеніи всѣхъ цѣнностей. Чтобы это уяснить, дади отчетъ, какъ нужно понимать потенціалъ; тогда мы поймемъ внутренній смыс небесныхъ и земныхъ явленій. Для уясненія этого понятія мы возьмемъ н сколько примѣровъ изъ жизни и науки. Идеи—потенціалъ по отношенію тѣмъ фактамъ, которые реализуютъ эти идеи. Идеи—не факты, но не нич онѣ—факты въ потенціалѣ. Карандашъ, лежавшій на столѣ, не падаетъ, уск реніе его равно какъ бы нулю, оно, въ сущности, въ потенціалѣ... Каме поднятый изъ долины на гору, имѣетъ нѣчто лишнее, онъ можетъ соверши при своемъ паденіи работу и произвести извѣстные эффекты.

Туманная матерія, наблюдаемая на небѣ, содержитъ въ потенціалѣ все т что можетъ произойти изъ нея: солнца, планеты, жизнь, психику, логику и т.

...—частные примѣры. Потенціалъ же всего міра содержитъ въ себѣ все ...ное грядущее вселенной и, однако, никогда не исчерпается. „Сотворивъ ...ръ изъ себя, я остался еще въ себѣ", говоритъ Брама. Къ какимъ мыслямъ ...иводитъ насъ созерцаніе неба, если мы допускаемъ въ основаніи всего вѣчно ...ализующійся потенціалъ.

Мы видимъ безпредѣльное пространство надъ собою и созерцаемъ вѣчно ...кущее время: это—первыя реализаціи потенціала. Нельзя сказать, что былъ ...ментъ, когда не было пространства и времени: въ нихъ всегда реализо...лся потенціалъ; можно говорить только о времени такихъ именно (частныхъ) ...ализацій, какъ наше звѣздное небо.

Вторая ступень—безструктурная энергія, изъ которой возникаютъ туманныя ...теріи, а изъ нихъ—солнца и планеты. Въ извѣстный моментъ времени на плане...хъ реализуется нѣчто новое—психическое, субъективное. Это—новая цѣнность.

Какъ матерія стремится къ гармоніи своихъ частей, такъ психическое стре...тся къ согармоніи съ другими категоріями бытія: съ пространствомъ, съ ...еменемъ, съ матеріей. Возникаетъ многообразная психическая жизнь и логи...ское въ ней, какъ соотношеніе къ другимъ категоріямъ бытія. На этомъ не ...танавливается психическое, оно переходитъ въ эстетическое сознаніе, какъ ...знаніе внутренней и внѣшней гармоніи міра. Въ этомъ сознаніи пробуждается ...бовь ко всему живущему, какъ оправданіе всякаго бытія: это — элементъ ...авственный. И этимъ не довольствуется потенціалъ, онъ стремится еще къ ...сшему единству, безъ нарушенія индивидуальностей. Смерть планетъ и людей ...ть переходъ къ высшему. Луны падаютъ на планеты, планеты на солнца только ...я того, чтобы образовалась еще высшая среда для обнаруженія жизни.

Можно думать, что великія планеты—Юпитеръ, Сатурнъ—это запасы для ...дущаго, когда земля, приблизившись къ солнцу, сгоритъ въ его лучахъ. ...кже новые народы—запасы на случаи обветшанія старыхъ народовъ. Вотъ о ...мъ говоритъ намъ звѣздное небо, разсмотрѣнное съ точки зрѣнія потенціала, ... которому неминуемо ведетъ насъ синтезъ астрономіи и философіи. Какая идея ...торіи неба? Сближеніе частей, осложненіе цѣлаго, ростъ цѣнности бытія. Раз...шивъ менѣе совершенное, потенціалъ созидаетъ болѣе цѣнное. Эту идею ...жно усматривать въ процессѣ космическаго сгущенія матеріи, въ возникно...ніи большихъ планетъ изъ угасшихъ солнцъ, въ тенденціяхъ къ паденію лунъ ... планеты и планетъ на солнца. То же самое—въ моральномъ мірѣ.

Синтезъ семействъ даетъ общества, изъ послѣднихъ созидаются націи, ко...рыя восходятъ, соглашая свои интересы, къ единой семьѣ народовъ, къ уни...рсальной, вселенской церкви. Техника и наука сближаютъ части пространства ... моменты, философія объединяетъ мысли всѣхъ вѣковъ, религія восходитъ къ ...ъединенію выраженнаго потенціала къ невыраженному, но постепенно выра...ющемуся. Процессъ міра есть созиданіе пирамиды, основаніе которой—Хаосъ, ...ршина— Благо Вселенной. Статическая система Платона, такимъ образомъ, ...реходитъ въ динамическую.

собою. Въ

Астрономія говоритъ намъ, что начало вселенной—безструктурна. конецъ ея—система міровъ, на поверхностяхъ которыхъ возникаетъ абсол. знаніе и Благо всѣхъ живущихъ. Начало человѣчества—углеводородныя соед кенія съ потенціальной психикой, конецъ его—семья сверхчеловѣковъ. Астрон мія учитъ насъ, что не смерть ожидаетъ шаръ земной, а сліяніе его съ сол цемъ, дабы образовать высшую планету, на поверхности которой возникне „солнечная" жизнь.

Нравственный императивъ, диктуемый астрономіей, можновыразить слова Конфуція:

„15-ти лѣтъ мой умъ былъ занятъ ученіемъ: тридцати лѣтъ я продолжа настойчиво заниматься: сорока лѣтъ у меня не было сомнѣній: пятидесяти лѣ я зналъ опредѣленія неба; шестидесяти мое ухо было послушнымъ органомъ д воспріятія правды: семидесяти лѣтъ я могъ слѣдовать стремленіямъ моего серд не отступая отъ правды".

Чего онъ достигъ, показываетъ нижеслѣдующее мнѣніе о немъ:

„Онъ можетъ быть сравненъ съ небомъ и землей, когда они поддерживак другъ друга, когда они осѣняютъ и охватываютъ всѣ предметы; онъ може быть сравненъ съ четырьмя временами года въ ихъ чередующемся ходѣ, солнцемъ и луной въ ихъ послѣдовательномъ сіяніи. Скорый въ понимав ясный въ сужденіяхъ, широкій умъ со всеобъемлющими познаніями, онъ бы созданъ управлять. Великодушный, щедрый, кроткій, добрый, онъ былъ созда подавать примѣры. Куда только проникаетъ сила человѣка, гдѣ есть тол сводъ небесъ и простирается земля, гдѣ сіяетъ солнце и луна, гдѣ только т щитъ морозъ и падаетъ роса,—все, что имѣетъ кровь и дыханіе, нелицемѣр чтило и любило его. Поэтому онъ, какъ сказано, равенъ небу".

Вотъ что долженъ дѣлать человѣкъ и кѣмъ быть,—тотъ, кто проникся эвол ціоннымъ ученіемъ, золотыми буквами написаннымъ надъ нами, на сво небесномъ.

К. Жаковъ.

